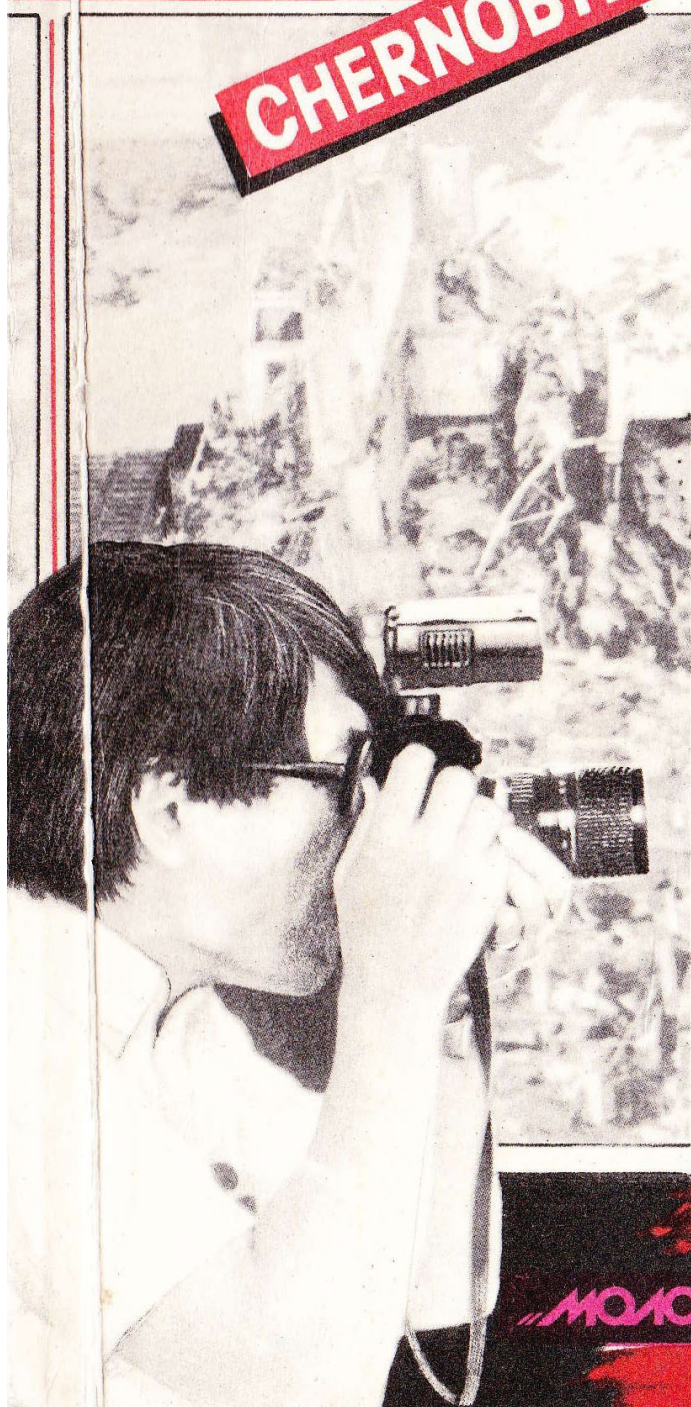

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКО, ЮРИЙ РИСОВАННЫЙ

ВУЛ

CHERNOBYL

ЧЕРНОБЫЛЬ — КАКИМ ЕГО УВИДЕЛ МИР

„МОЛОДЬ“

THE OBSERVER

TIME

U.S. News
& WORLD REPORT

EXPRESS

Newsweek

L'Europeo

DER SPIEGEL

stern

PARIS
MATCH

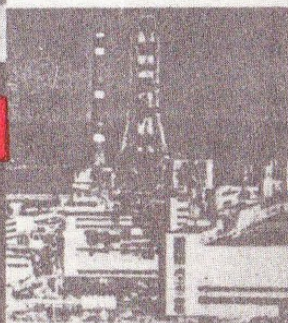
Le point

INTERNATIONAL
Herald Tribune

ЧЕРНОБЫЛЬ – КАКИМ ЕГО УВИДЕЛ МИР

Anatomy of a Catastrophe

The Soviets lift the lid on the Chernobyl syndrome

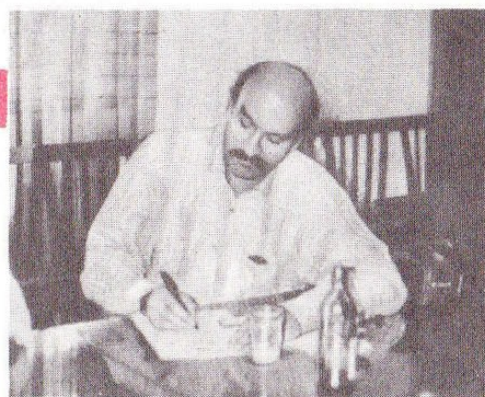

After the inferno: The damaged reactor.

The Soviet Union discharged a burst of candor last week, basting the effect: at a press conference in Moscow, officials finally explained the Chernobyl nuclear accident four months ago and hinted at the ultimate human cost. It was a tacit admission of errors—an almost unbelievable step in which the Chernobyl plant's operators

by was an attempt to offset the damage done to Soviet-European relations by the initial cover-up of the scope of the disaster. Kremlin chief Mikhail Gorbachev has been trying to mold European public opinion on arms control by repeatedly citing Chernobyl as an example of the "wildcat force" of uncontrolled nuclear energy. Last week in a televised speech Gorbachev told Soviet viewers that the tragedy at Chernobyl provided a warning about the arms race. "Reports have estimated that the explosion of even the smallest nuclear warhead would lead to the radioactivity of three Chernobyls," he said. "If that is so, then Chernobyl is a small part of the nuclear catastrophe that will become an irreversible reality." Gorbachev extended the point: "A global arms race cannot be won because it is not partly aimed at destruction, but at the gain of a first war advantage."

But a Gorbachev-Chernobyl connection also has been made in the West. In the weeks after the disaster, European governments have been trying to contain the spread of nuclear power. The West has been reluctant to provide a full-scale investigation of the accident, and the Soviet Union has been reluctant to provide a full-scale investigation of the accident.

Съемочная группа английской телекомпании Би-би-си интересуется работой дозиметристов.

Корреспонденты шведской газеты «Фредсависен» Томас Хеурлин /справа/ и Стиг Мерке /слева/ в отделе информации и международных связей

Известный американский художник-карикатурист Дж. Берри оставляет автограф — рисунок в память о посещении Чернобыля.

Фотокорреспондент американского журнала «Нэшнл джиографик» Карен Касмауски готовит фоторепортаж о зоне отселения ЧАЭС.

ЧЕРНОБЫЛЬ —
КАКИМ ЕГО УВИДЕЛ
МИР

TERRE MAUDITE

Spökstaden

Värning. Prinsar – stängt stad.
Skylten har löstnat och vinden slårskat den
sväpplundigt mot vägen. Ett likat klockat i
den svarta himlen. I den svarta himlen smitt
som inte ett enda forster.

Färd den vita solen i skuggan i skuggan borta
de röda klockorna i skuggan i skuggan borta
gräsa i den svarta himlen. I skuggan i skuggan
i skuggan borta. Här stannar inte en enda forster
i skuggan borta.

Det var på morgonen i färd förster. Guds-
barnet i skuggan i skuggan borta. Det
var på morgonen i färd förster. Guds-
barnet i skuggan i skuggan borta.

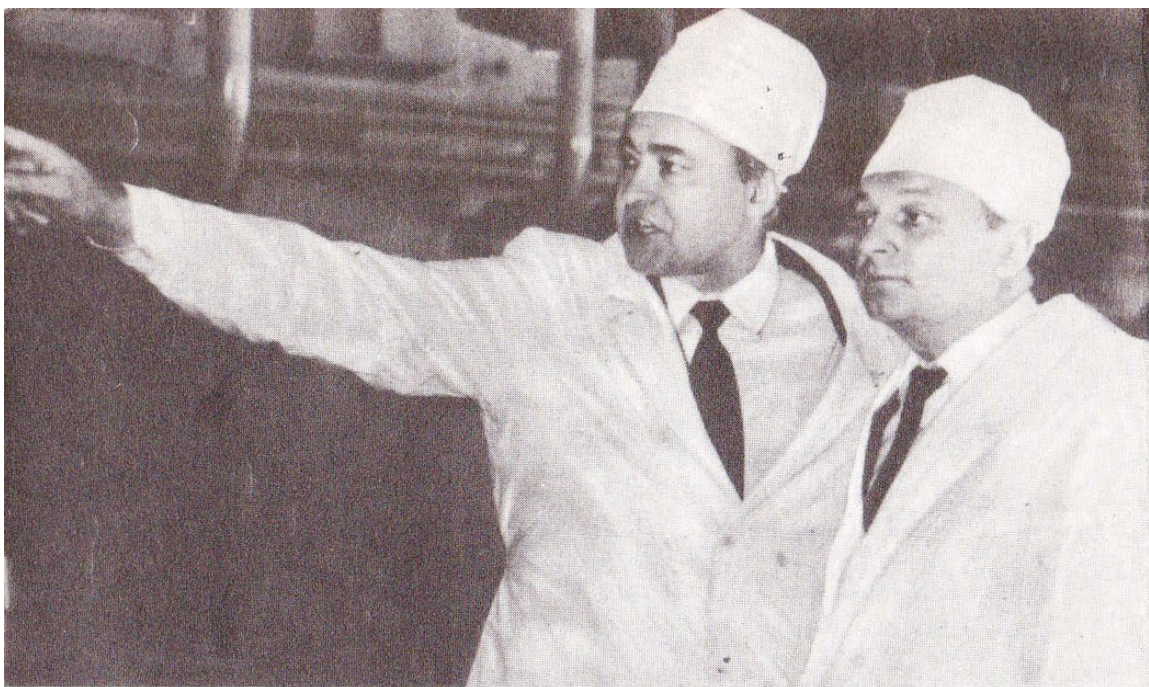
TCHERNOBYL AU CŒUR DE LA ZONE DANGÉREUSE

Une ville étroitement bannée

La catastrophe de Tchernobyl a entraîné la mise en place d'une zone d'exclusion de 30 km de rayon. Cette zone est strictement interdite à l'entrée et à la sortie. Les habitants de la zone d'exclusion ont été évacués et les terres sont contaminées. La catastrophe a entraîné la mise en place d'une zone d'exclusion de 30 km de rayon. Cette zone est strictement interdite à l'entrée et à la sortie. Les habitants de la zone d'exclusion ont été évacués et les terres sont contaminées.

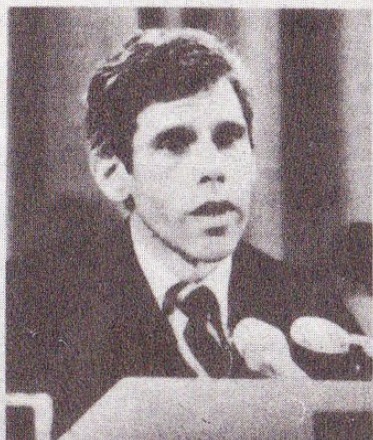
Une armée de dix hommes mobilisée pour la pollution

Une armée de dix hommes mobilisée pour la pollution. Les soldats sont équipés de matériel de protection et de matériel de nettoyage. Ils sont chargés de surveiller la zone d'exclusion et de nettoyer les terres contaminées. Une armée de dix hommes mobilisée pour la pollution. Les soldats sont équipés de matériel de protection et de matériel de nettoyage. Ils sont chargés de surveiller la zone d'exclusion et de nettoyer les terres contaminées.

ЧЕРНОБЫЛЬ – КАКИМ ЕГО УВИДЕЛ МИР

...y foreigners. East
them to pass, but
ntries, including
ned back and ad-
passports.
...in 1945, Berlin
victorious Allies.
city is under the
four occupying
three Western
the western half
viet Union takes
Berlin. In 1949,
East Germany
as its capital.
vent up in 1961,
physical bound-
as part of their
West Berlin as
city. That
agreement
powers the
here with-
ers sent
two week
but

Gale said cancer risk

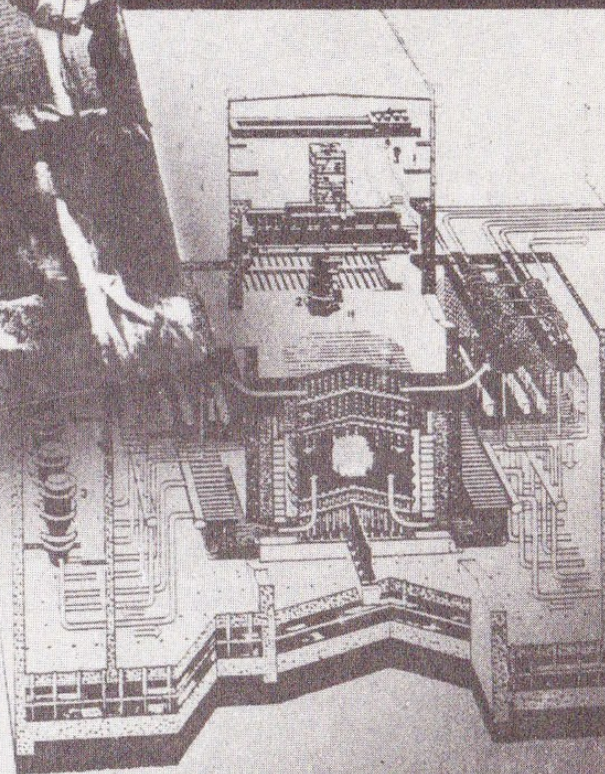
SOVIET UNION
**Rock
Mount**

Chernobyl-
BY MIKE EDWARDS

Директор Чернобыльской
атомной станции М. П. Уманец
/слева/ и министр энергетики ЧССР
В. Эренбергер в машинном зале

Генеральный директор
МАГАТЭ Ханс Бликс /первый/
/слева/ беседует с жителем
села Опачичи /крайний справа/,
вернувшимся в «зону»
после аварии /май 1988 года/

Американский врач Роберт
Гейл и его коллеги работали
вместе с советскими врачами в
московской больнице № 6,
где была оказана помощь
наиболее пострадавшим
при аварии

A CHRONOLOGY OF DISASTER

25 April/1:00 a.m.

Electrical engineers assume control of the reactor to test a generator's capacity to power emergency systems as it coasts after steam is shut off. Control rods are lowered into the core, and the thermal-energy level drops from normal 3,250 megawatts (MW) to 1,500 MW. Demand for

25 April/11:18 a.m.

Monitoring systems are adjusted to low power levels, but the operator fails to check the computer to prevent power from rising to 1,000 MW. Power rises to the dangerous level of 1,000 MW. The backup reactor power, which had been shut down, begins to rise.

By April 26, the reactor is in a state of complete chaos. The operator fails to check the computer to prevent power from rising to 1,000 MW. Power rises to the dangerous level of 1,000 MW. The backup reactor power, which had been shut down, begins to rise.

Корреспондент газеты
«Вашингтон пост»
Селестин Болен /слева/

Председатель Центрального
энергетического управления
Великобритании лорд
Маршал и леди Маршал
посетили Чернобыльскую
атомную станцию в
июне 1988 года

«Трофеи» французского
журналиста Ж. П. Шавана —
образцы растений, почвы, воды, о
которых он рассказал на
страницах «Сельскохозяйственного
журнала»

ЧЕРНОБЫЛЬ – КАКИМ ЕГО УВИДЕЛ МИР

PREMIERE

La terre de Tchernobyl commence à livrer ses secrets

Ramener la terre, des feuillages et des légumes... ne interdite était l'un des objectifs de la décontamination. Mais l'affaire était délicate. Les échantillons ramassés en divers endroits de la zone de Tchernobyl. Pour l'heure nous publions les résultats d'un premier sondage.

Agriculture magazine

EXCLUSIF VOYAGE
AU COEUR DES
TERRES IRRADIEES

TCHERNOBYL

POUR LA
PREMIERE FOIS
LES AGRICULTEURS
RUSSES
TEMOIGNENT

des traces : 3,7 Bq/kg ($\pm 2,2$) ; ce qui est proche de la normale, à l'exception concernant le césium, le ruthénium et en tout cas le signe que l'échantillon est une zone décontaminée. Ils sont en accord avec les chiffres fournis par les autorités : de 100 à 900 000 Bq au m² dans les années.

grosse ☒ woche

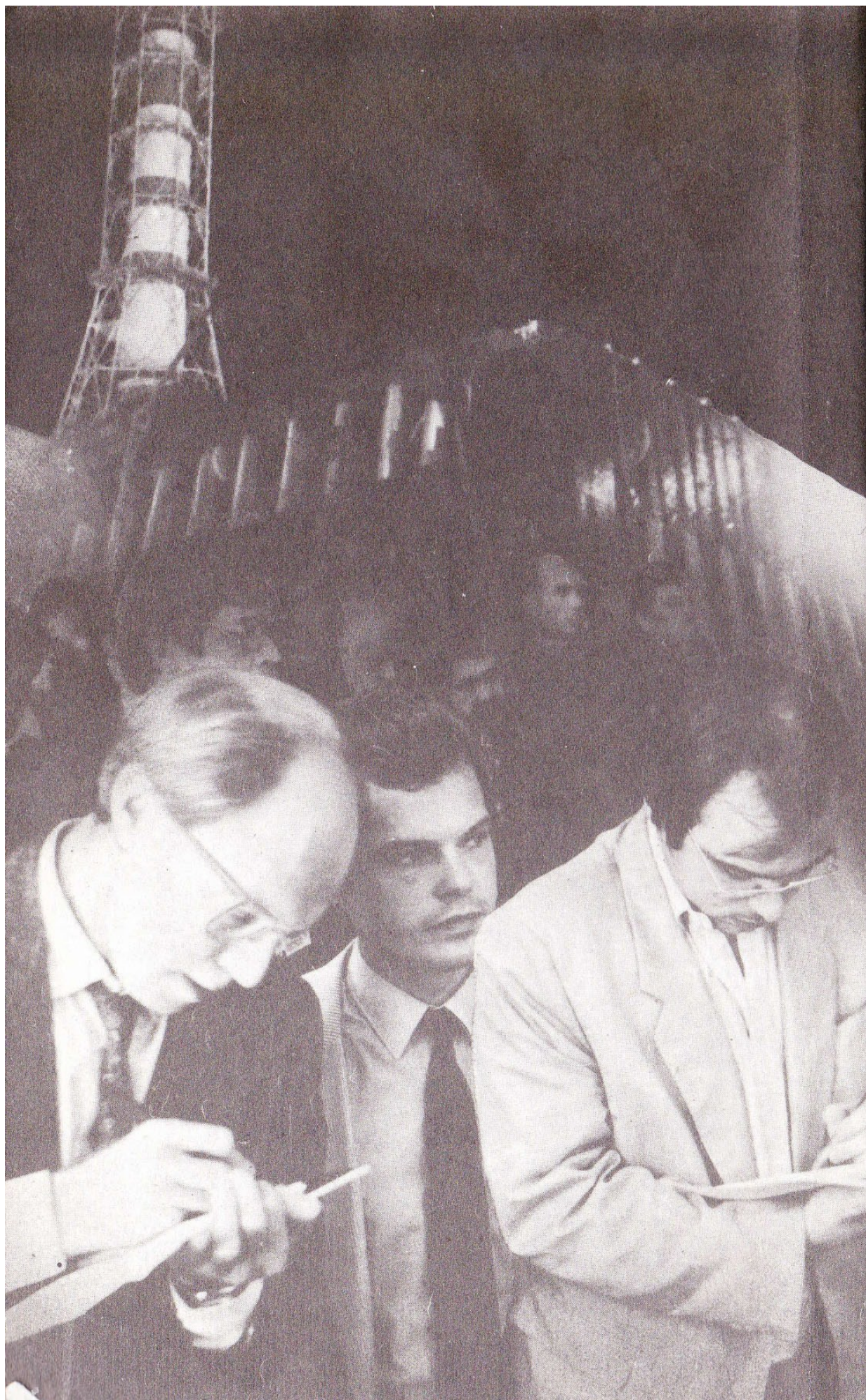
Публикация о Чернобыле в западногерманском журнале «Штерн» сопровождается «традиционным» снимком с Бессарабского рынка в Киеве

TSCHERNOBYL

»Nichts, was dem Volk schadet«

Tschernobyl: Radiomobilität und doziert der Professor... schlimmer als das Folgen der Strahlung... Suche... angst... aber habe die... Presse... die eigene... richten... Gebieten... hatten...

АЛЕКСАНДР КОВАЛЕНКО
ЮРИЙ РИСОВАННЫЙ

ЧЕРНОБЫЛЬ- КАКИМ ЕГО УВИДЕЛ МИР

КИЕВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ЛКСМУ «МОЛОДЬ»
1989

Как комментировались события в Чернобыле зарубежными, в первую очередь — западными средствами массовой информации? Каково вообще общественное восприятие ядерной энергетики после апреля 1986 года? Эти и другие вопросы, связанные с событиями на ЧАЭС, а также проблема необходимости ведения тщательно продуманной политики в области информации применительно к данной отрасли экономики, освещаются в этой книге.

Книга иллюстрирована уникальными фотографиями. Рассчитана на широкий круг читателей.

Художественное оформление К. А. РЯЗАНОВА

Издательство «Молодь», 1989

Все мы пассажиры одной лодки, и кто бы ни раскачивал ее, опасность угрожает всем в одинаковой мере. Поэтому давайте сотрудничать.

ГАРОЛЬД М. ДЕНТОН,
директор отдела по связям правительства с общественностью, старший советник Комиссии по ядерному регулированию США.

Из стенограммы беседы в Чернобыле

ПРЕДИСЛОВИЕ

На долю нашей страны выпала нелегкая ноша — пережить самую серьезную аварию, которая когда-либо случалась на ядерно-энергетических объектах за всю, пусть и недолгую, историю их существования. Сама авария, ее колоссальные по масштабам последствия так или иначе коснулись миллионов людей во всем мире. Одних непосредственно — им пришлось стать участниками этих событий; других косвенно — возникла необходимость решать экономические проблемы в новой ситуации, сложившейся в «послечернобыльскую эру», произошли изменения в политической и экономической жизни многих стран, в первую очередь — в Европе. Не остались незатронутыми и интересы Соединенных Штатов Америки, Японии и других стран, где на ядерную энергетику приходится значительный процент производства электричества в общем энергетическом балансе.

Как воспринял мир то, что впоследствии стало именоваться одним словом — «Чернобыль»? Авторы этой книги отнеслись с полным пониманием к тому, что нагляднее всего это можно показать, только приведя документальные свидетельства. Поэтому в книгу вошли — частично или целиком — материалы, которые, как мы надеемся, составят цельное полотно, дадут советским читателям представление о том, каким Чернобыль предстал миру.

Вопрос: Разве Чернобыльская атомная станция находится не в Чернобыле?

Ответ: Нет, до аварии она не имела ничего общего с этим городом. Даже станционный персонал проживал в специально для него построенном городе Припяти.

Вопрос: Почему же она так называется?

Ответ: Станция строилась на территории Чернобыльского района, где к началу строительства не было других крупных населенных пунктов. Поэтому ее называли Чернобыльской.

Из стенограммы беседы с зарубежными гостями в отделе информации и международных связей.

ЧЕРНОБЫЛЬ — город Киевской области, СССР, райцентр, расположен на реке Припять (приток Днепра) при впадении в нее реки Уж, в 18 километрах от железнодорожной станции Янов. Речной порт. Первые летописные сведения о Чернобыле относятся к 1193 г. В 1162 г. захвачен феодальной Литвой. После Люблинской унии в 1569 г. попал под власть шляхетской Польши. Население Чернобыля участвовало в освободительной войне украинского народа (1648-1654 гг.). После второго раздела Польши (1793 г.) Чернобыль в составе Правобережной Украины воссоединен с Россией. Во время революции 1905-1907 гг. в Чернобыле произошли митинги и стачки рабочих, выступления крестьян. Советская власть в городе установлена в феврале 1918 г. С 1941 г. Чернобыль — город.

В городе ремонтно-эксплуатационная база Днепровского речного пароходства, заводы: чугунолитейный, сыродельный, комбикормовый, участок Киевского производственного художественного объединения; РАПО; промышленный комбинат; комбинат бытового обслуживания; два ПТУ, четыре общеобразовательные и одна музыкальная школы, больница, поликлиника. Дом культуры, кинотеатр, библиотека.

ЧАСТЬ I

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЧЕРНОБЫЛЕ?

Год 1986-й

Мы не были к этому готовы

Сегодня можно без сомнения утверждать, что авария в Чернобыле перевернула наше представление о ядерной энергетике. Начиная с 1954 года, когда в СССР был пущен первый в мире ядерный реактор, предназначенный для производства электроэнергии, человечество испытывало чувство эйфории: найден поистине неисчерпаемый источник энергии — экологически чистый, способный давать людям энергию независимо от расположения залежей топлива, не требующий специальных транспортных коммуникаций для его доставки. Экономически наиболее развитые страны встали на путь интенсивного развития этой отрасли экономики. Ядерная энергетика сулила большие выгоды, а возникновение новых серьезных проблем хотя и можно было просчитать, но виделись они в столь отдаленном будущем, что за восторгом первых лет работы атомных станций казались лишь фоном.

В начале 60-х, в 70-е годы каждая страна шла своим путем в развитии атомной промышленности, устанавливая собственные нормы безопасности, часто довольно жесткие. Мир еще не знал крупных аварий¹ в этой области, и бум в строительстве атомных станций нарастал. На Европейском континенте в лидеры вышла Франция: к середине 1986 года доля ядерной энергетике в производстве электроэнергии в этой стране составила почти 70 процентов, свыше 60 процентов — в Бельгии, почти 40 процентов — в Финляндии, более трети — в Швейцарии, 30 процентов — в Западной Германии. Более ста блоков работало в Соединенных Штатах Америки. В СССР на 50 блоках производилось 11 процентов всей электроэнергии.

Постепенно то, что казалось лишь благом, стало приобретать осязаемые черты серьезной проблемы. Например, при существующей плотности населения в Центральной и Западной Европе сколько-нибудь серьезная авария с утечкой радиоактивности (и неизбежно трансграничном характере последствий) может поставить трудноразрешимые задачи: эвакуация населения, осуществление чрезвычайно объемных работ по дезактивации и ликвидации других последствий — медицинских, социальных и т. д. Поэтому главным и неременным условием

¹ Довольно серьезная авария произошла лишь в 1979 году на атомной электростанции «Тримайл Айленд» в США, но она не была связана с выбросом большого объема радиоактивных веществ в атмосферу. Об аварии на британском ядерном объекте Виндскейл, имевшем более серьезные последствия, стало широко известно лишь 30 лет спустя, в 1987 году.

существования ядерной энергетики является ее безопасность. Кроме того, все более отчетливо проявляется проблема захоронения ядерных отходов, демонтажа отработавших свой срок ядерных реакторов.

В связи с этим возникает и совершенно новая проблема — общественное восприятие атомной энергии. То есть она присутствовала всегда, но в то же время ее словно и не было. Ведь ядерная энергетика — это «передовая, экологически чистая технология, надежная техника, относительно низкая стоимость электроэнергии, высококвалифицированный персонал». За такие преимущества едва ли нужно было агитировать большую часть населения где бы то ни было. Чернобыль явился миру отрезвлением, «пробуждением от ядерной мечты», по меткому выражению американского исследователя Кристофера Флавина¹. И дело здесь не только в вопросах технического или экономического плана. Оказалось, что сознание человека не готово к восприятию новой для него опасности — радиации. Человек не наделен органами, способными ее обнаруживать, и это обернулось своей противоположностью — стремлением искать и видеть радиационную опасность там, где ее нет.

Эти два взаимосвязанных момента с особой силой проявились в период чернобыльской аварии. Впоследствии в обиход вошло понятие «радиофобия» (страх перед радиацией), которым один из ведущих советских радиобиологов академик Л.А. Ильин охарактеризовал новое психологическое состояние значительного числа людей, оказавшихся в зоне ядерной аварии или на территориях, где вследствие такой аварии изменялась радиационная обстановка.

Поскольку нас интересует восприятие и освещение чернобыльской аварии за пределами СССР, то здесь важно отметить, что в большой мере влияние на формирование психологического климата в мире в этот период оказали буржуазные средства массовой информации (о причинах этого будет сказано отдельно) в первые дни после аварии. На Западе широкое распространение получили самые невероятные домыслы и слухи, которые иногда перемежались выводами специалистов. Буржуазная пропаганда не преминула использовать сложившуюся непростую ситуацию для нагнетания антисоветской истерии. Сделать это оказалось довольно легко — здесь-то как раз и сказалась неподготовленность основной массы людей к восприятию новой для них опасности. Была ли реальной угрозой здоровью людей на большей части Европейского континента, где выпали радиоактивные осадки в результате чернобыльской аварии? Если да, то в какой мере? Журнал «Энерджи дейли», ссылаясь на лорда Уолтера Маршалла, председателя Центрального энергетического управления Великобритании, писал 25 июля 1986 года: «Когда британской общественности сказали, что радиация из Чернобыля в 10 раз превысила нормальные показатели, людей это обеспокоило.

¹ Флавин К. Пробуждение от ядерной мечты. — Бюллетень ОПЕК. — 1987. — № 4, — С. 14—19.

Когда я сообщил, что риск был равен выкуриванию одной или двух сигарет за всю жизнь, это было настолько успокаивающим, что люди сделали вывод — здесь какая-то неточность»¹

Но в первые недели после аварии еще не прозвучали эти отрезвляющие слова. Да и вряд ли были бы услышаны — валена была сенсация: больше страха — сильнее эмоциональный резонанс. Как признался один западный корреспондент, важно передать сообщение как можно быстрее, опередить конкурентов, а достоверность на данном этапе — вопрос второстепенный. Неточности можно поправить позднее. Наверное, именно поэтому первые сообщения об аварии в Чернобыле полны «фактов» о тысячах погибших и похороненных в братских могилах, о взрыве не только четвертого, но и второго блока станции, об отсутствии систем защиты на советских реакторах и прочих ужасах, о «конце ядерной мечты человечества». Появились прогнозы гибели в ближайшем будущем половины населения Припяти, всех малых городов и деревень на Украине и в Белоруссии, постепенном вымирании Киева... По страницам западных газет и журналов прокатилась волна сообщений о возможном влиянии аварии на здоровье людей, предсказывался небывалый всплеск заболеваний раком и лейкемией.

Спустя некоторое время международная газета «Алердинк трибюн» писала: «Много уроков может извлечь пресса Востока и Запада из чернобыльской катастрофы и ее масштабов. Одно очевидно: информационный вакуум быстро наполняется сенсационными сообщениями. Советские представители прибыли в США через два дня после аварии без малейшего представления о том, что произошло в Чернобыле. В открытых дискуссиях и частных разговорах с ведущими американскими журналистами они начали понимать, насколько опасен процесс, возникший в связи с запоздалой и сжатой информацией, исходящей из Москвы. Основное недоверие к советской информационной политике возродило недоверие и ко всей советской политике. Если Советы были скрытны в вопросе об аварии по отношению к своему народу и своим соседям, можно ли им верить на переговорах по ядерному оружию?»²

Основанное на стереотипах «холодной войны» восприятие информации из «враждебного лагеря» не учитывало особенностей положения, сложившегося в районе аварии в первые дни. Не отрицая факта запоздалого сообщения о самой аварии и обстановке на Чернобыльской станции, несомненно, справедливым будет отметить, что даже для крупных специалистов, прибывших на место сразу же после случившегося, оценка ситуации в целом представлялась делом довольно затруднительным. Тем более что все усилия в этот период были направлены на

¹ «Британский ядерный гуру извлекает мораль из чернобыльской аварии». — Энерджи дэйли, — 1986, — 25 июля — Т. 14 — № 142 — С. 2—3.

² Руж Г. Чернобыль и пресса, — Алердинк трибюн, — 1986, ноябрь.

укрошение разрушенного реактора. И все же там, в Чернобыле, всем нам был преподан серьезный урок.

Чернобыль способствовал ускорению процесса гласности, что не осталось незамеченным за пределами нашей страны. Та же «Алердинк трибюн» отмечала: «...в Москве кое-кто осознал цену скрытной информационной политики — как по отношению к международным делам, так и к своему населению. Заметны стали некоторые изменения. Материалы об утонувшем корабле в Черном море, пропавшей атомной подводной лодке, угоне самолета в Сибири были официально опубликованы впервые в советской прессе, которая до сих пор оставалась далекой от обнародования плохих новостей подобного рода, а советские слушатели черпали информацию из зарубежных радиопередач».¹

Начало пути к большей открытости, гласности было положено не в 1986 году. 1986 год стал логическим продолжением всего хода политического развития страны, начавшегося процесса перестройки. Чернобыль — своего рода катализатор.

С полным основанием газета продолжала, что «...даже серьезные журналисты могут стать жертвой старых отношений недоверия периода «холодной войны», которые пребывали в спячке, но очень оживились под воздействием спешных сообщений об аварии. После аварии на «Тримайл Айленд» советская пресса писала, что это может произойти только при капитализме, где прибыль—это все, а меры защиты ничего не стоят. Западные читатели восприняли это как одну из старых избитых фраз. После Чернобыля западные журналисты использовали избитую фразу — это могло произойти только при коммунизме. Эти комментарии, предвзятые суждения, часто сформулированные в условиях нехватки времени, не дают представления о реальных вещах, происходящих в другой стране и в своей собственной, а их восприятие читателями помогает добавить еще один кирпичик к стене недоверия и искаженного понимания».

Упреки по поводу позднего оповещения об аварии, замалчивания ее масштабов и текущих событий, по поводу того, что иностранным корреспондентам запретили не только посещение 30-километровой зоны отчуждения, образованной вокруг АЭС, но даже в первое время въезд в Киев, содержались практически в каждой публикации на Западе. «Представители Советского Союза выступали мало. Своим бездействием они отдали контроль за потоком информации на Западе в руки тем, кто мог только строить предположения относительно того, что, может быть, происходит», — такова оценка исследователей из Нью-Йоркского университета. Не дождавшись официальной информации, западная пресса заполнила вакуум собственными догадками, приобретающими нередко форму антисоветских выпадов.

Уже 5 мая газета «Интернэшнл геральд трибюн» опубликовала карту распространения радиации и подробные сведения об ее уровнях на территории

¹ Руж Г. Чернобыль и пресса, — Алердинк трибюн, — 1986, ноябрь.

СССР и Европы, в то время как даже жители Киева имели весьма смутное представление о том, что происходило в их городе. «Молчание и отсутствие объективной и точной научной оценки в советской прессе не только противоречит курсу гласности, но и является очень вредным», — приводит корреспондент английской «Таймс» К. Уокер высказывание советского автора профессора В. Книжникова, осудившего «утаивание официальной информации как «одну из главных причин паники»¹.

Была, однако, и другая точка зрения. Генеральный директор Международного агентства по ядерной энергии (МАГАТЭ) Ханс Бликс выразил ее так: «Боюсь, что освещение этого события в Советском Союзе западными методами привело бы к бесполезной панике. В СССР информация запаздывала, была неполной, но скорее всего правильной. Запад давал информацию быстро, ее было много, но она вводила в заблуждение».

Бесспорно одно: средства массовой информации стран Запада начали терять контроль над освещением аварии, когда Советский Союз стал проводить брифинги и передавать информацию в МАГАТЭ, которое пресса считала надежным информационным источником. «Доклад СССР на венской конференции МАГАТЭ летом 1986 года поднял доверие к нему», — такой вывод сделали американские социологи.

Доклад, с которым прибыла в Вену советская делегация, возглавляемая академиком В. А. Легасовым, по сути стал той основой, на которой прочно утверждались все технические характеристики аварии средствами массовой информации. Его высокая оценка западными специалистами позволила говорить о начале периода гласности в освещении чернобыльской аварии. И хотя прошло еще немало времени, прежде чем западные журналисты получили возможность посещать первоначально закрытую для них (да и для многих советских корреспондентов) зону — не в последнюю очередь по причине радиационной безопасности, — лед недоверия был сломлен. События в Чернобыле перестали быть «тайной за семью печатями». 1 сентября 1986 года журнал «Ньюсуик» писал: «Советский Союз разразился всплеском открытости на прошлой неделе с ошеломляющим результатом: на пресс-конференции в Москве официальные лица наконец дали объяснения чернобыльской аварии, случившейся четыре месяца назад, и намекнули, каких потерь это стоило. Авария была трагедией ошибок — почти невероятная история, в которой операторы чернобыльской станции намеренно отключили одну за другой автоматические системы безопасности реактора, чтобы иметь возможность провести эксперимент. Таким образом, они оказались беспомощными перед необходимостью сдержать развитие аварии, когда

¹ Уокер К. Россия говорит правду о размерах чернобыльской паники. — Таймс, — 1987. — 18 июня.

испытания вышли из-под контроля — с последствиями намного более серьезными, чем Советы первоначально могли предположить».

Характерен заголовок публикации: «Анатомия катастрофы. Советы поднимают завесу над чернобыльским синдромом». Знакомая броскость, дух сенсационности, резкие рубленые фразы. Но от сути не уйти — полная информация исходила из единственно достоверного источника, в достаточной мере располагавшего данными, — от советских специалистов. Это стало началом возвращения доверия. Впереди предстоял долгий путь к большей открытости, взаимопониманию, откровенному проявлению сочувствия, симпатии и в конечном итоге — восхищению результатами гигантских усилий по преодолению последствий самой серьезной аварии в ядерной энергетике.

Мир узнает о чернобыльской трагедии

Одним из первых наиболее полную картину аварии на Чернобыльской АЭС дал журнал «Ньюсуик» 12 мая 1986 года. Нам важно это знать, тем более что спустя полтора-два года оценки событий в Чернобыле будут резко отличаться от первых сообщений. Приводим публикацию с незначительными сокращениями.

РАСПЛАВЛЕНИЕ

Ужасающая ядерная авария ввергла в опасность Советский Союз и привела к выбросу радиоактивного облака над Европой.

Уже само слово вызывает ужас: пожар реактора с температурами, достаточными, чтобы превратить металл в жидкую грязь, графит в тлеющие уголья и при других обстоятельствах контролируемые элементы — в свободно перемещающиеся изотопы смерти. На этот раз научный гений человека катастрофическим образом сочетался с человеческой ошибкой на Чернобыльской атомной электростанции на Украине. Вышла из строя система охлаждения одного из реакторов; активная зона перегрелась, и взрыв сорвал крышу, выпустив наружу радиоактивное облако, которое обусловило возбуждение радиационных датчиков по всему континенту. «Это в значительной мере самая серьезная авария на ядерном реакторе, известная человечеству, — сказал сенатор Патрик Лихай после изучения сообщений разведки. — Это превосходит даже самые страшные кошмары ученых-ядерщиков».

Страх следовал за ветром. Москва скрывала полную информацию от собственного народа и вообще от всех, не говоря ничего, пока Швеция не потребовала правды. Только два человека погибли, как сообщило ТАСС, помимо воли подновляя свое первоначальное сообщение. Сколько всего советских людей умрет от лучевой болезни или от рака, возникшего впоследствии?

Катастрофа означает для Москвы потерю политического лица. Но она поставила и более широкую проблему. Менее чем за пять месяцев до этого Соединенные Штаты потеряли «Шаттл», а Советский Союз — ЧАЭС. Научное высокомерие и национальная гордость присутствовали в обеих катастрофах... Задача сейчас — извлечь урок из катастроф и исправить ошибки, порождающие их, не уступая страху, который они внушают.

ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ СИНДРОМ¹

Чернобыльская ядерная авария на прошлой неделе была настолько обескураживающей, насколько пугающей. Тысячегигаваттный энергетический блок вдруг стал фонтаном смерти. Поломка и взрыв стали загадкой для физиков и инженеров и кошмаром для тех, кто не имеет ни малейшего понятия о ядерной технологии. Где началась катастрофа, почему никто не предотвратил ее, сколько человек пострадают или умрут по ее причине? Закрытое общество в СССР делало все возможное, чтобы не прозвучал ответ. Несмотря на крайние усилия Москвы, спутники заглянули в горящее здание, эксперты разведки выдали данные, которыми располагали ученые и технические специалисты (так же, как политики и простые люди), по направлению ветра проследили путь осадков от Украины до Скандинавского полуострова, через Восточную и Западную Европу. Из этих источников группа из 25 корреспондентов «Ньюсуик», разбросанных по 16 городам Советского Союза, Европы и Соединенных Штатов, дала цельную картину самой серьезной в мире ядерной катастрофы.

Была суббота, пять дней до 1 Мая, — именно то яркое утро, которое обещает, что весна не обойдет стороной Советский Союз в конце концов. Теплый юго-восточный бриз дул с Черного моря через житницу Украины. Мысли многих из 2,5 миллионов жителей Киева, древней столицы республики и третьего по величине города страны, были заняты футбольным матчем, который должен был состояться на местном стадионе в воскресенье вечером и транслироваться по телевидению. Группы рабочих украшали улицы красными флагами, готовились к самому радостному празднику года. Самым большим нарушителем установившегося в городе порядка обещала стать большая велогонка.

Но менее чем в восьмидесяти милях на север от Киева нормального положения вещей уже не существовало. Нарастал кризис — сначала исподволь, вдоль реки

¹ Термин, который был создан по аналогии с названием нашумевшего на Западе фильма «Китайский синдром» — о катастрофе на ядерном объекте в КНР, связанной с расплавлением активной зоны реактора и утечкой радиации. — Здесь и далее примечания авторов.

Припять, на второстепенной дороге между городами Чернобыль (население 25 тысяч человек) и Припять (население 10 тысяч человек)¹. Место — огромная Чернобыльская атомная станция, где события на четвертом, самом новом — в действии с 1983 года — реакторе стремительно выходили из-под контроля. Даже сейчас многие детали для ученых за пределами страны остаются тайной, которая спрятана за стенами секретности, воздвигнутыми Кремлем, чтобы скрыть самую серьезную в истории ядерную аварию.

Возможно, катастрофа произошла очень быстро. По мнению американских ученых, авария почти наверняка началась с большой потери охладителя в активной зоне реактора в пятницу 25 апреля. Никто из посторонних не знал, что именно воспрепятствовало подаче воды. Возможно, упало давление при перегрузке топлива или отказали электросистемы, что привело к остановке насосов; одним высокопоставленным советским официальным лицом было позднее отмечено, что к аварии привела «человеческая ошибка». В любом случае реакция деления продолжалась внутри топливных стержней без воды, которая должна бы их охлаждать, выделение тепла быстро нарастало.

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ ВЗРЫВ. В чрезвычайных случаях реактор должен заливать себя водой и останавливаться автоматически. Если это и произошло, то произошло слишком поздно. По мере повышения температуры остававшаяся в системе вода превращалась в пар, он разрушил стенки трубопроводов высокого давления, по которым проходит вода через активную зону. Пар вступил в реакцию с графитовыми блоками, окружающими трубы высокого давления, образуя высоко-взрывоопасные газы. Затем в субботу газы взорвались — было разрушено здание, загорелся графит, взрывом открыта активная зона реактора. На открытом воздухе горение графита усилилось. Урановое горючее — в нем продолжалась реакция деления — нагревалось и плавилось. Облако дыма, газа и радиоактивных частиц поднялось в небо.

Мир не сталкивался с пожаром в графитовом реакторе с 1957 года, когда британская станция Виндскейл пережила подобный кризис. С тех пор от устаревших графитовых реакторов отказались повсюду за пределами Советского Союза — за исключением производства плутония, используемого в оружии, которое на этих реакторах осуществлялось с заметной легкостью². Если графит горит, он горит

¹ Данные о численности населения городов не соответствуют действительности. Ко времени аварии в Припяти проживало 50 тысяч человек, в Чернобыле почти 14 тысяч.

² Впоследствии, когда западные журналисты имели возможность посещать станцию, вопрос о производстве плутония они задавали неоднократно. Характерно, что об этом никогда не говорили специалисты, которые знают, что промышленные энергетические установки не используются для производства горючего для ядерного оружия.

основательно. Достигая температуры свыше 5000°C ¹, чернобыльский пожар выбрасывал радиоактивность по мере плавления, преграждая путь в здание. Советский реактор не был снабжен защитным устройством, обычным во всем мире, так называемым гермошлемом — громадным куполом из напряженного бетона², при аварии способным предотвратить утечку радиоактивных материалов. «Это ужасный грязный пожар, разносящий осадки постоянно, — сказал западный дипломат в Москве о чернобыльском пожаре. — И никто не знает, как его остановить».

Советские официальные лица быстро — насколько это было возможно — предприняли шаги к обузданию катастрофы. Они создали кордон для предотвращения доступа к Чернобыльской станции, начертав круг в 18 миль в диаметре. Специалисты обследовали место аварии с вертолетов и самолетов, медики пришли на помощь пострадавшим. Заместитель председателя Совета Министров Борис Щербина, ведущий представитель правительства по вопросам энергетики, приехал из Москвы с группой ученых и специалистов. Катастрофа, с которой они столкнулись, была хуже любого «Китайского синдрома», созданного кинематографистами. В других случаях ядерного расплавления большая часть радиоактивных материалов осталась бы захороненной, возможно, глубоко в земле. В Чернобыле пожар на графитовой кладке во время горения всасывал кислород и выбрасывал радиоактивные элементы в воздух. Некоторые частицы могли загрязнить близлежащую реку Припять, которая течет через гигантское Киевское водохранилище и далее в Днепр — третью по величине реку Европы.

КАРАВАН ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ. Без какого-либо сообщения из Москвы жители были потихоньку эвакуированы из района Чернобыля — около 50 тысяч человек, по западным оценкам. Киевские городские автобусы, возможно, были направлены для выполнения этой работы. Рабочие-строители из Финляндии, находившиеся за пределами города, сказали, что они видели караваны транспорта, направляющегося в сторону Чернобыля. Ранним вечером в субботу сильная гроза разразилась над Киевом. В ретроспективе некоторые зарубежные гости города хотели знать, не попали ли они еще под какие-то осадки, кроме дождя. «Я оказалась под сильным дождем на улице, — вспоминает Джессика Мур, двадцатилетняя английская студентка, после эвакуации из Киева. — Ни о чем таком я в то время не думала. Сейчас я не знаю, был ли дождь радиоактивным. Все, казалось, было нормальным».

¹ Фактически температура была примерно в два раза ниже.

² Реакторы чернобыльского типа — РБМК имеют отличную от водоводяных реакторов, снабжаемых гермошлемом, систему защиты — плотно прочностные боксы.

Первые признаки беды не были обнаружены во внешнем мире ранее понедельника (28 апреля 1986 р. — *Авт.*). Ранним утром работник шведской атомной станции Форсмарк проходил мимо радиационного датчика и поднял тревогу. Радиация была обнаружена на синих чехлах, надетых поверх обуви. Власти эвакуировали станцию, но вскоре убедились, что с ней все в порядке; все другие станции страны, где также осуществлялся контроль, сообщали о внезапном скачке радиации до уровней, в 100 раз превышающих нормальный, — не опасных, но принесших беспокойство. Шведы быстро обратились со своими тревогами к американцам, которые было предположили, что подземный ядерный взрыв в СССР привел каким-то образом к загрязнению атмосферы.

Вопреки распространенному мифу, Соединенные Штаты не располагают системой круглосуточного наблюдения за всей территорией Советского Союза. В распоряжении Вашингтона — разнообразная разведывательная техника, включая спутники с фотооборудованием, спутники электронного наблюдения и раннего предупреждения. Разведка США также записывает на пленку большой объем советской информации по каналам связи и хранит ее на километрах магнитной ленты — на случай, если кто-то захочет воспользоваться ею позже. Но аналитики разведки имеют и первоочередные цели: за строящимися пусковыми установками, например, наблюдение ведется почти ежедневно. Чернобыльская электростанция и все передвижения к ней и обратно не были в чем-либо списке срочных задач до понедельника.

Но во второй половине дня шведские ученые обнаружили изотопы криптона, ксенона, йода, цезия и кобальта в осадках — такое радиоактивное «жаркое» могло получиться только при аварии на реакторе. Ученые пришли к заключению, что где-то имело место по крайней мере частичное расплавление активной зоны. Во второй половине дня в понедельник шведы также определили, что радиоактивное облако достигло их берегов в 2 часа дня в воскресенье. Направление ветра регистрировалось: дул довольно равномерный бриз с юго-востока в течение последних двух дней. Проследив путь в обратном направлении, американские аналитики провели линию, которая пересекала Латвию, далее — вниз, через советские города Минск и Киев. Но американцы сначала не могли поверить, что там случилась авария. Они предположили, что если советская атомная станция вышла из строя, она должна была находиться вблизи морского побережья, потому что советские власти наверняка предприняли бы серьезные действия до понедельника, если бы происшествие случилось вблизи густонаселенного города внутри страны. Итак, первые пробные круги на карте были нанесены вокруг двух советских энергетических блоков на побережье далеко на север от Чернобыля.

Но это никак не сочеталось с фактами. Анализ направлений ветра и состав радиоактивного облака позволяли предположить, что выпадение осадков происходило в точном соответствии с движением «факела» на высоте около 5 тысяч

футов (примерно 1,5 км. — *Авт.*). «Факел» лишь слегка разошелся веером на своем пути на север. Но это означало, что облако образовалось далеко на юге, в глубине Украины. Аналитикам представлялось невероятным, но это означало Чернобыль. В понедельник после полудня по вашингтонскому времени аналитики уже приглядывались к Чернобылю как к вероятному месту, где произошла авария.

НИКАКОЙ ИНФОРМАЦИИ. Тем временем шведские дипломаты в Москве обеспокоенно обращались с вопросами. В обеденное время атташе посольства по науке и технике Пер Олоф Сйостедт связался с советским Госкомитетом по использованию ядерной энергии и попросил объяснений. Ответ: никакой интересующей его информацией там не располагают. На приеме вечером в шведском посольстве шведский посол Торстен Ори обратился с просьбой к сотруднику советского Министерства иностранных дел с просьбой об информации. Этот сотрудник лишь принял вопрос к сведению. Затем, в 21 час 2 мин. телевизионная программа «Время» признала: «На Чернобыльской атомной станции поврежден один реактор. Принимаются меры по ликвидации последствий аварии. Пострадавшим оказывается помощь. Образована Правительственная комиссия».

И это все. Никаких упоминаний о пострадавших, никакой технической информации о масштабах случившейся катастрофы или как с ней управляться. Человек номер 2 в шведском посольстве, Ларе Акс Нильссон, получил из Стокгольма инструкции потребовать дополнительную информацию, необходимую для обеспечения безопасности шведских граждан. В одиннадцать часов вечера Нильссон связался с работником Министерства иностранных дел. В течение 15 минут тот перезвонил ему и отослал к официальному коммюнике. «Я не располагаю другой информацией», — сказал он.

Во вторник утром шведы и другие продолжали оказывать нажим на Москву с целью получить информацию, но советские официальные лица, вдаваясь в многословие, продолжали препятствовать этому. Однако в Стокгольме и Бонне советские дипломаты лихорадочно отыскивали информацию о том, как погасить горящий графит. Шведы и западные немцы не могли предложить серьезной помощи. Манфред Петролл, официальный представитель Германского атомного форума — группы частной промышленности, сказал, что горящий графит можно тушить «водой, порошком железа, песком, пеной и т. д., но чтобы точно сказать, что нужно сделать, необходимо знать условия на месте, чего мы не знаем». Москве посоветовали проконсультироваться у англичан — у них за плечами был по крайней мере опыт Виндскейла, который мог пригодиться.

Но СССР не спешил принять помощь из-за рубежа, кроме как советами. Президент Рейган распорядился, чтобы министерство энергетики предоставило ему список с перечислением пунктов возможной гуманитарной и технической помощи. Министерство собрало специальную команду экспертов-ядерщиков — людей,

которые были бы задействованы в случае ядерной аварии в Соединенных Штатах. Они сказали, что необходимо предложить Москве использовать высокосложную электронно-вычислительную систему, которая на основе данных о ветре и земле прогнозирует направление переноса радиоактивности. Они также предложили установленную на вертолете систему, способную измерять и наносить на карту распространение радиоактивного загрязнения; команду врачей и других для исследования воздуха, воды и почвы; специалистов медиков по радиационным дозам и технических специалистов по дезактивации.

Список был передан по телеграфу в американское посольство в Москве. В течение 24 часов СССР вежливо отклонил его. «Они упустили некоторые очень ценные возможности», — заявил позднее министр энергетики США Джон Херрингтон. Единственное предложение американцев, принятое Москвой, поступило от ее старого друга Арманда Хаммера, председателя «Оксидентл», который направил телеграмму непосредственно советскому руководителю Михаилу Горбачеву с предложением услуг специалиста по пересадке костного мозга — таким способом лечат жертвы радиации.

Во вторник СССР предоставил несколько больше информации. Она состояла из четырех маленьких абзацев, в которых говорилось, что два человека погибли «во время аварии», что влекло за собой вопрос, сколько человек погибло в результате ее последствий или должны были погибнуть позже. В сообщении также говорилось, что «радиационная ситуация... стабилизировалась», а четыре «населенных пункта» у реактора эвакуированы.

Во вторник утром американская разведка получила возможность использовать один военный разведывательный спутник КН-11, который в то время находился на околоземной орбите. КН-11 — это управляемый, снабженный маленькими ракетными двигателями спутник, который может быть выведен на орбиту над любой точкой мира, а его оптика намного превосходит оптику коммерческого спутника. Когда аналитики в Вашингтоне просмотрели фотоснимки, сделанные при первом прохождении над Чернобылем, они были ошеломлены. Крыша над реактором была взорвана, и стены выброшены наружу — «как амбар, рухнувший от сильного ветра», — говорилось в одном источнике. Внутри того, что осталось от здания, была светящаяся масса графита. Вьющийся спиралью дымок и почерневшая крыша примыкающего здания указывали на то, что в некоторых местах огонь был намного сильнее. Сейчас графит пламенел внизу, как уже готовый кусок жаренного на огне мяса. Радиоактивный материал из реактора, в котором находилось 100 тонн урана, все еще выходил через открытую кровлю и дальше в атмосферу.

Аналитиков, однако, поразило, что на некоторых фотоснимках из этой же серии можно было видеть баржу, мирно плывущую вниз по Припяти, будто ничего не случилось. А внутри станционного забора (меньше чем в миле от сгоревшего реактора) — людей, очевидно, играющих в футбол. Когда спутник пролетал над

Припятью, свидетельствовали источники, было ясно, что до сих пор жители не были эвакуированы.

Драматическое фотосвидетельство послужило для аналитиков толчком к тому, чтобы обратиться к информации, собранной другими видами разведки. На магнитных лентах, записанных в предыдущую субботу, была видна внезапная вспышка вблизи Киева — очевидно, взрыв этого поврежденного реактора. Затем анализ движения информации по линиям связи, перехваченной за день до этого, в пятницу 25 апреля, показал, что чрезвычайные меры на Чернобыльской станции предпринимались уже тогда и сообщения о деятельности направлялись в Москву. Кремль знал об аварии полных три дня до того, как, помимо желания, было сделано первое сообщение.

В среду СССР распространил еще некоторую информацию. Утверждалось, что «никакой цепной реакции деления в ядерном горючем не происходило. Реактор находится в заглушённом состоянии». И ничего о том, что «западные агентства распространяют слухи о тысячах людей, якобы погибших во время аварии», Кремль повторил, что только два человека погибли. Он добавил, что 197 человек были «госпитализированы», 49 из них быстро выписались. Правительство сообщило, что «радиационная ситуация улучшается», и добавило, что было мало похоже на правду: «Состояние воздуха над остальной территорией Киевской области и города Киева не вызывает озабоченности. Качество питьевой воды, так же, как и воды в реках и водохранилищах, соответствует стандартам»¹

Советский телекомментатор также показал черно-белую фотографию поврежденного здания реактора. «Как вы сами можете убедиться, здесь нет гигантских разрушений или пожара», — сказал он. Источники, относящиеся к американской разведке, сообщили, что фото было точным, за исключением одного момента: очевидно, Советы удалили факел дыма и свечение жара, виднеющегося над реактором. Неясно было, в какое время пожар на реакторе прекратился на прошлой неделе, если он действительно таки прекратился. На сделанных со спутника информационных снимках еще долго была видна горячая точка (обусловленная остаточным теплом) после того, как с пожаром управились. На других снимках, сделанных со спутника, совсем не было видно дыма к утру в четверг, но некоторые аналитики говорили, что обнаружили тепловое свечение над реактором, что позволяло предположить — графит продолжает гореть. Как выяснилось позднее, пожар забрасывали грязью или песком с вертолетов; на одном из снимков (это казалось невероятным) был виден вертолет, летящий прямо в факел радиоактивности. Не верилось, что даже советских пилотов посылали на такие самоубийственные задания. Но в интервью западногерманскому телевидению было

¹ Радиационная обстановка в Киеве стала изменяться только 1 мая вечером, когда изменилось направление ветра.

заявлено, что песок, частицы свинца и поглощающие нейтроны элементы бора сбрасывались с вертолетов, что питьевая вода была загрязнена и территория вокруг черновыльского реактора оставалась опасно радиоактивной. «Людым нельзя возвращаться»,— говорилось в интервью.

ПОХОЖЕ НА АПОКАЛИПСИС. Отдельные оценки, основанные на неполных данных, были намного более апокалиптическими. Некоторые западные эксперты определили, что «убивающий радиус» аварии протянулся, по крайней мере, на 18 миль вокруг — площадь более 1000 квадратных миль, на которой человек без специальной защиты погибнет в течение нескольких часов. Другие ученые высказали предположение, что смертельно опасная территория выдалась на 60 миль, или приблизительно настолько, насколько в северо-западном от Чернобыля направлении ветер перенес первую, большую часть радиоактивности. Если там существует такая зона смерти, она, вероятно, будет непригодна для нахождения там незащищенных людей на протяжении трех-пяти лет.

Первые свидетельства очевидцев о положении в Киеве пришли от иностранных студентов и туристов, которые были эвакуированы из города. Согласно их рассказам, жители Киева продолжали жить обычной жизнью. Любители бега трусцой бегали в парках, матери везли в колясках детей, люди пили воду. «Им казалось, что все совершенно в порядке»,— говорила некая Джессика Мур в замешательстве, слушая редкие сообщения Би-би-си и «Голоса Америки».

Не все эвакуируемые были счастливы, что уезжают. «Мы приехали в Советский Союз потому, что здесь нет терроризма, — сказал Джеймс Тарроу, руководитель группы туристов из Лонг-Айленда, Нью-Йорк. — И вдруг оказалось, что мы находимся в зоне очень серьезной катастрофы». Но в самом Киеве катастрофа не была видна, по крайней мере туристам. «Люди были в праздничном настроении, на улицах — большие скопления народа», — рассказывал Тарроу по приезде в Хельсинки. Тарроу и приятели ничего не знали об аварии в Чернобыле до тех пор, пока один из них не услышал об этом по телефону от позвонивших ему из дому обеспокоенных родителей.

НИКАКИХ ШАНСОВ. У зарубежных правительств не оставалось никаких шансов, тем не менее Франция отозвала 12 своих граждан из Киева, в то время как финское посольство направило специальный самолет для эвакуации более чем ста студентов и технических специалистов. Англия эвакуировала свыше 86 студентов и преподавателей из Киева и еще 30 — из Минска, который находился на первоначальном пути чернобыльского облака. Эвакуированные англичане прошли дозиметрический контроль в московской клинике, затем при посадке в самолет и в третий раз — в аэропорту рядом с Лондоном. Официальные представители нашли, что радиоактивные частицы не попали внутрь с воздухом или пищей, но

действительно обнаружили их небольшое количество у некоторых путешественников в щитовидной железе. «Ни одна из доз не была опасной, — сказал Барри Хомедей, сотрудник Национального управления радиологической защиты. — Величина доз почти сравнима с нормальными фоновыми уровнями. Фактически, если бы я получил такие дозы, я бы спал ночью спокойно». Но в Польше, соседней стране, ближайшей к Чернобылю, страх был осязаем. Уровни радиации поднимались, и было решено прибегнуть в качестве защиты к раствору йода для детей до 16 лет.

ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ И ФЛАГИ. 1 Мая демонстранты с шарами и флагами заполнили Красную площадь, некоторые из них поносили «ядерное безумие» в Соединенных Штатах. В телевизионных передачах подчеркнуто показывали красочные колонны в Киеве. В разрозненных сообщениях из города говорилось, что подача воды и электроэнергии в некоторых районах прерывалась на протяжении недели, возможно, когда власти на местах подключались к другим источникам воды, с меньшей угрозой радиоактивного заражения. Но в передаче из Киева не было и намека на ядерную угрозу, в сущности нависшую над головой. Не было никакой информации о смертности. В интервью, данном в Гамбурге, говорилось, что 49 тысяч человек были эвакуированы, а 20—25 человек находились в критическом состоянии, по крайней мере 40 человек, возможно, получили большие дозы облучения, но «наверняка, не сотни тысяч, как сообщалось в западной прессе».

Вполне возможно, что Кремль сообщал кое-что очень близкое к правде, когда говорил, что только два человека погибли в аварии. При соответствующем предупреждении об эвакуации действительно могло быть мало смертельных случаев в непосредственной близости в момент расплавления активной зоны и взрыва. Но людей обуревал страх, что авария вскоре приведет — если этого уже не случилось — к ужасающим человеческим жертвам среди тех, кто оказался на самом близком расстоянии от станции. Агентство ЮПИ цитировало некоего жителя Киева, который сказал, что число погибших, возможно, превысило 2 тысячи. Украинцы в Соединенных Штатах молились за своих родственников на родине. В одной газете, выходящей на украинском языке, говорилось, что некоему инженеру, проживающему за пределами Киева, сказали, что 15 тысяч человек погибли и были похоронены в общей могиле. Но самые обескураживающие рассказы оказались лишь слухами.

При усугубляющейся обеспокоенности катастрофа быстро привлекла к себе внимание участников экономической встречи на высшем уровне в Токио. Еще в дороге президент Рейган поручил вице-президенту Джорджу Бушу успокоить американцев. Буш собрал группу специального назначения, в которую вошли Управление по охране окружающей среды, министерства — обороны, юстиции,

энергетики — и ЦРУ. Оказалось, катастрофа не нанесла прямого урона американцам. Но в Токио Рейган сказал: «СССР должен дать миру разъяснения по поводу того, что случилось и происходит сейчас в Чернобыле, и мировое сообщество вправе ожидать этого».

ПИСЬМО ГОРБАЧЕВА. Председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков и второй человек в Политбюро Егор Лигачев посетили район Чернобыля в конце недели. Ничего не говорилось о том, как близко они были к поврежденному реактору, и, возможно, этим посещением намеревались показать, что радиация в том районе не была столь опасной; но это свидетельствовало и о том, что Москва наконец-то направила свои усилия на решение возникшего кризиса. Тем временем ТАСС, АПН опубликовали письмо Горбачева шести руководителям государств с критикой в адрес Соединенных Штатов по поводу продолжающихся ядерных испытаний; он сказал, что Москва оставляет за собой право возобновить ядерные испытания, хотя она и «не спешит» с этим. Кремль также обвинил западные средства массовой информации в том, что они придумали еще один неприглядный кризис на Украине. «Наши идеологические противники не упускают ни единой возможности развернуть еще одну кампанию против СССР, — жаловался Ельцин. — Буржуазные средства пропаганды распространяют много измышлений вокруг аварии на Чернобыльской атомной станции».

Советские руководители могут винить только самих себя. Они все еще не предоставили жизненно важной научной информации соседним странам или собственному народу, а их неуклюжие подачи новостей появились лишь в результате возмущения международной общественности. Руководство также должно нести ответственность за строительство устаревшего, без защитной оболочки реактора, в первую очередь. Менее двух месяцев назад «Літературна Україна», советский журнал¹ издающийся на Украине, критиковала ситуацию, сложившуюся на Чернобыльской АЭС, называя хроническую нехватку материалов, деморализованный персонал и плохую организацию. Это предупреждение осталось без внимания. Более того, в статье в февральском номере «Совет лайф», официальном англоязычном журнале, утверждалось, что «шансы аварии с расплавлением реактора равны одному на 1000 лет». Шансы, как оказалось, были намного более весомыми, и последствия этого просчета могут сказаться на поколениях.

Мы намеренно привели эту публикацию почти полностью. Она — классический образец смеси слухов и действительных фактов, откровенных измышлений, якобы случайных ошибок и достоверной информации о случившемся. Но в любом случае в ней легко просматривается стремление, помимо информирования, преподнести

¹ Имеется в виду газета «Літературна Україна»

«жареный факт». Позже в западной печати появятся «хронологии» советских сообщений об аварии, их подробный анализ, будут высказаны справедливые упреки в адрес советского руководства в утаивании правды, несвоевременности информации. Несмотря на эклектичность приведенной выше статьи, она наиболее объемна и отражает стремление охватить все аспекты аварии и всего, что с ней связано. В апреле 1986 года у себя в стране мы еще не научились вовремя и подробно информировать мировую общественность и собственный народ о событиях значительных и менее значительных, как это происходит сейчас, спустя три года. Поэтому появление этой статьи в журнале «Ньюсуик» можно считать явлением закономерным.

Чего не знал «Ньюсуик»

Обратимся к некоторым конкретным моментам. В условиях, когда особенно остро стояла задача погасить графит в реакторе и прекратить выброс огромного количества радиоактивных веществ в атмосферу, советские специалисты едва ли нуждались в тех видах помощи, о которых говорят авторы. «Высокосложная электронно-вычислительная система», способная прогнозировать направление переноса активности, предложенная, по словам авторов, Советскому Союзу американскими специалистами, была менее необходима, чем, скажем, робототехника, способная работать в условиях высокой радиации и оказать практическую, непосредственную помощь на аварийном блоке. То же касается и контроля за радиоактивной загрязненностью территории — советские летчики успешно проделали эту работу, используя отечественную технику. Сегодня думается: все-таки зря отказались. Хотя практическая помощь в дезактивации, предложенная американцами, едва ли была бы эффективной по той простой причине, что и в США до сих пор не было опыта работы в полях, измерявшихся сотнями и тысячами рентген. Этому лишь предстояло научиться. Интересно, что активное ведение работ на «Тримайл Айленд-2» в Пенсильвании по дезактивации и удалению топлива из поврежденного реактора началось лишь спустя несколько лет после аварии, случившейся в 1979 году. «Извлечение топлива из поврежденного реактора началось в ноябре 1985 года и закончится в следующем году», — писал журнал «Ньюклар инджинпринг интернэшнл» в ноябре 1987 года.

Техническая помощь, предоставленная компаниями «Демаг» и «Путцмайстер» (ФРГ), «Коматцу» (Япония) и другими, была принята. Достоверность данных разведки, о чем тоже говорится в «Ньюсуик», полученных со спутников, отчасти может быть поставлена под сомнение — к вечеру 27 апреля в Припяти уже не оставалось ни одного жителя, за исключением тех членов станционного персонала, которые находились там в силу служебной необходимости. Тем более сомнительна игра в футбол 29 апреля внутри станционной ограды. В это время шла напряженная

борьба с выбросами из реактора, и трудно предположить, что вблизи станции могли найтись люди, которые, подобно безучастным самоубийцам, отрешившись от всего происходящего вокруг, решили сыграть в футбол. Это утверждение либо ошибка (скорее всего), либо намеренная дезинформация. Такова цена «драматического фотосвидетельства».

И еще один момент в публикации не может не вызвать критики. Сейчас ни для кого не секрет, что кампания некоторых западных правительств по эвакуации своих граждан была лишь пропагандистским, политическим шагом. Поэтому естественно замешательство упомянутой Джессики Мур, говорившей, что в Киеве была видимость обычной, размеренной жизни: до вечера 1 мая ветер еще не изменил своего направления и находиться в Киеве было безопасно. Неудивительно, что пляжи были полны людей, в парках матери прогуливались с младенцами в колясках.

Холодный северный ветер, пронзительно дувший вечером в первый день мая, нес в себе потенциальную опасность, он несколько осложнил радиационную ситуацию в Киеве и, несомненно, застал врасплох органы здравоохранения республики. Предупреждение о соблюдении элементарных санитарных норм последовало с большим опозданием, из чего следует сделать серьезный вывод на будущее.

При всем критическом отношении к публикации в «Ньюсуик» и ее тенденциозному характеру не следует сбрасывать со счетов тот факт, что читатели за рубежом получили более или менее полное представление о случившемся в Чернобыле уже в первой половине мая 1986 года. И впоследствии информация, пусть часто в искаженном виде, но все же появлялась регулярно.

Было бы неверным говорить о всех публикациях, появившихся в мае 1986 года, как о необъективных, целенаправленно искажавших реальную картину. Многие специальные издания пытались проанализировать ход событий в Чернобыле и предположить пути их развития. Интересна в этом плане публикация в английском журнале «Нэйтше»¹

ОБЛАКО НАД ЧЕРНОБЫЛЕМ

Ядерная авария, случившаяся севернее Киева на прошлой неделе, — отрезвляющее напоминание о проблемах безопасности при эксплуатации высокотехнологичных предприятий. Тот факт, что сообщение о первых признаках беды поступило не из Советского Союза, а более чем за 1000 миль от места аварии, из Швеции, говорит о том, что советское руководство станции, выбросившей радиоактивное облако, должно было бы иметь в своем распоряжении более

¹ 1986 – 1 мая. – Т 321

совершенную систему связи или же любым иным способом сообщить Швеции о надвигающемся облаке. Добрососедские отношения требуют, как минимум, этого.

Очень важно не только то, как подобные аварии предотвратить, но и как научиться сосуществовать с ними. Потому что время от времени даже на ядерных станциях (где отказы не так часты, как в других видах техники) аварии будут случаться. В отношении Чернобыльской станции нет особых секретов — ее общие характеристики были сообщены Советским Союзом Международному агентству по атомной энергии в Вене: она состоит из шести реакторов (два — в стадии строительства)... Такая станция должна иметь определенную степень внутренне присущей ей безопасности. Соседи Советского Союза должны иметь право знать, что произошло, а также право на определенную уверенность, что такое не случится во второй раз.

«Советы приподняли завесу над Чернобылем»

Уже через неделю после первой панорамной публикации, 19 мая 1986 года, в журнале «Ньюсуик» появился новый материал. Не изменяя своему пристрастию к сенсационности, его авторы в целом близко к истине описывали события, происходящие в Киеве и Москве в области общественной информации. «Советы приподняли завесу над Чернобылем на прошлой неделе и дали выход — по их стандартам — потоку информации... Объективная информация восстановила часть доверия, первоначально утраченного в результате замалчивания аварии. Впервые перед людьми предстала точная картина того, что происходило: чернобыльская станция продолжала выбрасывать радиоактивные вещества и опасность не миновала. Перед Советами стояла задача укрытия горячих руин ядерного реактора в бетонном надгробии с целью предотвращения дальнейшего загрязнения воздуха, земли и воды».

Журнал отмечал, что представители здравоохранения советовали киевлянам не употреблять укроп, петрушку и другую зелень, меньше времени проводить на открытом воздухе, часто мыться. Были случаи, когда киевляне самолечением наносили вред своему здоровью. Неделью спустя после аварии радиус зоны эвакуации был продлен почти до 19 миль, а количество эвакуированных возросло до 84 тысяч. К концу недели в Киеве официально было сообщено, что школы закроются 15 мая, раньше, чем обычно, а дети покинут Киев и отправятся в пионерские лагеря подальше от Чернобыля.

Правда, с плохо скрываемым смущением представители Министерства здравоохранения Украины утверждали, что эта мера была не чем иным, как «организацией обычного летнего отдыха детей». Спустя три года можно дать реальную оценку этой мере — она, несомненно, была своевременной и необходимой и, что еще более важно, — проведена на высоком уровне. На

территории всей Украины были подготовлены лучшие лагеря, привлечен профессиональный персонал, смены продлены до 45 дней. «Ньюсуик» с сарказмом пишет о героизме, о котором рассказывали журналистам советские экскурсоводы в Киеве. Но беда была реальностью. Что бы ни послужило ее причиной, ей нужно было противостоять. Что бы мы ни говорили о себе в то время, что бы ни говорили о нас другие, нужны были стойкость, мужество, организованность, чтобы провести столь широкомасштабную акцию организованно и в срок.

В это время в Москве и Киеве шла борьба за жизнь тех, кто первым вступил в борьбу с огнем и радиацией. Вот как писал об этом американский журнал:

«Люди, наиболее серьезно пострадавшие в катастрофе, главным образом рабочие с места аварии, были отправлены в Москву, где советские, американские и израильские врачи старались спасти их от смерти, вызванной радиацией. Крайне большие дозы радиации разрушают костный мозг, воспроизводящий кровяные тельца, которые защищают организм от инфекции. Без пересадки костного мозга облученные рабочие неизбежно будут атакованы бактериями или микробами, которые убьют их. Советы приняли предложение Арманда Хаммера, председателя «Оксидентл петролеум», организовать и финансировать миссию помощи, представленную группой специалистов во главе с доктором Робертом Гейлом из Лос-Анджелеса; в нее входил доктор Яир Райзнер из Израиля, чья технология трансплантации сводила до минимума возможность несовместимости. Уже сам факт, что рабочие с поврежденной станции еще живы, усиливает доверие к первоначальному советскому сообщению о том, что только два человека погибли в аварии»¹

Не только то, что утверждение о «тысячах погибших» оказалось фикцией, укрепляло доверие Запада к официальной информации из Советского Союза. В мае, как уже отмечалось, представителям МАГАТЭ была предоставлена возможность с вертолета осмотреть место аварии, а вслед за этим группа зарубежных корреспондентов выехала в Киев, где они встретились с местным руководством и посетили эвакуированных, размещенных в одном из сел. «Для правительства, которое редко признается в катастрофах, это была неожиданная практика в области связей с общественностью». Некий западный дипломат заметил: «Дамба на пути информации была прорвана».

«Прорыву дамбы», конечно, способствовала и пресс-конференция для советских и зарубежных корреспондентов, организованная в первой половине мая председателем Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии Б. Е. Щербиной. Так официально было признано, что «химический взрыв» разрушил

¹ Ньюсуик – 1986. – 19 мая

реактор в 1 час 23 минуты 26 апреля 1986 года. Более детализированная информация появилась в советских газетах, о чем не преминула упомянуть зарубежная пресса.

Нужна служба информации

Во второй половине мая только начала выкристаллизовываться очевидная истина, которая в то время еще не могла быть осознана в полной мере: одной из причин отсутствия своевременной и полной информации была неподготовленность (а точнее, просто отсутствие) специальных служб, призванных высокопрофессионально и своевременно организовывать такую работу. Сам опыт человечества, его история еще не сделали эту задачу настоящей. О крупной аварии на «Тримайл Айленд-2» в США стало известно лишь десять (!) дней спустя. По свидетельству главного редактора отдела пауки американской телекомпании Эн-би-си Боба Бейзела (он рассказал об этом в мае 1988 года в Чернобыле, куда прибыл во главе телегруппы), на месте аварии он появился несколько дней спустя. Доступ на станцию был закрыт, никто из официальных лиц ничего, кроме утверждений, что находиться там опасно, сказать не мог. Оператору пришлось довольствоваться только видом закрытых ворот и предупреждающими об опасности надписями. А ведь и американские энергетики были на грани катастрофы — скопившийся в надреакторном помещении взрывоопасный газ мог привести к более серьезным последствиям. В этом случае профессиональная информационная служба была бы незаменимой. Чернобыль лишь подтверждает это.

Вторая серьезная причина отсутствия своевременной информации заключалась в том, что в первые два дня реальные масштабы аварии в полной мере нельзя было оценить. Авторы публикации в «Ньюсуик» писали: «Одна тема, которая появилась в ходе кампании информирования, — первоначальная неспособность официальных лиц на месте определить масштабы аварии». Правда, далее утверждалось, что в принципе можно было информировать мировое сообщество о степени тяжести аварии. Возможно, так. Но и сама авария, и сложившаяся ситуация были совершенно новым опытом не только для советских специалистов, руководителей. Создалась беспрецедентная ситуация для человечества как такового. И в первые день-два после аварии те, кто был причастен к событиям, едва ли могли дать полную и объективную оценку происходящему.

Все происходило на фоне сложившихся стереотипов освещения чрезвычайных происшествий, когда в каждом отдельном случае решался вопрос о целесообразности нового шага. Два года спустя подобная практика стала анахронизмом. Тем более что в рамках МАГАТЭ осенью 1986 года были подписаны соответствующие соглашения, сделавшие своевременное информирование об

авариях на ядерно-энергетических объектах обязательной мерой для стран-участниц.

После известного выступления М. С. Горбачева 14 мая 1986 года освещение событий в зоне Чернобыльской АЭС становилось все более активным. В начале июня 1986 года американский журнал «Тайм» отмечал:

«В Москве советские официальные лица обнародовали новые детали аварии. Евгений Велихов, вице-президент советской Академии наук, признал, что 25 тысяч эвакуированных из Припяти, возможно, никогда не вернутся домой. Велихов сказал, что в то время как уровни радиации резко упали в 40 милях от Чернобыля, потребуются масштабные меры по дезактивации, чтобы сделать пригодной для жизни непосредственно прилегающую территорию. Он подчеркнул, что разрушенная активная зона реактора, захороненная под бетоном, остается горячей под пятитысячетонной грудой песка, чугуновых чушек и бора, сброшенных с вертолетов, чтобы заглушить выброс радиоактивности. «Я бы не хотел создать иллюзию, — говорил Велихов, — что все проблемы позади, но я думаю, что сейчас нам не приходится ожидать каких-либо неприятностей, сюрпризов».

Советские газеты на прошлой неделе были полны свежими сообщениями о чернобыльской аварии. В публикации в «Правде», ежедневной газете Коммунистической партии, приводится свидетельство очевидца, работника блочного щита управления, который описывает, как услышал два огромных взрыва и затем увидел, как огненный шар поднялся над зданием реактора. «Правда», например, привела свидетельства, что жизнь после аварии не угасла: «Соловьиные концерты над Припятью продолжают днем и ночью».

Москва, больница № 6

В июне Советское телевидение показало небольшой репортаж о благотворительном концерте, сбор от которого был переведен на счет № 904 в фонд помощи пострадавшим от чернобыльской аварии. Журнал «Тайм» писал:

«Звуки рок-н-ролла гремели на московском олимпийском стадионе на прошлой неделе, когда некоторые из самых популярных групп Советского Союза громко, энергично исполняли свои лучшие номера. Прибыль от продажи билетов на трехчасовой концерт, стилизованный под западное благотворительное шоу, составила около 150 тысяч долларов. Деньги, перечисленные на счет №904... помогут обеспечить одеждой, предметами первой необходимости и временным жильем 92 тысячи человек,

эвакуированных из украинских городов вблизи опасно радиоактивной станции...»

Май — июнь — это время, когда шла наиболее напряженная борьба за жизнь пострадавших при тушении пожара на ЧЛЭС. Советские медики и их зарубежные коллеги делали все возможное, чтобы спасти жизнь как можно большему числу людей, пораженных радиацией и пострадавших от пожара. Но, к сожалению, газеты вынуждены были печатать сообщения о все новых погибших. В упомянутой статье журнала «Тайм» приводилось следующее сообщение:

«В то время как поп-исполнители развлекали примерно двадцатитысячную аудиторию, состояние многих жертв аварии ухудшалось. Доктор Роберт Гейл, специалист по пересадке костного мозга из Калифорнийского университета, который оказывал помощь советским врачам в Москве, сообщил, что дань смерти в Чернобыле составили 23 человека. Двадцать один из них — из числа 299 пожарников и работников станции, госпитализированных после аварии.

В московской больнице №6, где большинство тяжелобольных проходят лечение, главный радиолог Ангелина Гуськова сказала советскому агентству печати «Новости», что 80 жертв оставались в «крайне опасном» состоянии. Согласно утверждению Р. Гейла, «тысячи» украинцев могут в будущем болеть раком, вызванным радиацией.

Тяжелое состояние пострадавших породило напряженность между американскими и советскими врачами... Гуськова сказала, что группа, в которую вошли двое коллег (доктора Гейла. — *Авт.*) из Калифорнийского университета и израильский специалист, была в неведении о некоторых последних достижениях в диагностике: «Вот результат самоуверенности. Очень жаль. Они отличные специалисты и могли бы принести много больше пользы». Гейл, группа которого помогала в 13 из 19 пересадок костного мозга, сделанных самым тяжелым больным, ответил: «Вместе мы работали очень успешно». Однако одиннадцать пациентов, подвергнувшихся рискованным пересадкам костного мозга, по сообщениям, умерли».

Многие печатные органы уделяли внимание происходящему в московской больнице №6. Пожалуй, впервые в мире там сложились совершенно уникальные условия. Как отмечал журнал «Тайм» (26 мая 1986 года), в результате несчастья появилось нечто вроде учебного класса — уникальная (если бы не была ужасной!) возможность научиться справляться с облучением большими дозами радиации.

До сих пор, отмечал журнал, уровни производили «отрезвляющее действие». «Эта авария продемонстрировала наши очень ограниченные возможности в условиях ядерных аварий, — приводит журнал слова Р. Гейла. — Если у нас так много работы

с 300 больными, то становится вполне очевидным, насколько наши действия будут не соответствовать обстановке в термоядерной войне».

Доктор Роберт Гейл и его коллеги Поль Терасаки, доктор Ричард Чэмплин и специалист из Израиля Янр Райзнер прибыли в Москву, как уже отмечалось, по инициативе доктора А. Хаммера, которого связывают с Советским Союзом долгие годы плодотворного сотрудничества и чисто дружеские чувства. А. Хаммер финансировал эту поездку, приобретение необходимого оборудования, инструментария и предоставил свой самолет, чтобы сократить время переезда. В Москве «команда» Гейла сразу же включилась в работу. Условия, в которых работали советские и американские врачи, Гейл сравнил с «полем боя». 299 человек, большей частью пожарные и работники станции, были госпитализированы по получении дозы, по оценкам, от 100 до более 800 рад¹. В нормальных условиях, отмечает «Тайм», человек получает 1/10 рада в год. «Тем, кто получил низкие дозы, ущерб будет нанесен умеренный и обратимый,— сказал Гейл. — Многие из 299 относятся к этой категории. Но 35 пациентов получили дозы, превышающие 800 рад, и значились как находящиеся в «тяжелом состоянии». Девятнадцать из них были отобраны либо для пересадки костного мозга доноров, либо (в большей степени) для экспериментальной пересадки ткани печени зародышей. К концу недели 11 из 35 умерли, включая 6, которым, по-видимому, была сделана пересадка», — писал «Тайм».

Далее отмечалось, что в операциях была необходимость, так как «мощная радиация разрушает уязвимые ткани костного мозга». Но самым трудным был отбор тех пациентов, которые могли обойтись без сложной и рискованной операции, так же, как и тех, кого и операция едва ли могла спасти. Среди них были и такие, чья кровь (белые кровяные тельца) уже разрушилась. Это заставило врачей использовать для пересадки ткани печени зародышей, которые также являются источником кроветворных клеток, но с меньшей вероятностью отторжения.

Позже доктор Гейл так говорил об организации поездки и работы в Советском Союзе:

«Когда я узнал об аварии на реакторе в Чернобыле, я старался придумать, кто в мире мог бы мне помочь передать послание мистеру Горбачеву с предложением помощи. Потому что независимо от того, насколько хороши наши намерения, мы должны были направить его по правильному адресу. И тут же стало ясно, что мы едва ли чего-то добьемся без помощи Арманда Хаммера. Я думаю, что мы должны быть очень

¹ 1 рад примерно соответствует 1 бэру (бэр — биологический эквивалент рентгена — единица измерения полученной человеком дозы, принятая в СССР).

признательны ему за предоставленную возможность нам, врачам, оказать помощь нашим русским коллегам в заботах о несчастных жертвах»¹.

Два месяца спустя после чернобыльской катастрофы А. Хаммер подсчитал, что он израсходовал 600 тысяч долларов, пытаясь помочь пострадавшим в СССР².

По окончании работы группы врачей, руководимой Р. Гейлом, М. С. Горбачев лично поблагодарил доктора А. Хаммера и Р. Гейла по время часовой встречи в Кремле. Это, отметил журнал «Буллетин оф эйтомик сайентист», была одна из десятков встреч Хаммера со всеми советскими руководителями, кроме И. Сталина.³

По возвращении в США доктор А. Хаммер написал статью для информационного агентства ЮПИ, где, в частности, отметил:

«Я сказал больным, что мы приехали из Америки, чтобы помочь им. Им это доставило удовольствие, они улыбались и благодарили меня по-русски. Это напомнило мне события 65-летней давности, когда я прибыл с такой же миссией оказания помощи людям, умиравшим от голода и тифа на Урале, и меня благодарил сам Ленин так же, как сейчас Генеральный секретарь Горбачев»⁴.

Интересно, что журнал не преминул отметить одну особенность: противоречивость личности доктора Гейла. Известный в Соединенных Штатах (а сейчас и во всем мире) специалист, талантливый исследователь, он склонен к «самопродвижению», как сказал о нем «Тайм».

Характерно, что фотографии тяжелобольных с ужасными следами, оставленными радиацией, которые сделал доктор Р. Гейл в больнице №6, впоследствии были опубликованы в ряде изданий на Западе. В частности, подборку таких фотографий дал американский журнал «Нэшнл джиографик» — далеко не специальное издание по вопросам радиологической медицины.

Облако над Европой⁵

В мае 1986 года в прессе остро стоял вопрос не только о событиях в Советском Союзе. Радиоактивное облако, прошедшее над Европой, привело в замешательство

¹ Буллетин оф эйтомик сайентист. — 1986. — авг./сент. — С. 50.

² Там же

³ Там же

⁴ Там же

⁵ Этот раздел написан в основном по материалам публикации Паула Чина, Дэвида Фоуквита (Брюссель), Теодора Стангера (Рим) в «Ньюсуик» 19 мая 1986 года и сообщений зарубежных бюро журнала.

правительства и производителей продуктов питания во многих странах. Итальянское правительство поспешило объявить 15-дневный запрет на продажу свежего молока детям до 10 лет и беременным женщинам, на овощи «высокой степени риска». Отдельные запреты были введены и в других странах, в частности, в Нидерландах, что выразилось в ограничении потребления некоторых сельхозпродуктов.

Итальянские фермеры, раздосадованные мерами правительства, шли на крайности. Члены Итальянской национальной ассоциации производителей растительной продукции, в наибольшей мере пострадавшие от этих поспешных решений, которые они называли чрезмерно строгими, заявили, что их убытки от сокращения экспорта составляли 3,3 миллиона долларов ежедневно. В итальянском городе Фочция около трехсот раздосадованных фермеров в знак протеста против решения правительства свалили десятки тонн «запрещенных» артишоков на местную автомагистраль, на многие мили остановив движение.

Нагнетание психоза в некоторых странах породило панические настроения. По утверждению журнала «Ньюсуик» (19 мая 1986 года), пожилые итальянцы не видели ничего подобного со времен второй мировой войны — «охваченные паникой покупатели метались по рынкам Рима и других городов в мрачной охоте за возможностью выжить, накапливая запасы воды в бутылках, стерилизованного сверхвысокой температурой молока и замороженных продуктов». В Бельгии и Нидерландах ссорящиеся между собой правительственные чиновники «ударилась в невиданный фарс», отдав поначалу распоряжение фермерам «убрать молочных коров с выпасов и держать их в коровниках, а затем отменив свое решение».

Страх в особенности охватил Данию — 8 тысяч телефонных звонков ежечасно в течение 16 часов в сутки — такой была нагрузка на специально установленную правительством «горячую линию» (кстати, такие линии были установлены в большинстве западных стран, чего нельзя сказать о Советском Союзе — министерствах здравоохранения и энергетики).

Замешательство станет понятно, если учесть, что в западноевропейских странах, как, впрочем, и в мире в целом, нет единой общепринятой системы безопасных уровней радиоактивного загрязнения пищевых продуктов. То, что в одних странах считается небезопасным, когда потребление нужно ограничить, в других — вполне приемлемо. Подобная неопределенность способствует нагнетанию психоза, нечестной политической игре. Сразу по следам аварии двенадцать стран Европейского экономического сообщества долго решали вопрос об импорте продуктов из стран Восточной Европы. Сначала определили в качестве запрещенной для импорта зоны территорию в радиусе 620 миль (около 1000 км) от Чернобыльской АЭС. Но под это ограничение попадала часть Австрии, входящей в ЕЭС. Итальянское правительство настаивало на включении в число стран, подпадающих под запрет, Югославию, а правительство ФРГ считало, что Германская

Демократическая Республика, наоборот, не должна была подпасть под запрет. Поскольку многократное использование права вето не позволило прийти к какому-либо единому решению, Исполнительная комиссия ЕЭС, используя чрезвычайные полномочия, приняла решение о запрете на ввоз в страны-члены свежего мяса и живого скота из Советского Союза, Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Болгарии и Югославии до конца мая. Не было достигнуто соглашения относительно ввоза свежих фруктов и овощей. Франция в одностороннем порядке запретила ввоз мяса, рыбы, молочных и растительных продуктов из Восточной Европы на неопределенное время.

Описывая в подробностях перипетии в руководстве ЕЭС по поводу запрета на импорт продуктов из стран Восточной Европы, авторы публикации в журнале «Ньюсуик» делают характерный вывод: советские дипломаты в Брюсселе обратились в Общий рынок с вопросом о продаже СССР большого количества зерна, мяса и молочных продуктов. И хотя ЕЭС этого не подтвердил, «очевидные действия Москвы сводятся к молчаливому признанию того, что радиоактивное загрязнение из Чернобыля хуже, чем она это допускает. Если это так, Европа, возможно, только начинает пожинать урожай беды».

Это заключение, сделанное на основе каких-то косвенных признаков, неподтвержденной информации, тем не менее ставит последнюю точку в материале журнала, выходящего тиражом 2,9 миллиона экземпляров и имеющего 19 зарубежных изданий.

Это именно та последняя мысль, которая должна занозой остаться в памяти читателей — с Востока грядет несчастье. Не сейчас, так позже. Но неотвратимо. И печально, что в финале, подводя итог сказанному, журнал отходит от объективной оценки событий, что было свойственно ему на протяжении всей публикации, а сами авторы поддаются излишним эмоциям.

Конец ядерной мечты?

В мае 1986 года многие экономисты, социологи высказывали предположение о возможных последствиях чернобыльской аварии для ядерно-энергетических программ различных стран: Чернобыль нанес ощутимый удар по общественному восприятию атомной энергетики на Западе. Это неизбежно должно было оказать влияние на активность противников ядерной энергетики во всем мире и усилить в различных странах позиции сил, выступающих за развитие альтернативных источников энергии. Американский исследователь Алвин Вейнберг¹ в этой связи писал:

¹ Вейнберг А.М. — бывший директор Института анализа энергии Ассоциированных университетов в Оук-Ридж, Теннесси, США.

«Чернобыль и «Тримайл Айленд» выявляют некоторые социальные издержки ядерных аварий, издержки, которые едва ли могли быть определены вероятностными оценками риска, особенно потому, что эти издержки в очень большой степени зависят от культурной и политической обстановки той страны, где произошла авария».

Важной социальной издержкой Чернобыля является возможный отказ от ядерной энергии в нескольких западноевропейских странах. Австрия, Дания и Норвегия отвергли ядерную энергетику еще до Чернобыля; прекращение производства ядерной энергии Швецией к 2010 году, что все в большей степени казалось маловероятным, сейчас опять рассматривается очень серьезно. В Соединенных Штатах опрос общественного мнения, проведенный телекомпанией Эй-би-си, показал, что сейчас 78 процентов опрошенных — против ядерной энергии¹.

«Я бы не удивился, если бы избирательной платформой у демократической партии 1988 года были призывы остановить атомные станции, несмотря на то, что 15 процентов электричества в США производится за счет деления ядер. Самое меньшее, чего я мог бы ожидать, это продления 10-летнего перерыва в строительстве новых американских атомных станций», — пишет Алвин Вейнберг.

Далее автор приводит два из многих аргументов, почему он выступает против отказа от атомной энергетики. В 1986 году мощность всех ядерных реакторов мира составляла 285 гигаватт, что в значительной степени сократило мировое потребление нефти. Станция, работающая на нефти, мощностью 1000 мегаватт при нагрузке 60 процентов сжигает ежедневно 25 000 баррелей² остаточной нефти (то есть нефти, остающейся после перегонки). Если бы вся энергия, производимая атомными станциями, производилась теми, которые работают на нефти, ее потребовалось бы еще семь миллионов баррелей и день или на 12 процентов больше, чем необходимо сейчас. Несмотря на то, что ядерная энергетика в основном вытеснила уголь и газ, сокращение потребления нескольких миллионов баррелей нефти в день все же оправданно.

И еще один аргумент. Пока атомная станция работает хорошо, ее воздействие на окружающую среду намного меньше, чем станций, работающих на ископаемом топливе, и даже гидроэлектростанций. По этой причине А. Вейнберг считает, что необходимо продолжать использовать ядерную энергию. Но в такой же степени он убежден, что необходимо как сократить количество отказов техники, так и уменьшить тяжесть последствий этого.

А. Вейнберг убежден, что какие-то аварии на реакторах не только неизбежны, но необходимы: для того, чтобы общественность отдавала себе отчет в том, что такое

¹ Энерджи дейли. — 1986. — 27 июня.

² 1 баррель = 176 литрам

реальная авария в противоположность воображаемой. В этом плане небезынтересно отметить, что если рассматривать Чернобыль в плане количества жертв, то эта авария, вероятно, меньше, чем аварии на заводе компании «Карбайд юнион» в Бхопале, на плотине Вожонт в Италии в 1963 году (сейчас мы можем добавить гибель теплохода «Адмирал Нахимов», английского морского парома, крупные железнодорожные катастрофы и т. д.).

Сторонники ядерной энергетики считают, что ядерная катастрофа — это нечто иное, отличное, что осознание отчуждения земли чем-то невидимым — радиацией — воспринимается людьми как что-то особо угрожающее. То есть Чернобыль требует, чтобы мы сократили количество аварий и ограничили размеры их последствий до такого уровня, когда они не будут вызывать почти панику, как это уже случилось.

Несмотря на серьезные масштабы аварии в Чернобыле, как отмечалось, национальные ядерно-энергетические программы большинства ядерных стран остались без изменений. Главная причина этого — широкое распространение в мире реакторов отличного от чернобыльского типа (РБМК), в которых в качестве замедлителя служит вода (в чернобыльских реакторах, как уже отмечалось, используется графит, что обуславливает ряд принципиальных различий в их конструкции). Поэтому после аварии специалисты Франции, Великобритании, США и других стран не уставали повторять, что авария, подобная чернобыльской, в их странах случиться не может. В то же время отмечалось, что реакторы РБМК даже с изменениями, внесенными после апреля 1986 года, остаются потенциально опасными и не были бы зарегистрированы, то есть не получили бы права на жизнь ни в одной из этих стран. (К вопросу о надежности западной технологии мы еще вернемся). В этом плане интересен информационный выпуск Ассоциации компаний США, заинтересованных в развитии атомной энергии. Изданный год спустя после аварии, в апреле 1987 года, он содержит во многом обоснованные оценки американских специалистов относительно аварии на ЧАЭС и ее последствий для атомной энергетики их страны. В целом можно сказать, что подобные взгляды могли быть высказаны экспертами и заинтересованными промышленниками других государств — таких, как Франция, Великобритания, Япония и т. д. Все они используют во многом сходные технологии и в условиях значительной зависимости от ядерной энергетики объективно заинтересованы в нейтрализации негативного восприятия атомной энергетики после апреля 1986 года и пропаганде западных технологий.

Приводим публикацию полностью.

ЧЕРНОБЫЛЬ: ГОД СПУСТЯ

26 апреля 1987 года исполнится год со дня аварии на 4-м блоке атомной электростанции в Чернобыле, СССР. В течение прошедшего года международное научное сообщество занималось доскональным изучением обстоятельств аварии, пытаясь выяснить, какие уроки можно извлечь из них в целях повышения безопасности атомных электростанций.

В СССР последствия аварии вызвали перемены в управлении атомными электростанциями и методах работы. СССР также заявил, что он модифицирует реакторы типа РБМК, использовавшиеся в Чернобыле (графитовый реактор с водяным охлаждением), для устранения некоторых дефектов конструкций, присущих этому типу, которые были выявлены в ходе расследования, проведенного после аварии.

Однако авария в СССР не оказала сильного технического влияния на технологию атомных реакторов в странах Запада. После года интенсивного анализа правительства и специалисты в области промышленности убеждены, что авария в Советском Союзе не имеет отношения к атомным программам Запада в связи с уникальностью конструкции реактора чернобыльского типа.

Тем не менее отдельными странами и международными агентствами были предприняты различные шаги с целью привлечения большего внимания к проблеме безопасности атомных станций.

Проводится доскональное изучение обстоятельств аварии в Чернобыле

В течение года после аварии в Чернобыле это событие изучалось специалистами в области атомной промышленности СССР и стран Запада, международными правительственными и государственными организациями США, включая Комиссию по регулированию ядерной энергии и министерство энергетики.

Во время аварии, которая произошла при проведении эксперимента в режиме малой мощности, предназначавшегося для испытания электрооборудования, мощность чернобыльского реактора резко возросла и вышла из-под контроля — приблизительно за 4 секунды от малой до превысившей в 100 раз максимальную. То, что произошло во время аварии, уже выяснено, и ее причины установлены.

Анализы и данные показывают, что коренная причина чернобыльского несчастья заключалась в ненадежности реактора типа РБМК, который был разработан на базе конструкции, применявшейся в советских оборонных реакторах в 50-х годах. Строившийся только в СССР реактор типа РБМК не мог быть разрешен к эксплуатации в США.

Это событие было вызвано серьезными нарушениями в управлении во время испытаний, которые проводились небрежно. Нарушения привели к тому, что персонал Чернобыльской станции не смог последовательно выполнить различные операции, которым его обучали. Для предотвращения опасных условий рабочего режима, которые могут возникнуть на реакторе типа РБМК в связи с конструктивными недостатками, необходимы и специальные методы работы.

Исследования показывают, что в Чернобыле было много конструктивных упущений

Изучение чернобыльской аварии помогло определить семь главных конструктивных упущений на советских реакторах типа РБМК, сочетание которых сделало возможным неконтролируемое резкое повышение мощности и повлияло на степень серьезности аварии. Ими являются:

1. Положительный коэффициент пустотности. Это относится к характеристикам внутренней физики реактора РБМК. При такой характеристике с увеличением по какой-либо причине количества пара в активной зоне мощность реактора проявляет тенденцию к возрастанию, и в пар превращается большое количество воды, что вызывает новое возрастание мощности и т. д. При определенных условиях, когда мощность РБМК ниже 20 процентов, это может привести к чрезвычайно быстрому увеличению мощности. Для предотвращения подобного от операторов атомных электростанций типа Чернобыльской требуется избегать определенных рабочих режимов при малой мощности.

2. Медленно действующая, неэффективная система быстрого выключения. Чернобыльские медленнодвигающиеся регулирующие стержни, для полного ввода которых требуется 18—20 секунд, не были рассчитаны на реакцию при быстроменяющихся условиях, которые имели место во время аварии.

3. Уязвимость при явлении «положительного быстрого выключения». Это относится к потенциальной особенности РБМК, заключающейся в начальном возрастании реактивности при вводе регулирующих стержней, находившихся в полностью извлеченном положении. Эта характеристика фактически способствовала усилению начального нарастания мощности, явившегося результатом положительного коэффициента пустотности реактора.

4. Медленно действующая сложная система контроля и управления. Такая система необходима в связи с тем, что каждый из 1661 отдельных топливных каналов ведет себя, по существу, как мини-реактор, что делает установку трудной в управлении, особенно при малой мощности.

5. Неадекватное разделение систем управления и защиты. Этот недостаток конструкции сделал возможной неправильную работу системы управления отключением систем защиты РБМК.

6. Недостаточная противоаварийная герметичная оболочка реактора. Чернобыльский реактор был лишь частично защищен оболочкой, которая не полностью окружала его и систему первичного теплоносителя. Она покрывала только систему труб под реактором. Промышленный анализ показывает, что если бы чернобыльский реактор имел мощную противоаварийную оболочку, типичную для атомных станций в странах Запада, то аварийную ситуацию можно было бы сдержать.

7. Общее недостаточное внимание, уделенное при проектировании предотвращению и смягчению последствий случаев отклонения реактивности от номинального значения. На РБМК отклонения реактивности способны вызвать разрыв труб высокого давления, но частичная оболочка станции может противостоять лишь одиночным разрывам.

Конструктивные недостатки РБМК отсутствуют в реакторах, применяемых в США

Обследования, проведенные правительственными организациями США, представителями атомной промышленности и страховыми компаниями, принимающими на страхование полисы атомных станций, подтвердили, что промышленные станции типов, применяющихся в этой стране, не имеют ни одного из крупных дефектов, обнаруженных в конструкции РБМК, которые сделали возможной аварию в Чернобыле.

Например, по результатам анализа министерства энергетики США, реакторы здесь сконструированы таким образом, что исключена возможность неконтролируемого большого роста мощности в результате дестабилизации активной зоны, вызванной позитивным коэффициентом пустотности.

Кроме того, реакторы на легкой воде американского типа оборудованы быстродействующими системами аварийной остановки, не подверженными явлению «положительной реакции при аварийном выключении»¹. Они также не подвержены неустойчивости рабочего режима, свойственной реакторам типа РБМК при любом уровне мощности. Конструкция реакторов США требует также строгого разделения систем управления и защиты.

Реакторы на легкой воде, применяемые в США, имеют гермошлемы, которые служат последней линией защиты от утечки радиации. Например, при аварии на «Тримайл Айленд» в 1979 году фактически вся радиоактивность, просачивавшаяся из системы реактора, была задержана внутри гермошлема.

¹ Имеется в виду резкое возрастание мощности при сбрасывании стержней защиты при определенных условиях работы реактора.

Большая часть уроков Чернобыля имеет значение только для СССР

Хотя авария в Чернобыле и напомнила о необходимости постоянной бдительности в вопросах безопасности эксплуатации реакторов, США не сталкиваются с потребностью извлечь серьезные технические уроки, поскольку технологии весьма различны. Большая часть уроков аварии имеет значение только для СССР.

Усовершенствование управления. Для улучшения управления атомными станциями были реорганизованы советские ведомства, ответственные за ядерную энергетику, включая создание нового Министерства атомной энергетики СССР, с целью повышения уровня советской атомной промышленности, а также и дисциплины. Повышен уровень подготовки советских операторов, которые могут позаимствовать некоторые методы обучения, принятые в США после аварии на станции «Тримайл Айленд».

Модификации в конструкции и эксплуатации. Для устранения некоторых упущений в конструкции реакторов РБМК, выявленных аварией в Чернобыле, СССР осуществляет значительные модификации, среди которых следующие:

1. С целью обеспечения сокращения времени срабатывания и повышения коэффициента безопасности, регулирующие стержни РБМК будут погружены глубже; постоянно во введенном состоянии будут находиться 80 из них (в отличие от 30 до аварии).

2. Запас реактивности РБМК будет отражен на дисплее в операторской.

3. Для обхода систем аварийной защиты потребуются специальные ключи, которые должны храниться в опломбированном сейфе в операторской.

4. Для снижения положительного коэффициента пустотности урановое топливо для РБМК будет обогащаться до 2,4 процента, а не до 2,0 процента, что практиковалось ко времени аварии.

Будут также введены дополнительные поглощающие стержни.

Тем не менее, даже при планируемых усовершенствованиях конструкция типа РБМК не могла бы получить разрешение на эксплуатацию в США, а со временем строительство таких блоков будет прекращено и в СССР. Число атомных блоков этого типа в СССР будет ограничено 21, куда входят 13 ныне действующих и 8 на различных стадиях строительства. В будущем в СССР атомные станции будут оснащены установками советского производства, охлаждаемыми водой под давлением, типа ВВЭР, базовая конструкция которых ближе к реакторной технологии, применяемой в США.

Значительный прогресс достигнут в устранении последствий аварии

В прошедшем году в СССР были достигнуты значительные успехи в устранении последствий аварии в Чернобыле.

Так, серьезно поврежденный реактор 4-го блока на Чернобыльской станции был навсегда герметически заключен в защитную бетонную конструкцию. Радиоактивные выбросы были сокращены до незначительного уровня.

На начало 1987 года была сокращена зона эвакуации, и люди получили возможность вновь селиться за пределами 10-километрового радиуса вокруг площадки¹ районах, находящихся за пределами 10-километровой зоны, была проведена обширная дезактивация. Тем не менее ожидается, что не все эвакуированные вернутся в свои бывшие дома, в том числе и потому, что многие предпочитают оставаться там, куда они переселены.

В начале 1987 года проводилась подготовка к возобновлению ведения сельского хозяйства на ранее ограниченных площадях. Будут выращиваться культуры с расположением корневой системы в поверхностном слое, а также те, которые не поглощают высоких концентраций цезия, то есть такие, как картофель.

На самой Чернобыльской станции на полную мощность действуют неповрежденные 1-й и 2-й блоки. Блок 1 был дезактивирован 29 сентября и начал давать электроэнергию 1 октября. Блок 2 был дезактивирован вскоре вслед за 1-м. 3-й блок, имевший общее оборудование с поврежденным 4-м реактором, возобновит работу позднее, в этом году. Возобновлены также строительные работы на 5-м реакторе ЧАЭС, начатые до аварии, а позднее в текущем году начата работа на 6-м блоке.²

Дань смерти остается в пределах 31

Через год степень ущерба, причиненного здоровью населения, остается без изменений.

В результате аварии погиб 31 человек³ — это сотрудники станции и пожарные, а также рабочие аварийных команд, помогавшие взять аварию под контроль.

¹ Это не соответствует действительности. Зона эвакуации и в 1988 году оставалась в пределах 30-километрового радиуса.

² В отношении 5-го и 6-го блоков принято решение о невозобновлении строительства в ближайшие годы. На протяжении 1988 года на блоках велись работы по дезактивации, поскольку при любом исходе — демонтаже, консервации или продолжении строительства в неопределенном будущем там должны работать люди.

³ Впоследствии, летом 1987 года, академик Л. А. Ильин уточнил число погибших при аварии на ЧАЭС — 30 человек. Один пожилой человек скончался в Припяти от инфаркта и был ошибочно включен в число жертв аварии.

Из 203 сотрудников станции и пожарных, которые были госпитализированы в результате повреждений, вызванных высокой степенью облучения и термическими ожогами, полученными при аварии, все со временем были выписаны (среди погибших или госпитализированных с серьезными повреждениями не было никого из населения).

Не было выявлено вредного воздействия на здоровье 300 детей, рожденных матерями, подвергшимися облучению в результате аварии.

Замедленное воздействие на здоровье слишком незначительно, чтобы поддаваться определению

Исследования радиоактивных выбросов 4-го чернобыльского реактора, опубликованные после аварии, указывают на то, что возможное замедленное воздействие на здоровье людей будет слишком незначительным, чтобы быть обнаруженным, и если оно будет иметь место, то будет меньшим по сравнению с первоначальными приблизительными оценками СССР. Среди 135 тысяч советских граждан, эвакуированных во время аварии, согласно результатам анализа, проведенного Агентством окружающей среды США с использованием консервативной модели среднего риска, в течение последующих 70 лет вследствие радиоактивного излучения, испускаемого Чернобылем, смертность от рака может составить дополнительно до 320 случаев. Эти случаи будет весьма трудно определить среди 16 000 смертей от рака, которые ожидаются в обычных условиях по совокупности всех остальных причин.

(Примечание: в состав населения, эвакуированного из района Чернобыля, входит подгруппа, насчитывающая 24 тысячи человек, подвергшихся дозе облучения, которая вызывает поддающиеся определению отклонения в показаниях обследований состояния здоровья. На сегодняшний день ни у кого из них не были обнаружены симптомы радиационной болезни, но эти люди будут находиться под медицинским наблюдением на протяжении всей жизни).

Что касается остального, насчитывающего приблизительно 75 миллионов человек населения европейской части СССР, которое могло подвергнуться радиоактивному облучению вследствие аварии в Чернобыле, то, согласно анализу Агентства охраны окружающей среды, в течение жизни каждый из них в среднем подвержен риску смерти от рака, вероятность которой составляет 0,013 процента. С учетом численности населения и размеров западной части СССР, по подсчетам Агентства, статистическое число смертей от рака в течение последующих 70 лет составит до 10 000 случаев. Если они и будут иметь место, то в связи с малочисленностью определить их причину будет сложно на фоне 9,5 миллиона случаев смерти от рака, которые, по прогнозам Советского Союза, будут отмечены среди этого населения в ближайшие 70 лет по совокупности иных причин.

(Западные специалисты прогнозируют более высокий «нормальный» уровень смертности от рака, при котором количество случаев замедленных нарушений состояния здоровья, связанных с Чернобылем, будет поддаваться определению в еще меньшей степени).

Что касается людей за пределами СССР, то, согласно заявлению Ханса Бликса, генерального директора Международного агентства по атомной энергии в Вене (МАГАТЭ), результаты анализа показывают, что если и будут иметь место какие-либо элементы замедленного воздействия на их здоровье, то они будут, самое большее, «весьма незначительны». Данные, собранные правительствами европейских стран и Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) Организации Объединенных Наций, показывают, что доза радиоактивного облучения людей за пределами СССР в течение первого года после аварии, даже у групп, подвергшихся ему в наибольшей степени, не превышает, например, разницу между уровнем естественного фона в Вене и на севере Австрии, сказал г-н Бликс. Естественный фон на севере Австрии выше в связи с тем, что в основании здесь преобладает гранит.

Незначительное влияние аварии в Чернобыле на ядерную программу США

Авария в СССР оказала незначительное влияние на программу развития промышленной ядерной энергетики США. В докладе, опубликованном в феврале 1987 года, сотрудники Комиссии по ядерному регулированию (США) пришли к заключению, что авария в Чернобыле не требует принятия «срочных регулирующих мер».

Результаты исследования комиссии показали, что аварии типа чернобыльской на промышленных атомных станциях США исключены благодаря «физическому расчету реактора, его управляемости в выключенном состоянии, наличию противоаварийной оболочки и системам управления».

Министерство энергетики США проводит модификацию государственного ядерного реактора в Хэнфордской резервации в штате Вашингтон, дающего пар, который общественная система энергоснабжения штата использует для выработки электроэнергии. Этот ядерный реактор, имеющий некоторое общее сходство с чернобыльским, не является подконтрольной промышленной установкой.

Будут проведены долговременные научно-исследовательские работы для получения дополнительных подтверждений того, что какие-либо уроки Чернобыля не были недооценены.

Технология США признана во всем мире

По данным МАГАТЭ, в 1986 году, помимо самого 4-го реактора в Чернобыле, нигде в мире не была остановлена ни одна атомная станция или запрещен ввод в действие новой установки вследствие аварии в СССР.

Хотя авария в Чернобыле побудила некоторые страны, рассматривавшие вопросы о новых атомных станциях, отложить свои планы, крупнейшие мировые потребители промышленной ядерной энергии вообще пришли к выводу, что авария не имеет прямого отношения к атомной технологии Запада, на что указывают решения, принятые после аварии в СССР.

В Великобритании был утвержден план Центрального энергетического управления по строительству атомной электростанции «Сайзуэлл-Би» с реактором американского типа, охлаждаемым водой под давлением. Решение правительства, премьер-министра г-жи Маргарет Тэтчер принять именно технологию США, а не типы реактора с газовым охлаждением отечественной разработки было принято после того, как инспектор по опросу общественного мнения одобрил конструкцию установки с точки зрения безопасности и экономического обоснования и этот вопрос был обсужден в парламенте. «Сайзуэлл-Би» будет первой установкой на станциях Центрального энергетического управления, которая увеличит долю ядерной энергетики Великобритании с сегодняшних 20 до 25 процентов к 2000 году. В основе «Сайзуэлл-Би» лежит конструкция, применяемая на атомной электростанции «Уолф Крик» в штате Миссури.

В Японии совместный план промышленников и правительства предусматривает строительство более 100 новых атомных блоков к 2030 году, подавляющее большинство которых составляют легководные реакторы американского типа. Согласно этому плану, к 2030 году 58 процентов японской электроэнергии будет вырабатываться АЭС, что вдвое больше сегодняшней доли.

Во Франции национальная компания «Электриситэ де Франс» будет продолжать заказывать реакторы американского типа, приблизительно по одному каждые 18 месяцев. Атомная энергия в настоящее время обеспечивает 70 процентов электроэнергии Франции.

Южная Корея предварительно заказала два американских реактора у компании «Комбасчн инжиниринг» для своих десятой и одиннадцатой атомных электростанций. Переговоры находятся на заключительной стадии.

СССР принял решение положить в основу своих планов развития атомной энергетики в будущем реакторную технологию, которая ближе к типу, применяемому в США. После завершения строительства реакторов РБМК чернобыльского типа, которое было уже начато до аварии, новыми установками будут охлаждаемые водой под высоким давлением реакторы советского типа — ВВЭР.

В Швеции, однако, правительство продолжает неотступно следовать долгосрочному плану постепенного отказа от атомной энергии, как было

предусмотрено референдумом 1980 года. Осуществление такого отказа зависит от наличия альтернативных источников энергии.

Отчет о повышении внимания к вопросам безопасности

Авария в Чернобыле вновь подтвердила необходимость внимания всего мира к вопросам безопасности, несмотря на то, что дальнейшие исследования показали, что с технической точки зрения она не имеет особого отношения к технологии атомной энергетики стран Запада.

Международное агентство по атомной энергии в Вене расширило свою совместную программу ядерной безопасности. МАГАТЭ, насчитывающее 113 стран-членов, значительно расширяет программу, в рамках которой группы экспертов в области ядерной безопасности посетят станции в странах, являющихся его членами, для оценки их работы. Моделью для этих «групп по проверке эксплуатационной безопасности» является практический опыт США после аварии на станции «Тримайл Айленд», где Институт эксплуатации атомной энергии направляет группы специалистов для оценки реакторов, действующих в США.

После аварии в СССР были также подписаны две новые международные конвенции, заполнившие пробелы в системе международного законодательства, которые обнаружил Чернобыль.

«Конвенция МАГАТЭ об оперативном оповещении о ядерной аварии» вступила в силу 27 октября 1986 года. Ее подписали шестьдесят стран, а семь наций, включая Советский Союз, и ратифицировали ее. (Советская ратификация вступила в силу 24 января 1987 года). Конвенция «раннего предупреждения» обязывает государства немедленно уведомлять друг друга в случае аварии на атомной станции с транснациональными последствиями. Время аварии, место, где она произошла, и другие данные, имеющие значение для оценки ситуации, должны быть сообщены МАГАТЭ, которая образовала подразделение чрезвычайных обстоятельств, призванное управляться с потоком информации об авариях.

«Конвенция о помощи в случае ядерной аварии как радиационной аварийной ситуации» МАГАТЭ вступила в силу 26 января 1987 года. Ее подписали 59 стран, а четыре государства, включая СССР, уже ратифицировали ее. (Советская ратификация вступила в силу 26 февраля 1987 года). Государства обязаны уведомить МАГАТЭ о специалистах, оборудовании и других материалах, которыми они располагают и которые могут облегчить оказание неотложной помощи в случае аварии на атомной электростанции.

Приведенный информационный выпуск дает полное представление об оценке последствий чернобыльской аварии. Подобная точка зрения характерна для

большинства западных ядерных держав. Конечно, отнестись к публикации нужно критически. Особенно что касается «признанной во всем мире» американской технологии, которая действительно широко используется, и масштабы ее применения растут. Но здесь мы должны разграничивать две проблемы: а) надежность технологии и б) защищенность реакторов на случай возможных серьезных аварий. Научная мысль и развитие техники позволяют говорить о применении более безопасных технологий в будущем и на Западе, и в СССР, и где бы то ни было. Но сейчас для более полного и точного представления приведем в качестве примера хронологию аварийных ситуаций на ядерных реакторах США, как это сделал журнал «Ньюсуик» (12 мая 1986 года).

24 июля 1959 года. Заблокированная система охлаждения привела к расплавлению 12 из 43 топливных элементов в экспериментальном энергетическом реакторе в Санта-Сюзана, Калифорния, неподалеку от Лос-Анджелеса. Утечка радиоактивности предотвращена.

3 января 1961 года. Стержни управления по ошибке были извлечены из активной зоны военного экспериментального реактора вблизи Айдахо Фолз (штат Айдахо). Это привело к паровому взрыву, от которого погибли три технических специалиста (один из них был пронзен топливным стержнем). Это были единственные смертельные случаи в то время при операциях на американских реакторах. Уровни радиации на станции были очень высоки, но повреждения удалось ограничить.

5 октября 1966 года. Отказ натриевой системы охлаждения привел к частичному расплавлению активной зоны на демонстрационном реакторе на быстрых нейтронах «Энрико Ферми» и 30 милях (48 км) от Детройта. Утечка радиоактивности предотвращена.

5 июня 1970 года. Ложный сигнал датчика на станции «Дрезден-II» в Моррисе (штат Иллинойс) стал причиной того, что невозможно было управлять станцией в течение двух часов. Образовавшийся радиоактивный йод, в 100 раз превысивший допустимый уровень, удалось удержать.

19 ноября 1971 года. Емкость для хранения отходов на реакторе компании «Стэйтс пауэр» в Монтичелло (штат Миннесота) была заполнена, и жидкость пролилась через край. Около 50 тысяч галлонов¹ отработанной воды вытекло в реку Миссисипи, а какая-то часть попала в водную систему города Сент-Пол.

22 марта 1975 года. Техник, пользуясь свечой при проверке утечки воздуха, поджег электроизоляцию на реакторе «Браундз Ферри» в Дкатуре (штат Алабама); кабели управления системами безопасности загорелись, вода в системе охлаждения упала до опасных уровней, прежде чем была создана временная система. Утечки радиации не произошло.

¹ 1 галлон = 3,875 литра

28 марта 1979 года. При самой серьезной (до тех пор) аварии на американском коммерческом реакторе серия отказов оборудования и человеческих ошибок привели к потере охладителя и частичному расплавлению активной зоны на станции «Тримайл Айленд» в Мидлтауне (штат Пенсильвания). Комиссия по ядерному регулированию позднее пришла к заключению, что станцию отделял один час от катастрофического расплавления. Произошла утечка части радиации в атмосферу, но риск для здоровья, оказалось, был минимальным.

7 августа 1979 года. Произошла утечка высокообогащенного урана с секретного завода ядерного горючего недалеко от Эрвина (штат Теннесси), и около 1 тысячи человек подверглись радиационному облучению, в пять раз превышающему нормальную годовую дозу.

11 февраля 1981 года. Восемь рабочих подверглись радиоактивному загрязнению, когда 110 тысяч галлонов радиоактивного охладителя вытекли в помещение гермооболочки станции «Секвойя», принадлежащей администрации «Теннесси Вэли» в штате Теннесси.

25 января 1982 года. Лопнула труба парогенератора на станции «Джинна» Рочестерской газовой и электрической компании вблизи Рочестера (штат Нью-Йорк). Радиоактивная вода выплеснулась в помещение гермошлема, а часть радиоактивного пара попала в воздух.

9 июня 1985 года. По крайней мере 16 отказов оборудования и ошибок человека стали началом цепочки отказов (подобно тому, как это было на «Тримайл Айленд») на станции «Дэйвис Бесс» компании «Тоledo Эдисон» в Оук Харбор (штат Огайо). Вспомогательные охлаждающие насосы предотвратили повреждение реактора.

4 января 1986 года. Цилиндр гексахлорида урана, химического вещества, используемого для производства ядерного горючего, был перегрет на станции «Кер-Макги» в Гоуре (Оклахома). Один рабочий умер и 100 были госпитализированы; небольшие уровни радиации были обнаружены на местности.

Журнал «Нью сайентист» 23 апреля 1987 года в небольшой редакционной заметке, озаглавленной «Нездоровые веяния в атомной промышленности», писал:

Чернобыль не привел к пересмотру политики в области атомной энергетики в Восточной Европе. Единственным исключением является неприсоединившаяся Югославия, где авария вызвала вспышку антиядерного движения, потребовавшего свертывания программы развития атомной энергетики в этой стране. Правительство ответило согласием пересмотреть конструкцию четырех станций, пуск которых запланирован на конец нынешнего столетия. Независимо от этого 19 февраля 1987 года одна действующая станция, построенная концерном «Вестингхауз», США, в Кржко, на хорватско-словенской границе, была закрыта после тридцать шестой (!) по счету аварийной остановки, начиная с ввода в действие в 1981 году.

В мае 1986 года в США экспертами был подготовлен специальный доклад, в котором говорилось, что в 14 западных странах с 1971 по 1984 год имел место 151 «незначительный инцидент, связанный с ядерной безопасностью». Отмечалось, что Э. Марки, руководитель подкомитета палаты представителей по вопросам сохранения энергии и электричества, курирующий промышленность, опубликует обзор комиссии по ядерному регулированию о 12 наиболее серьезных инцидентах на американских электростанциях в 1985 году.¹ Эти сообщения широко комментировались в американских и западноевропейских специальных и других изданиях в связи с событиями в Чернобыле. Здесь мы приводим их для того, чтобы наглядно показать, что заверения в исключительной надежности американской технологии, техники, ненадежности советских станций — это не что иное, как стремление сыграть на противопоставлении, на мнимом контрасте. Техника в любой стране остается лишь техникой, и вероятность аварии — и не только в атомной энергетике — абсолютно исключить невозможно. Они будут случаться и в будущем. Важно лишь свести до минимума их вероятность и максимально ограничить степень их развития и тяжесть последствий. А это возможно только в результате сотрудничества заинтересованных стран, обмена опытом в области безопасности ядерных объектов, своевременного оповещения о возникшей угрозе населению. Именно этому призваны служить конвенции МАГАТЭ, подписанные осенью 1986 и зимой 1987 года.

Некоторые итоги

Итак, подходил к концу 1986 год. В 30-километровой зоне Чернобыльской АЭС (такое название прочно закрепилось за местом описываемых событий) велась напряженная работа по надежному укрытию разрушенного четвертого блока. Уже были дезактивированы и поставлены под нагрузку 1-й и 2-й блоки, определились черты невиданного до сих пор в истории атомной энергетики сложного инженерного сооружения, официально названного объектом «Укрытие». Мир уже знал его под несколько печальным и даже зловещим названием «саркофаг». Доклад о причинах аварии и ее последствиях, подготовленный советскими специалистами и представленный в МАГАТЭ в августе 1986 года, положил конец домыслам, которые неизбежно появлялись на страницах различных изданий.

Но еще не был открыт доступ в зону многим специалистам, тем более журналистам. После решения первоочередных задач по укрытию поврежденного реактора и пуску первых двух блоков предстояло проделать гигантскую работу по дезактивации территории, прилегающей к станции, решить проблему так называемого «рыжего» леса: будучи высокорadioактивным, он представлял

¹ Ньюсуик, — 1986, — 12 мая, — С. 86.

непосредственную угрозу здоровью людей, работающих вблизи станции. Кроме того, он был источником радиоактивности, переносимой ветром. И еще одна важная задача, которую предстояло решить, — дезактивация и введение в строй третьего энергоблока, наиболее пострадавшего при аварии. Масштабы этой работы были поистине огромны. Третий блок был как бы зеркальным отражением четвертого. Они располагались в одном здании и имели много общих коммуникаций, включая сложную систему вентиляции. Именно это послужило причиной его чрезвычайной радиоактивной загрязненности. Еще осенью 1986 года некоторые зарубежные специалисты высказывали мнение, что вернуть этот блок к жизни едва ли будет возможно. В ноябре работы по его дезактивации уже велись полным ходом.

Приближалась зима. Со всей серьезностью вставал вопрос о размещении станционного персонала. Ставший знаменитым поселок Белые Пароходы был хорош как временное жилье летом и осенью. Но нужно было обеспечить людей более комфортабельным, теплым жильем на зиму. К декабрю завершалось строительство вахтового поселка Зеленый Мыс, где должны были проживать тысячи станционников. Поселок вахтовиков и Чернобыль связала новая широкая автомагистраль с двухрядным движением, протяженностью более сорока километров. Построена она была менее чем за два месяца — в обычных условиях на эту работу понадобилось бы более года.

В связи с аварией в Чернобыле как-то неловко говорить о «достижениях», «свершениях». И гигантская работа, проделанная в очень сжатые сроки, не дает повода говорить о победах. Хотя, конечно, на каждом этапе они были — для конкретных людей в каждом конкретном случае; но еще меньше, чем мы, склонны были говорить о «достижениях» в 30-километровой зоне все те, кто был обеспокоен будущим ядерной энергетики в мире. В это время в западной печати появилось множество публикаций о перспективах ее развития в новой ситуации, сложившейся в результате чернобыльской аварии.

5 ноября 1986 года на заседании Ротари-клуба в Дройте выступил помощник государственного секретаря США по проблемам океанов и международным аспектам окружающей среды и науки Джон Негропонте. Он изложил американскую концепцию развития ядерной энергетики в период «после Чернобыля». Приводим текст этого выступления, поскольку это позволит по первоисточнику узнать, какой виделась перспектива ядерной энергетики ведущим в этой области державам. В отличие от Соединенных Штатов, располагающих собственными запасами ископаемого топлива, Япония и Франция, например, в большей степени зависят от ядерной энергетики, так как для них альтернативой является лишь импорт топлива. Поэтому подход США к проблеме использования ядерной энергии представляет особый интерес.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В ЭПОХУ ПОСЛЕ АВАРИИ В ЧЕРНОБЫЛЕ¹

В качестве руководителя бюро государственного департамента США, отвечающего за вопросы мирного использования атомной энергии, я был тесно связан с рядом международных проблем, явившихся следствием крупной аварии, которая разрушила советский реактор в Чернобыле в начале этого года. Я хотел бы обсудить с вами некоторые из этих проблем.

Очевидно, что авария в Чернобыле вызвала тревогу и снова поставила вопросы, касающиеся промышленного использования атомной энергии не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Во время аварии на станции «Тримайл Айленд», последствия которой, следует заметить, были значительно менее серьезными, чем те, к которым привел Чернобыль, можно было часто услышать, что «авария ядерной установки где-либо — это авария везде». Это выражение начинало казаться несколько банальным, когда произошла авария в Чернобыле, подчеркнув его истинность. К счастью, мы в США и Канаде были ограждены от всего, за исключением незначительного воздействия радиоактивных осколков разрушенной активной зоны чернобыльского реактора. Однако в Западной и Центральной Европе ситуация сложилась несколько иная. Здесь возникает необходимость в тщательном исследовании воздействия долговременных эффектов на здоровье населения.

Таким образом, серьезность чернобыльской аварии не отрицается. Она вызвала у многих новые сомнения в том, разумно ли продолжать полагаться в повседневной практике на атомные реакторы для получения электроэнергии. В некоторых случаях эти сомнения уже выразились в политических акциях, направленных против продолжения ориентации на промышленную ядерную энергию.

Положение, которое я хотел бы обосновать сегодня, заключается в том, что вопросы, касающиеся промышленного использования атомной энергии, хотя и законные, сами по себе не могут свести на нет значение ее использования в качестве источника энергии, как полагают некоторые критики. Любое крупное технологическое предприятие будет порождать серьезные проблемы в области социальной политики. Важны не вопросы сами по себе, а ответы на них.

Экономические и экологические факторы

С моей точки зрения, мирная атомная энергия является важным энергетическим ресурсом, и по мере истощения ограниченных мировых запасов горючих ископаемых ее значение будет возрастать. Мирная атомная энергия является

¹ ЮС Департамент оф Стейт бюллетин. — 1987, янв. — С. 75-78.

ключевым элементом в любой программе в области управления сохранением и бережливым распределением разнообразных энергетических ресурсов. Чрезмерная зависимость от какого-либо одного источника энергии, как, например, импортируемая нефть, представляется неразумной и неприемлема для нашей национальной политики в области энергетики. Достаточно вспомнить серьезные проблемы национального благосостояния, когда мы имели дело с нефтяными потрясениями 1973-го и 1979 годов, вызванными ОПЕК (Организацией стран - экспортеров нефти). Эхо этих событий до сих пор сказывается на нашей экономике. Было бы глупо с нашей стороны добиваться их повторения произвольным отказом ассигновать средства для мирной ядерной энергии в нашей общей энергетической программе. Мы также не можем рассчитывать, что альтернативные источники энергии, такие, как термоядерный синтез, в ближайшее десятилетие заменят сегодняшнее поколение атомных реакторов. Вряд ли синтез будет играть значительную роль по крайней мере до следующего столетия.

Эти вопросы не так просто воспринимают в нашей стране, по-видимому, в связи с наличием сравнительно широкого выбора энергетических ресурсов. Но это важные моменты, и их значение полностью осознается некоторыми нашими главными союзниками, такими, как Япония и Франция, испытывающими недостаток в богатых альтернативных источниках энергии. Эти страны, конечно, являются экономически высокоразвитыми, и для них опора на мирную ядерную энергию стала необходимой. Например, в 1985 году 65 процентов энергии, полученных Францией, было выработано на атомных станциях.

Является ли мирная атомная энергия экономически эффективной? Ответ положителен: по отзывам, так дело обстоит во многих промышленно развитых странах; правомочно утверждать это и в отношении нашей собственной страны. Различия заключаются в доступности альтернативных источников энергии и в том, каким образом различные страны планируют и управляют осуществлением своих программ в области атомной энергетики. В частности, те страны, которые выбрали реакторы стандартизированных конструкций, упростив таким образом процесс предоставления лицензий, и, резко снизив затраты на ввод в действие новых реакторов, добились наибольшей самоокупаемости.

Рассматривая экономические аспекты использования мирной ядерной энергии, важно также учитывать долговременную перспективу. Верно, что цены на сырую нефть сегодня относительно низки. Но благодущие может быть опасным. Было бы, конечно, опрометчивым предсказать, что мы будем неограниченно пользоваться роскошью сегодняшних низких цен.

Как обстоит дело с воздействием атомных реакторов на окружающую среду? Очевидно, что атомные электростанции в условиях нормальной эксплуатации с экологической точки зрения более безвредны, чем некоторые другие типы установок. У меня нет нужды напоминать вам здесь, на нашей границе с Канадой,

какой важной стала проблема выпадения «кислотных» дождей в отношениях между нашими странами¹. Я мог бы отметить, между прочим, что это вопрос, которым я весьма озабочен ввиду того, что мое бюро в государственном департаменте несет ответственность за проблемы в области окружающей среды. Я, однако, упоминаю здесь этот момент только для того, чтобы подкрепить одно простое положение: в отличие от некоторых других типов вырабатывающих электроэнергию станций, атомные электростанции не вносят своего вклада в проблему «кислотных» дождей.

Существует также другая долговременная экологическая проблема, связанная с сжиганием ископаемых горючих материалов. Это так называемый парниковый эффект — постепенное потепление атмосферы Земли с возможными серьезными последствиями для характера погоды и уровня океана. Хотя нам еще многое предстоит изучить относительно характера парникового эффекта, в данный момент мы уверены, что атомные электростанции не оказывают сколько-нибудь значительного влияния в этом вопросе.

Забота о безопасности

Сейчас я подошел к вопросу о радиационной безопасности. Это, как мне кажется, ключевая проблема в определении наиболее вероятных перспектив развития мирной атомной энергетики в послечернобыльскую эру. Страны, намеревающиеся положиться на мирную атомную энергию, должны решительно обратиться к некоторым весьма реальным заботам, связанным как с радиационной безопасностью, так и с ее гарантиями (важное различие, к которому я вернусь позже).

Первое, что необходимо сказать, это то, что, несмотря на широкоизвестные аварии (на станции «Тримайл Айленд» и в Чернобыле), сравнение зарегистрированных данных по безопасности с другими типами электростанций — в пользу атомной энергии. Но, как столь наглядно продемонстрировала станция в Чернобыле, серьезная авария на ядерной энергетической установке, как бы статистически редка она ни была, отличается по масштабам и охвату от аварии на любом ином типе электростанции. Недостаточно, таким образом, просто утверждать, что ядерные установки с точки зрения частоты аварий выигрывают при статистическом сравнении с другими типами энергетических установок, и выстраивать аргументы на этой основе. Серьезная авария на атомной электростанции может быть куда более разрушительной, чем на станции любого другого типа, и поэтому наши усилия должны быть достаточными, чтобы полностью предотвратить их возможность.

¹ Эта проблема сейчас стоит очень остро и в ряде западноевропейских стран.

Важно также помнить, что не все реакторы имеют одинаковую степень безопасности. Мы, конечно, стараемся изучить все, что касается возникновения аварийной ситуации в Чернобыле, и применять уроки на нашей собственной практике там, где следует. Очевидно, что советские операторы в Чернобыле допустили большие ошибки в ночь аварии, а человеку свойственно ошибаться; любое чувство самодовольства

было бы неуместным и, вероятно, пагубным. Но остается фактом, что чернобыльский реактор, не имевший соответствующей защитной оболочки и предрасположенный к резкому росту мощности при потере охладителя (позитивный пустотный коэффициент), не получил бы разрешения на эксплуатацию в США, Канаде и, по-видимому, в любой другой стране Запада. У нас более жесткие стандарты, более четко выражены обязательства по безопасности и охране окружающей среды. Мы считаем, что СССР обязан сделать все, чтобы устранить недостатки базовой конструкции, которые сыграли роковую роль при аварии в Чернобыле, на многих подобных реакторах на своей территории. Мы можем лишь сожалеть о том, что авария на одном реакторе поставила под вопрос безопасность всех реакторов, даже иной конструкции¹.

Разрешите мне затронуть связанный с этим вопрос. Как некоторые из вас знают, Советский Союз в настоящее время строит два ядерных силовых реактора в городе Сьенфуэгос на Кубе. Я хотел бы подчеркнуть, что эти реакторы не относятся к чернобыльскому типу. К тому же я хотел бы заверить вас, что мы дали ясно понять советским и кубинцам, что эти кубинские реакторы, в частности, в связи с близостью к нашим берегам должны быть спроектированы и построены при соблюдении строгих норм безопасности и работать в безопасном режиме. Мы будем уделять пристальное внимание тому, чтобы эти нормы неукоснительно соблюдались.

США и реакция международной общественности на аварию в Чернобыле

Месяцы, прошедшие после Чернобыля, были временем для критических размышлений о безопасности атомной энергии как в самих США, так и среди международной общественности. Разрешите мне произвести краткий обзор нашей деятельности на международном уровне в качестве реакции на аварию в Чернобыле. С самого начала США взяли на себя ведущую роль в побуждении Советского Союза к выполнению международных обязательств, давая вслед за его вначале скудными и запоздалыми сообщениями об аварии полное и исчерпывающее освещение фактов. Я с удовольствием хочу отметить, что СССР сам вскоре признал здравый смысл такого курса; его последующий отчет,

¹ В этом случае Дж. Негропonte будто бы запомнил «Тримайл Айленд» и другие аварии в США.

представленный на специально созванную встречу международных экспертов Международного агентства по атомной энергии в Вене 25-29 августа 1986 года, был исключительно открытым. Я должен добавить, что мы обдуманно противостояли любому соблазну нажать политический капитал на несчастье СССР и предложили нашу помощь по целому ряду направлений.

США также способствовали мобилизации усилий под эгидой Международного агентства по атомной энергии для определения мер, связанных с возможными подобными авариями в будущем. Даже до Чернобыля, по крайней мере государства индустриального Запада, единогласно сходились во мнении о том, что каждая отдельная страна, занимающаяся атомной энергетикой, должна нести полную ответственность за безопасность конструкции, производство, управление и обслуживание своих ядерных установок; что предотвращение трансграничного переноса радиоактивных веществ, являющегося следствием деятельности в области атомной энергетики, — неотъемлемый элемент ответственности перед другими нациями; что должно быть обеспечено быстрое предоставление адекватной информации в случае опасности или аварии, связанной с возможностью негативных с точки зрения радиологической безопасности последствий для сопредельных государств. Сразу же после Чернобыля стала очевидной необходимость обязательного международного соглашения, которое воплотило бы эти принципы. Стало также ясным, что Международное агентство по атомной энергии явилось бы наиболее подходящим форумом, с помощью которого следует мобилизовать международные усилия для достижения этой цели.

Поэтому в начале мая, когда события в Чернобыле были еще окутаны туманом, США и их союзники выступили за созыв специального заседания Совета управляющих МАГАТЭ, который, в свою очередь, назначил группу правительственных экспертов для составления проекта двух международных конвенций, одна из которых обеспечивает раннее оповещение об авариях на ядерных установках с негативными для сопредельных государств последствиями и предоставление исчерпывающей информации, касающейся их, а вторая определяет рамки координации международной помощи, включая меры по реагированию на такие аварийные ситуации. Проекты этих двух конвенций были представлены на специальную сессию Генеральной конференции МАГАТЭ, которая приняла их, а более чем 50 государств к концу сентября подписали их.

Все это, конечно, хорошо, можете вы сказать, но как относиться к тому, что происходит уже после того, как авария случилась? Что же делается для уменьшения возможности аварий прежде всего? Оказывается, можно и должно сделать многое и даже еще больше. Международное агентство по атомной энергии и Агентство по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в Париже давно имеют программы, направленные на учреждение безопасных норм по проектированию, строительству и эксплуатации на универсальной основе. В США

такая же работа ведется в Институте эксплуатации атомной энергии в Атланте: к работе привлечен ряд операторов реакторов из других стран. Комиссия по ядерному регулированию США имеет хорошо разработанную программу сотрудничества с другими странами по обмену информацией, касающейся безопасности эксплуатации реакторов. Существуют двусторонние соглашения по сотрудничеству в области радиационной безопасности с 37 государствами.

США также выступили с инициативой учреждения академии по обучению специалистов в области радиационной безопасности, созданной как общественная организация на основе совместного участия промышленности и правительства. Ее целью является помощь сотрудничающим странам в ознакомлении лиц, наделенных правом принимать решения в области атомной энергии, с программами безопасности, разработанными в США, а также информации, обучения, руководства и консультаций по вопросам радиационной безопасности.

Начальная экспериментальная программа в Стенфордском университете летом 1985 года была очень хорошо принята.

Все это является важными компонентами мер, принимаемых для того, чтобы обеспечить условия максимального соблюдения принципов безопасности при эксплуатации ядерных реакторов нынешнего поколения. Еще более сложной задачей (но не единственной, как мне представляется) является создание нового поколения реакторов, в которых задача обеспечения безопасной остановки в случае серьезной неисправности будет решаться больше на основе физических принципов, чем предохранительных устройств. США и другие страны уже работают над целым рядом принципиальных разработок реакторов в соответствии с этим направлением.

Другой сложной задачей, к которой мы должны обратиться, является окончательное удаление радиоактивных отходов. Я утверждал, что производство ядерной энергии относительно безвредно воздействует на окружающую среду по сравнению с другими методами. Но это останется верным и в будущем только в случае, если будут разработаны адекватные средства, обеспечивающие надежное хранение радиоактивных отходов независимо от того, каким способом будет исключено вредное воздействие на окружающую среду. Уже получены удовлетворительные технические результаты. Министерство энергетики продолжает осуществление программы для обеспечения выполнения Закона 1982 года о политике в области отходов атомной промышленности. Вопросы общественного и политического признания должны также быть решены, если уже продемонстрированная технология будет успешно применяться.

Содействие международным гарантиям

Позвольте мне сейчас вернуться к разграничению, которое я сделал ранее между безопасностью и гарантиями в международном плане. Второй термин — гарантии — стал гуманитарным применительно к области мирной атомной энергии. Он не относится ни к безопасной эксплуатации ядерных установок, ни к физической защите (безопасному хранению, если хотите) материалов для ядерных реакторов. Он в большей степени имеет отношение к системе проверок и другим мерам, целью которых является своевременное обнаружение случаев использования значительного количества ядерных материалов для производства ядерного оружия и сдерживания такого использования...

Точно так же, как широкая общественность имеет право настаивать на безопасном применении ядерной энергии как у себя в стране, так и за рубежом, она имеет право настаивать на том, чтобы применение ядерной энергии было ограничено исключительно мирными целями. Комплекс международных правовых обязательств, гарантий и других соглашений, разработанный с той целью, чтобы обеспечить использование ядерной энергии только в мирных целях, часто упоминается как режим ядерного нераспространения. Международные ядерные гарантии, включая инспекции на местах под руководством МАГАТЭ, являются одним из главных компонентов этого режима. Договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный более чем 135 государствами, является другим обязательным компонентом.

Администрация президента Рейгана, как и остальные администрации США, начиная с рассвета ядерной эры, рассматривает предотвращение распространения ядерных взрывчатых веществ в других странах в качестве фундаментальной задачи национальной безопасности и внешней политики. Мы идем к этой цели, используя самые разные пути.

Мы прилагаем усилия к тому, чтобы устранить мотивы, которые могут побуждать другие государства приобретать ядерные взрывчатые вещества, и работаем в направлении улучшения региональной и глобальной стабильности, там, где это необходимо, помогаем государствам обеспечить свою законную безопасность неядерными средствами.

Мы продолжаем содействовать более полному соблюдению Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке, известного как Договор Тла-телолко.

Мы постоянно ищем возможности для более эффективного сотрудничества с другими странами по мерам уменьшения риска распространения ядерного оружия.

Мы осуществляем строгий контроль над экспортом чувствительных ядерных материалов, оборудования и технологии из США, особенно там, где этого требует предотвращение опасности распространения оружия; мы также тесно

координируем нашу деятельность с другими поставщиками ядерного сырья и технологии в рамках общих экспортных норм.

Мы постоянно поддерживаем деятельность МАГАТЭ и продолжаем сотрудничать с другими странами для его укрепления, уделяя особое внимание роли агентства в применении международных гарантий безопасности. В самом деле, мы считаем систему безопасности, предлагаемую агентством, настолько эффективным элементом режима международного нераспространения, что призвали всех ядерных поставщиков поддержать требование от неядерного государства - получателя гарантий по соблюдению режима безопасности при любой деятельности в этой области в качестве условия заключения новых соглашений о поставках в такие страны — условия, известного как «исчерпывающие» или «полномасштабные» гарантии. Я должен отметить, что США уже требуют полномасштабных гарантий в качестве неременного условия при значительных ядерных поставках своим неядерным торговым партнерам, включая реакторы и топливо для них.

Наконец, мы предпринимаем серьезные усилия, чтобы восстановить репутацию США как надежного партнера в области торговли ядерным сырьем и технологией, поскольку только поддерживая у других наций уверенность в нас относительно ядерной области, мы можем надеяться на то, что наше влияние на их ядерные программы окажется результативным.

Заключение

Мирная атомная энергия является все более широко используемым источником энергии. При должной организации ее производства с точки зрения охраны окружающей среды и нераспространения ядерного оружия она и в будущем, вплоть до следующего столетия, а возможно, и дольше будет играть важную роль в удовлетворении потребностей человека в энергии. Она чиста, эффективна и относительно недорога. Она вносит существенный вклад в энергетическую структуру индустриального мира, особенно в странах, не обладающих собственными значительными альтернативными источниками энергии. Это ключевой компонент обеспечения нашей энергетической независимости, и даже после чернобыльской аварии нет веской причины отказываться от ядерной энергии. Я уверен, что мы можем и должны полагаться на ядерную энергию как на одну из главных при выборе источников электроэнергии.

Чтобы осуществление ядерных программ было успешным, они, конечно же, должны иметь поддержку широкой общественности. А посему должны быть безопасными, даже более безопасными, чем сейчас. И они должны быть защищены надежными гарантиями, чтобы риск того, что они послужат для разработки ядерных взрывчатых веществ, был минимальным. Ответственные правительства достигли

значительных успехов в этих обеих областях, и мы намереваемся не прекращать нашу деятельность.

ЧАСТЬ II

ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ...

Весна и лето года 1987-го

Открытые двери

ДЕКАБРЬ 1986 года можно назвать завершением первого, наиболее трудного и драматичного этапа в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Мы уже говорили о том, что к этому времени было сделано в 30-километровой зоне, а что предстояло сделать. Добавим только, что после решения самых неотложных задач — завершения строительства объекта «Укрытие» 28 ноября 1986 года и пуска первого энергоблока в октябре и второго — в ноябре, — предстояло проделать гигантский объем работ по дезактивации территории вокруг станции, территории и жилья в Припяти, Чернобыле. Многие тысячи гражданских лиц и военнослужащих были привлечены к этой работе.

Первоначально под непосредственным руководством Правительственной комиссии работали специалисты нескольких десятков различных организаций и учреждений многих министерств и ведомств СССР. 2 октября 1986 года решением Правительственной комиссии было создано производственное объединение «Комбинат», которое объединило усилия всех участников ликвидации последствий аварии, за исключением воинских частей, некоторых научных и исследовательских организаций. В состав «Комбината» вошли Чернобыльская атомная станция, Управление дозиметрического контроля, Управление автомобильного транспорта, специализированное предприятие «Комплекс», занимающееся дезактивацией и захоронением радиоактивных отходов, Управление капитального строительства, одной из главных задач которого стало строительство нового города для эксплуатационного персонала ЧАЭС — Славутича, службы связи, снабжения, питания, коммунального хозяйства и т. д. К началу 1987 года это был в целом уже структурно определившийся организм, набиравший силу.

К этому же времени относятся и первые после мая 1986 года посещения ЧАЭС зарубежными делегациями специалистов, общественных деятелей, представителями средств массовой информации. 17 декабря на станции побывали министр энергетики Великобритании П. Уокер и посол этой страны в СССР Г. Картледж; в первой половине января — генеральный директор МАГАТЭ Ханс Бликс,

директор управления безопасности МАГАТЭ Морис Розен (это был их второй приезд в район аварии после мая, о чем уже говорилось выше).

Первой ласточкой из числа представителей средств массовой информации, посетивших 30-километровую зону, были ведущий телемоста «Вашингтон — Москва» Фил Донахью и его коллеги Марлейн Семени и Матис Бехер. Этот визит не обошелся без курьеза, о котором впоследствии часто вспоминали из станции и в Чернобыле с улыбкой. Нужно сказать, что многие зарубежные гости и зимой 1986—1987 годов, и позже приезжали в Чернобыль не без опаски. Фил Донахью вел репортаж с площадки недалеко от моста через канал пруда-охладителя у административно-бытового корпуса №1.

Ему и его коллегам предложили пройти в здание ЧАЭС, осмотреть щит управления первым энергоблоком, машинный зал. Сославшись, отчасти, по-видимому, в шутку, на запрет жены посещать станцию из боязни радиации, Фил Донахью остался на улице. Со спокойной душой он делал свое дело и не ведал, что радиационный фон там, где он находился, примерно в двадцать раз превышал уровни в помещении станции. Только из вежливости хозяева не стали настаивать, чтобы он ушел внутрь здания. Одно хорошо, что пребывание на территории длилось недолго и, если говорить всерьез, никакого ущерба здоровью причинить не могло.

В составе этой делегации из США на ЧАЭС побывал и доктор Р. Гейл. В марте на Чернобыльскую АЭС с рабочим визитом прибыли члены Комиссии по ядерному регулированию США Дейтон, Бернхал и Гавиган. Мы уже упоминали эту организацию и имя Дентона. Поэтому ограничимся лишь констатацией факта их пребывания на станции.

В апреле ЧАЭС посетили две делегации — Британского конгресса тред-юнионов (БКТ) во главе с генеральным секретарем профсоюза пожарных Кеном Камероном и американских конгрессменов в составе Норма Дикса, Дика Чейни, Ли Окоэна.

Об этом периоде можно говорить как о времени интенсивного расширения контактов ПО «Комбинат», в частности, Чернобыльской атомной станции, с представителями многих стран. Позже оправдались предположения, что ЧАЭС станет местом притяжения для средств массовой информации и специалистов, ученых самых разных отраслей науки и техники.

Для организации работы с ними решением Правительственной комиссии 15 февраля 1987 года в рамках ПО «Комбинат» был создан отдел информации и международных связей. С этого времени, точнее, с апреля, по нашему убеждению, начался новый этап в освещении событий в 30-километровой зоне Чернобыльской АЭС.

Свидетельство Ричарда Вильсона

Несомненно, знаменателен визит на Чернобыльскую атомную станцию профессора Гарвардского университета физика-атомщика Ричарда Вильсона. После аварии прошло десять месяцев, и он как специалист имел возможность увидеть, что было сделано советскими людьми в плане ликвидации ее последствий. Конечно, тогда едва ли кто думал о том, какое впечатление произведет станция и сама зона на гостя из-за океана. Важно, что он специалист и его интерес к происходящему был чисто профессиональным. Но впечатление профессора Вильсона было совершенно определенным. В конце визита он подарил свой дозиметр новому директору станции Михаилу Пантелеевичу Уманцу, вступившему в должность незадолго до этого — 1 февраля 1987 года. На листке, вырванном из блокнота, он написал следующее «свидетельство»:

«Я дарю этот дозиметр в качестве гарантии, что американцы с американскими дозиметрами уверены — работать в Чернобыле безопасно. С благодарностью за любезность и великодушные, проявленные в ходе нашего визита.

*РИЧАРД ВИЛЬСОН
факультет физики,
Гарвардский университет.
Кембридж 02187, США,
Массачусетс».*

Что ж, свидетельство это поистине ценное: ведь еще относительно недавно — до дезактивации — находиться на станции можно было лишь непродолжительное время, да и то при условии использования средств индивидуальной защиты. Профессор Вильсон, как специалист, мог по достоинству оценить перемены.

По возвращении в Соединенные Штаты Ричард Вильсон описал впечатления от поездки в Чернобыль и сделал некоторые выводы.

Приводим эту публикацию почти полностью.

ПОЕЗДКА В ЧЕРНОБЫЛЬ¹

В августе 1986 года на специальном заседании Международного агентства по атомной энергии (Вена, Австрия) советские эксперты подробно осветили вопрос об аварии на Чернобыльской атомной электростанции. Несколько вопросов, которые остались без ответа, значительно прояснили посещение дезактивированной и функционирующей Чернобыльской электростанции и дискуссии с советскими

¹ Сайенс, — 1987, июнь, — Т. 236, — С. 1636-1640.

учеными. Эта поездка дает нам возможность составить представление об уровне конструкторско-технологической мысли в Советском Союзе, последствиях случившейся аварии, проникнуть в существо мер, с помощью которых страна справилась с несчастьем. Несмотря на то, что сделаны общие для всего мира выводы (например, приходится признать, что операторы технологических систем могут и будут преднамеренно отключать системы безопасности), основной конкретный вывод состоит в следующем: нужно благодарить судьбу за то, что Запад не последовал по советскому пути развития ядерной энергетики.

В феврале 1987 года мне была предоставлена возможность посетить атомную электростанцию имени В. И. Ленина близ г. Чернобыля на Украине. С собой у меня были фотоаппарат и счетчик Гейгера. Сразу же после того, как произошла авария в апреле 1986 года, я скрупулезно изучил русские газеты и сообщения об этом событии. Я наткнулся на изложение материалов послеаварийного обзорного заседания, которое проходило в Вене (Австрия) в августе 1986 года, где советские эксперты подробно описали сам реактор, случившуюся аварию, ее последствия, а также мероприятия по очистке, осуществляющиеся в то время. Однако немало вопросов осталось в Вене без ответа.

В ходе своей поездки и до нее я имел также возможность задавать вопросы тем людям, которые были ответственны за следующие аспекты аварии: консультации по проведению эвакуации (академик Л. Ильин), неотложная медицинская помощь (доктор А. Гуськова), проектирование реактора (академик Беляев, доктор Булаков, доктор Кузьмин и доктор Празенкс из Института атомной энергии имени Курчатова), измерение радиоактивных выбросов (доктор В. Ф. Демин), измерение радиоактивности в окружающей среде (профессор Павловский из Института медицинской физики), радиоактивность в протекающей поблизости реке (доктор Хитров из Института геофизики и аналитической химии имени Вернадского); вопросы были заданы доктору Петросьянцу, председателю Государственного комитета по атомной энергии, академику Абагяну, директору вновь созданного института, занимающегося внедрением научно-исследовательских разработок в практику атомных электростанций, министру атомной энергетики доктору Н.Ф. Луконину, консультанту советского руководителя Михаила Горбачева академику Е.П. Велихову, а также многим другим ученым и отдельным лицам. Ни один человек не смог ответить на все мои вопросы; в действительности имели место расхождения в деталях. После разговоров с указанными лицами, на которых возложена непосредственная ответственность, в настоящее время вырисовывается значительно более ясная картина аварии, ее причин и реакции советских органов.

Авария

Как известно, в субботу 26 апреля, в 1 час 23 минуты 48 секунд, взорвался четвертый блок четырехреакторного комплекса из-за того, что состояние активной зоны ядерного реактора претерпело внезапное критическое отклонение от нормального. Давлением пара — поскольку полная мощность реактора увеличилась в пределах от 100 до 500 раз — была поднята и перевернута на бок тысячетонная плоская крышка, реактор оказался вскрытым, и горячая активная зона осталась открытой в окружающую среду.

При первом взрыве было выброшено большое количество радиоактивных веществ, и еще больше — в течение последующих десяти дней. Доктор Демин, основываясь на данных о наземных осадках и измерениях активности в струе, подсчитал, что около 3 процентов тяжелых элементов активной зоны было выброшено на окружающие строения и сельскую местность (в осадках было примерно 13 процентов более летучего цезия и 20 процентов йода). На Западе высказано предположение о том, что количество выброшенного йода составляло приблизительно 50 процентов. Западные специалисты проводили собственные исследования, из которых следует, что большое количество радиоактивных веществ, образовавшихся при первом взрыве, прошло на высоте над сельской местностью Белоруссии и осело в Европе, а также что советские данные не объясняют этого должным образом. Я обсуждал этот вопрос с доктором Деминым, и несмотря на то, что он считает свои оценки правильными в пределах пятидесятипроцентной точности, ясно, что Советский Союз знает меньше, чем мы о первом взрыве и составе выбросов. Имевшие место выбросы привели к радиоактивному облучению местного населения, эвакуации свыше 135 000 человек, а также к интегральному радиоактивному облучению всего земного шара, которое сравнимо с таковым от взрыва в атмосфере очень мощной бомбы.

Спустя несколько часов после аварии из Москвы прибыл высококвалифицированный медицинский персонал. Борис Щербина, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, взял общее руководство на себя, подчеркивая тем самым приоритет союзного правительства. В суммарном выражении у 203 работников атомной электростанции и пожарных развились симптомы острой лучевой болезни, а 31 человек умер. Отчет о медицинских мерах, представленный в Вене, содержит впечатляющие подробности и приводит многих западных экспертов к мысли о том, что русские и раньше имели дело с авариями ядерных установок. Академик Андрей Сахаров разделяет эту точку зрения.

Отсроченная эвакуация

Многие западные комментаторы были озадачены длительной задержкой эвакуации населения из зоны вокруг атомной электростанции. Однако такую отсрочку можно понять, если учитывать советские официальные планы эвакуации, которые непосредственно следуют рекомендациям Международной комиссии по радиологической защите (МКРЗ) и ориентированы, кроме того, на природу радиоактивного воздействия на человека. Если предполагается доза 25 бэр (биологический эквивалент рентгена), то необходимо рассматривать вопрос об эвакуации; если же предполагается достижение интегральной дозы 75 бэр, то план эвакуации следует осуществлять. На протяжении дня 26 апреля уровни радиации в Припяти составляли всего 10 миллибэр в час; этого было недостаточно, чтобы предположить, что радиация достигнет опасного для человека уровня. Когда к 21.00 возросший выброс радиоактивных веществ, сопровождающий горение графита, привел к уровню радиации 140 миллирентген в час, было принято решение о проведении эвакуации на ближайшей к атомной электростанции улице. Решили оставить людей на ночь в домах, а за это время подготовить транспорт. На следующий день между 14.00 и 16.00 население было эвакуировано. К этому времени уровень радиации на ближайшей к атомной электростанции улице достиг 1000 миллирентген в час.

Академик Ильин с гордостью заявляет о том, что ни один человек, не являющийся работником атомной электростанции или пожарным, не заболел острой лучевой болезнью и не получил большую, чем это предусмотрено нормами в планах эвакуации, дозу. Остальное население Припяти было эвакуировано 27 апреля; эти люди получили и еще получают максимальную дозу 3 бэра — меньше, чем допускается для профессиональных работников в течение года. 24 000 человек, которые проживали на удалении от атомной электростанции в пределах от 3 до 15 км (за исключением жителей Припяти), получили и получают максимальную дозу в среднем 43 бэра; это все еще меньше величины 75 бэр, предусмотренной нормами. Большие дозы, полученные этими людьми, обусловлены частично отсрочкой эвакуации, а частично тем фактом, что они жили в деревянных домах, которые обладают худшими защитными свойствами против воздействия радиационных излучений, и, кроме того, они испытали воздействие первого взрыва. Те лица в Белоруссии и на Украине, которые находились вне зоны эвакуации, получили и получают на протяжении своей жизни в среднем максимум примерно 0,5 бэра. Такое же увеличение дозы имеет место, если переехать из Вашингтона в высотный город Денвер и прожить там в течение десяти лет.

Даже академик Велихов, который, как мне сказали, взобрался 26 апреля на крышу четвертого блока, чтобы внимательно осмотреть разрушения, получил только 25

бэр, что допускается для него профессиональными нормами один раз на протяжении жизни в экстремальных ситуациях.

Эффекты, связанные с радиоактивным облучением

Последствия аварии на Чернобыльской атомной электростанции в отношении здоровья населения земного шара подробно рассматривались. Их можно описать по-разному. Например, доза в 43 бэра, которую получили наиболее облученные лица, увеличивает для каждого человека вероятность умереть от рака на 0,5 процента. Поскольку от рака умирает $1/6$ всех людей, то это составляет 3 процента от коэффициента естественной смертности по причине заболевания раком. Несмотря на то, что такое увеличение является нежелательным, перспективу можно представить в выигрышном свете — доза в 43 бэра приводит к меньшему числу заболеваний раком, сердечных болезней и генетических дефектов, чем регулярное курение на протяжении всей жизни. Интегральный эффект в отношении здоровья населения земного шара можно описать, просуммировав все расчетные случаи заболевания раком; в результате прогноз составит много тысяч смертей от рака. Однако этот эффект является, вероятно, меньшим, чем тот, к которому приводит сжигание ископаемого топлива на протяжении одного года в Советском Союзе. Поэтому, если единственной целью является усредненный уровень здоровья населения, а аварии масштаба чернобыльской происходят реже одного раза в год, то реакторы РБМК в Советском Союзе можно считать менее опасными, чем электростанции аналогичного размера, работающие за счет сжигания угля.

Советские эксперты приводят такие аргументы в своих научных работах, и, возможно, они убедили себя в том, что на обеспечение безопасности потрачено достаточно средств. Однако в настоящее время очевидно, что этот вывод явился результатом слишком узкого применения анализа соотношения риск — польза.

Советские эксперты, в частности, доктор Гуськова и доктор Ильин, понимают, насколько важным является расширение наших знаний об эффектах, связанных с малыми дозами облучения, путем исследования здоровья лиц, подвергшихся наибольшему воздействию радиации.

У десятков тысяч людей были измерены концентрации йода и цезия в организме. Эти измерения могут не только дать нам информацию о суммарной дозе внутреннего облучения, но также свидетельствовать о таком облучении и, кроме того, позволяют проверить оценки Павловского для доз внешнего облучения. Оценки дозы внутреннего облучения в среднем в десять раз меньше, чем предсказанные в Вене. Все облученные были разделены на шесть групп в соответствии с величиной ожидаемой дозы и несколькими ведущим мировым эпидемиологам были направлены запросы в отношении оказания помощи. Однако неясно, будет ли наблюдаться увеличение количества раковых заболеваний на 3

процента, не считая нелетальных опухолей щитовидной железы и, возможно, лейкемии.

Контролирование аварии

Первая попытка взять под контроль реактор после того, как произошла авария, была сделана местным персоналом еще до приезда из Москвы специалистов, включая Легасова и Велихова. Предпринятые попытки залить поврежденный реактор окончились неудачей из-за того, что вода отводилась по переходам между различными реакторами, угрожая целостности соседнего блока (это небольшой, но важный недочет в проектировании). Позже в этот же день стало понятно, что в поврежденном реакторе горит графит и интенсивность выбросов радиоактивных веществ возрастает. Тогда, 27 апреля, и в последующие дни на реактор было сброшено с вертолета 5000 тонн материалов¹. За счет этого огонь был потушен, однако тепло, выделяющееся в ходе ядерных реакций, все еще поддерживало активную зону в горячем состоянии, и продолжалось испарение продуктов деления. Лишь когда в каналы под активной зоной был введен, по предложению Велихова, жидкий азот, она остыла и выбросы прекратились.

Возобновление работы реактора

К 6 мая опасность миновала, однако перед советскими специалистами встало несколько масштабных задач: очистить остальное оборудование, помещения и территорию атомной электростанции с тем, чтобы можно было возобновить работу; провести повторную подготовку или заменить штаты для обеспечения безопасного функционирования реактора; осуществить дезактивацию сельской местности и предоставить советским гражданам возможность возвратиться к своим делам; в достаточной степени изменить конструкцию и режим работы реакторов РБМК так, чтобы ими можно было управлять, не подвергая советских людей чрезмерному риску. Цель моей поездки на атомную электростанцию в Чернобыле и моих вопросов советским ученым заключалась в том, чтобы увидеть, насколько хорошо были выполнены эти задачи. По моему мнению, советские специалисты достигли в этом отношении замечательных успехов.

Первым шагом было заключение поврежденного четвертого блока в «саркофаг» с целью предотвращения каких бы то ни было дополнительных выбросов. Эта работа

¹ Выбросы прекратились 6 мая после того, как развал был полностью заброшен сухими материалами.

была закончена в октябре¹. Под реактором была вырыта полость и построен новый массивный фундамент; кроме того, были установлены теплообменники и обеспечена возможность отвода тепла, выделяющегося в реакциях распада. В настоящее время почти отсутствует какая-либо радиоактивность: 10 микроюри в день по рутению — снижение от уровня 1000 микроюри в день в октябре и 100 миллионов юри в начале мая. После заключения четвертого блока в «саркофаг» можно было эффективно провести дезактивацию остальных блоков. Работа первого и второго блоков была возобновлена в октябре и ноябре соответственно, и когда 23 февраля 1987 года я посетил атомную электростанцию, оба они функционировали на полную мощность, давая 2000 мегаватт электроэнергии. На третьем блоке проводились мероприятия по дезактивации, и возобновление его работы предполагалось не позднее июля². На пятом и шестом блоках, которые в момент аварии находились в состоянии монтажа, никакие работы не проводились.

Мне сообщили, что вскоре предполагается возобновить работы по монтажу пятого блока, имея в виду его запуск к концу 1989 года, однако более свежие сообщения прессы свидетельствуют о том, что этот проект либо отложен на неопределенное время, либо от него отказались вообще. Скорость, с которой возобновилась работа загрязненных первого и второго блоков, можно поставить в противоположность шестилетней задержке с повторным пуском не разрушенного и не загрязненного первого блока атомной электростанции «Тримайл Айленд».

Дезактивация окружающей среды

Главной долгосрочной задачей, которую нужно решать в связи с авариями ядерных реакторов, является загрязнение окружающей среды радиоактивным цезием-137. Цезий является настолько летучим, что большое его количество ушло из реактора. Время его полураспада с радиоактивным излучением составляет тридцать лет. Одной из неожиданных проблем в ходе регенерационных работ в те жаркие летние дни оказалось сдувание ветром радиоактивной пыли с зараженных площадей и перенос их на незагрязненные участки. По этой причине нарушение земляного покрова с помощью вспашки могло бы сослужить плохую службу. Тем не менее дезактивация площадей вокруг Чернобыля проходила лучше, чем ожидали советские специалисты.

На протяжении всего пути от Киева до Чернобыля в феврале 1987 года радиация не была заметной до тех пор, пока мы не достигли окраины районного центра Чернобыля, где, по моим измерениям, было 0,05 миллирентгена в час — таковым было уменьшение уровня радиации с 29 мая 1986 года. Я зафиксировал уровень 0,4

¹ В действительности в конце ноября

² Фактически реактор был пущен 4 декабря 1987 года.

миллирентгена в час вблизи деревни Лелев (снижение с 10 миллирентген после 29 мая) с большим пятном непосредственно в северном направлении от этого селения, в пределах которого было 0,7 миллирентгена в час, а также 0,4 миллирентгена в час на участке парковки автомобилей атомной электростанции, который расположен как раз на восток от турбинного зала. Дорога, ведущая от Киева, была повреждена колесами грузовых автомобилей, однако покрытие это не снималось, не было сделано повторное покрытие дорожного полотна; произведена только обработка последнего химическими растворами. Кроме того, пока мы были на удалении больше 1 километра от атомной электростанции, съема или распашки земли по сторонам от дороги практически не было. На территории электростанции я зафиксировал значительно меньшие уровни радиации — типичные значения 0,06 миллирентгена в час или менее — в служебных помещениях, турбинном зале и в районе пульта управления. Такой уровень радиации обуславливает умеренную дозу облучения профессиональных работников — 0,1 бэра в год по сравнению с максимальной дозой 5 бэр, которая для них допускается¹.

С северной стороны атомной электростанции дорога ведет на запад до слияния с дорогой Чернобыль — Припять возле железнодорожного моста, расположенного как раз на юг от Припяти. Этот район попал в зону первого радиоактивного «факела». По этой дороге меня не повезли, мотивируя это тем, что с нее еще не был убран снег. Однако мне сообщили, что полотно этой дороги было снято как в том месте, так и в городе Припяти, и что с каждой стороны дороги был снят верхний слой почвы и заменен чистой землей. Жилые дома в Припяти и в других местах достаточно чистые; внутрь попало очень мало радиоактивных веществ, однако большое количество их осталось на просмоленных крышах. Поскольку во время моего визита в Чернобыль температура воздуха на улице была — 8° С, то предполагалось, что удаление загрязненной смолы будет производиться весной.

В августе 1986 года профессор Павловский сделал осторожные и пессимистические оценки доз внешнего облучения и характера их снижения со временем. Уровень доз снижался быстрее, чем он тогда предсказал, очевидно, потому, что цезий-137 поглощается почвой. Поэтому расчетные значения суммарных доз на одного человека меньше, чем ранее им предсказанные, в 1,5-2,0 раза.

Река Днепр является источником питьевой воды для Киева, а также для населенных районов на протяжении 200 километров вдоль него в южном направлении к Черному морю. Со дня аварии на Чернобыльской атомной электростанции ее чистота была источником беспокойства. Доктор Хитров, который сопровождал меня во время поездки в Чернобыль, взял на себя руководство

¹ То есть эта доза в 50 раз ниже допустимой международной нормы, установленной МАГАТЭ для работников ядерных объектов.

измерениями уровня радиоактивности в начале мая 1986 года; он показал мне свои данные. Вместе со своими помощниками он установил датчик в реке Припять на расстоянии 8 километров от атомной электростанции вниз по течению. 2 мая уровень радиоактивности в реке Днепр составил 7×10^{-8} Ки/л⁻¹ и 2×10^{-7} Ки/л⁻¹ в притоке Днепра — реке Припять. С 14-го и до 20 мая 1986 года в районе Киевской водозаборной станции на Днепре уровни упали до значений $(1-5) \times 10^{-9}$ Ки/л⁻¹ — примерно до питьевой нормы. Что касается февраля 1987 года, то они были между 1×10^{-11} и 2×10^{-11} Ки/л⁻¹, что составляет $\frac{1}{4000}$ питьевой нормы. Это приблизительно естественный уровень радиоактивности калия-40 в океанах. Доктор Хитров считает, что большая часть цезия-137 остается в осадке. После того как весной в реку потекут талые воды, он опять займется проверкой, чтобы выяснить, приводит ли турбулентность к увеличению активности. Дополнительное разбавление радиоактивных веществ происходит в Киевском водохранилище, и они являются незначительными. В течение лета 1986 года для обеспечения Киева водой были сделаны артезианские скважины, однако в них не было необходимости, и они не использовались¹.

Возвращение эвакуированных

В настоящее время люди могут работать почти во всех домах, даже в Припяти, и получить дозу, которая не превышает таковую в пределах атомной электростанции, а последняя ниже допустимой нормы для профессиональных работников. После того как весной будут очищены крыши, предполагается, что люди смогут возвратиться и длительное время проживать в этих домах; при этом для них не будет превышен предел 0,5 бэра, который является допустимой дозой облучения широких слоев населения². Многие из эвакуированных имеют лучшие жилищные условия, чем до переселения, однако большинство из них, в особенности люди старшего возраста, хотят вернуться «домой» как можно скорее. Тем не менее украинские власти и их консультанты относятся к вопросу о возвращении с осторожностью. В Белоруссии повторно заселено уже четырнадцать деревень, и ожидается, что в скором времени зона эвакуации на юге будет сужена от 35 до 20

¹ До аварии в апреле 1986 года снабжение Киева питьевой водой осуществлялось также из Десны. В первой половине мая была срочно проложена вторая нитка трубопровода от Десны к Киеву с водозаборной станцией, отнесенной от Киева на значительное расстояние. В этот период днепровская вода для снабжения города не использовалась.

² В этом случае оценки оказались излишне оптимистичными. В их основе проведенные профессором Р. Вильсоном измерения на месте, которые не учитывали неоднородности загрязнения города Припять: в некоторых его микрорайонах уровни радиационного фона были выше, чем измеренные профессором.

километров, доходя до реки Уж, которая протекает как раз в южном направлении от города Чернобыля.

Какие-либо другие решения о возвращении людей пока еще не приняты. Многие семьи живут на небольших хуторах. Нельзя запретить им выращивать продовольственные культуры, и важно, чтобы они могли есть то, что они выращивают. Во время заседания в Вене академик Ильин и профессор Павловский привели намеренно пессимистическую цифру для суммарной дозы внутреннего облучения всего населения Белоруссии и Украины в течение жизни — 210 миллионов человекобэр. Западные специалисты посчитали, что эта оценка завышена по меньшей мере в десять раз; основанием для такого заключения служат измерения попавшего в организм человека в результате бомбовых испытаний цезия. Хотя профессор Павловский и признает это, тем не менее он предпочитает подождать, пока не будут проведены измерения новых всходов сельскохозяйственных культур весной 1987 года, и только после этого давать какие-либо рекомендации.

Причины аварии

Безусловно, что после случившейся аварии очень важно найти причины ее возникновения (в том числе благоприятствовавшие факторы), чтобы избежать подобное в дальнейшем, однако важно и то, чтобы не искать козлов отпущения. В Вене академик Легасов к причинам аварии отнес «ошибку операторов» и проблемы взаимодействия между человеком и машиной. На осеннем собрании Академии наук СССР он сказал: «В Вене я не лгал, однако я не сказал всей правды». Нам остается делать умозрительные заключения о том, чего же он не сказал. Моя собственная точка зрения состоит в том, что основной причиной была плохая конструкция реактора. Несмотря на то, что многие советские ученые в частных беседах соглашались с этим, им трудно признать это публично, поскольку Советский Союз связал себя эксплуатацией 15 существующих реакторов типа РБМК, а в настоящее время ввиду небольшого числа альтернативных решений в состоянии монтажа находятся новые реакторы такого типа. Ученые не хотят слишком пугать советскую общественность. По этой причине в своих интервью для Советского радио и телевидения, а также для прессы я тщательно подбирал слова, чтобы чрезмерно не критиковать саму конструкцию реактора, а просто говорил, что на меня большое впечатление произвела та скорость, с которой советские специалисты добились улучшений, и, кроме того, что я радуюсь их продвижению в настоящее время в разработке новой и более безопасной конструкции реакторов типа ВВЭР-1000 (которые аналогичны водяным реакторам избыточного давления в Соединенных Штатах Америки).

Ошибки в проектировании

Реакторы типа РБМК являются уникальными в мировой практике. Они характеризуются неустойчивостью работы, которая особенно опасна при малых значениях мощности. По мере закипания воды в реакторе и замены ее паром поглощение нейтронов ослабляется и реакционная способность возрастает. Мощность при этом увеличивается, закипает большая масса воды — и так по цепочке положительной обратной связи. При больших значениях мощности (превышающих 20 процентов от проектной) этот «положительный коэффициент пустотности» компенсируется отрицательным температурным коэффициентом, поскольку линии поглощения нейтронов уширяются в результате эффекта Доплера и увеличивают захват. Положительную обратную связь можно также контролировать, следя за положением стержней. Однако эти механизмы компенсации могут действовать только в том случае, если постоянная времени реактора достаточно велика — порядка одной секунды. Это имеет значение для малых изменений в реакторе. Что касается нейтронов, образующихся в процессе деления, то 99 процентов их высвобождаются за время менее одной наносекунды, а замедляются на отрезке в 100 микросекунд. Однако от 0,5 процента до 1 процента нейтронов образуются в реакции радиоактивного распада и высвобождаются за время от 10 миллисекунд до 20 секунд после того, как произошло деление. Поэтому если быстрые изменения реакционной способности ограничены 1 процентом, то постоянная времени реактора будет порядка секунд — достаточно большой для того, чтобы осуществить контроль над реактором.

Энрико Ферми однажды сказал, что «без замедленных нейтронов у нас никогда не было бы программы освоения ядерной энергии». Каждый конструктор реакторов на Западе гарантирует, что быстрое увеличение реакционной способности ни при каких обстоятельствах не сможет превысить этот 1 процент. Конструкторы в Институте атомной энергии имени Курчатова нарушили это фундаментальное правило. Изменение реакционной способности после закипания воды во всех 1670¹ каналах вдвое превышало эту величину или втрое — при неблагоприятных условиях ночью 26 апреля. В 1 час 23 минуты 42 секунды операторы заметили, что постоянная времени составляла менее одной секунды. Реактор быстро перешел в критическое состояние и мог быть остановлен только путем демонтажа и самотогомогенизации.

Никакой необходимости в этом недочете проектирования не было. В хэнфордском реакторе используется меньше графита, так что нейтроны полностью не замедляются, и для завершения процесса замедления требуется вода в каналах. Для реактора N «коэффициент пустотности» является отрицательным, и установка

¹ В действительности 1661

работает стабильно. Я спрашивал советских конструкторов и ученых, какими соображениями они руководствовались при проектировании реактора типа РБМК. Единственным ответом, который я когда-либо получал, было то, что имеется небольшой выигрыш с точки зрения экономической эффективности. Отмечу, что профессор Александров, президент Академии наук СССР, сразу после аварии на атомной электростанции «Тримайл Айленд» публично заявил, что «такая авария может случиться только в капиталистическом обществе, где прибыль ставится выше безопасности».

Когда недель позже я читал лекцию в Советском Союзе, я напомнил аудитории, что это было, очевидно, политическое заявление, однако существовала опасность, что профессионалы, занимавшиеся вопросом обеспечения безопасности на АЭС, могли этому поверить. Думаю, советские специалисты попались в эту ловушку потому, что политическая система страны делает их особенно уязвимыми в этом смысле. В любом случае профессор Александров, который является также директором Института атомной энергии имени Курчатова, ушел в отставку с поста президента Академии наук СССР, и чернобыльская авария всеми рассматривается как основная причина этого.

Эта ситуация невольно заставляет вспомнить об отношении к вопросам безопасности в Соединенных Штатах Америки перед аварией на атомной электростанции: никакой, мол, аварии произойти не может (несмотря на расчеты и регулярные заявления специалистов по безопасности).

Наиболее обсуждаемой на Западе ошибкой проектирования является отсутствие герметизации реактора. В то время как в случае крупного повреждения паропровода жесткие конструкции предотвратят разрушение других частей оборудования атомной электростанции, критическое место — сама радиоактивная зона — защищено слабо. В случае прорыва одной из труб с теплоносителем пар направляется вниз в заградительный резервуар. Защита от одновременного прорыва нескольких труб в плановом порядке не предусмотрена. У каждого из конструкторов, с которыми я встречался, я спрашивал, могут ли советские реакторы противостоять разрыву двух или трех трубопроводов. И неизменно слышал в ответ, что электростанции проектируются с таким расчетом, чтобы справиться с повреждением только одной трубы. Это странное смещение приоритетов произошло, вероятно, по той причине, что они использовали американскую технику (заградительные резервуары) там, где это было легко; использование герметизирующей оболочки или резервуара высокого давления реальных масштабов на случай одновременного повреждений нескольких трубопроводов могло бы удвоить стоимость.

Ошибки управления

Проблемы, связанные с неустойчивой работой реакторов типа РБМК, настолько остры, что большинство западных конструкторов не поверили в их существование, внимательно изучив сообщения русских перед апрелем 1986 года. Однако русские конструкторы знали об этих проблемах.

Они разработали свод правил для операторов, которым те должны были неукоснительно следовать. Тем не менее, они забыли, что правила, суть которых не понята, зачастую и не выполняются, и, по-видимому, не предприняли никаких шагов для того, чтобы как следует обучить операторов атомной электростанции. В ночь на 25 апреля были преднамеренно отключены шесть важных устройств, обеспечивающих безопасность. Мощность реактора была преднамеренно и ошибочно снижена до уровня ниже 20 процентов. Случившегося не произошло бы, если бы операторы понимали элементарную физику реакторов.

Министр Луконин сказал мне, что в настоящее время новыми правилами предусмотрено присутствие вышестоящего лица в критические моменты запуска и прекращения работы реактора; его «основная обязанность состоит в том, чтобы следить за соблюдением этих правил». Однако далее он сказал, что «это само по себе не предотвратило бы аварии в Чернобыле, поскольку в нарушении правил был виноват как раз заместитель главного инженера». Сегодня правила, действующие в отношении советских реакторов, могут быть изменены только в письменном виде с регистрацией даты и подписями вместо устного приказа, как это было сделано 25 апреля. Операторов обязывают соблюдать правила и не подчиняться приказам об отклонении от них. Атомные электростанции переданы в настоящее время отдельному Министерству атомной энергетики, которое не связано с Министерством энергетики; начал свою работу также новый Центр внедрения научно-исследовательских разработок в практику под руководством академика Абагяна.

Международное сотрудничество

В современный технологический век авариям способствует много причин. Реактору типа РБМК в Чернобыле присущи некоторые особенности, которые поставили его ниже уровня западных конструкций; имели место управленческие ошибки и ошибки операторов. Мы, конечно, в будущем хотим избежать всех этих проблем и сделать минимальным их взаимопроникновение.

Советский Союз также хочет сотрудничать с Западом по вопросам безопасного проектирования. Имеет смысл отметить, что академик Андрей Сахаров на форуме «За безъядерный мир», который проводился в Москве с 14-го по 16 февраля¹

¹ 1987 года

обратился с призывом к тем на Западе, кто выступает против атомных электростанций. Он отметил, как он это делал и ранее, что мир нуждается в ядерной энергии, и призвал «антиядерщиков» приложить энергию к делу создания более безопасных реакторов вместо того, чтобы выступать против них.

Генеральный секретарь Михаил Горбачев призвал к более тесному международному сотрудничеству по обеспечению безопасности реакторов и предложил, чтобы это осуществлялось через посредство Международного агентства по атомной энергии. Однако вопрос безопасности требует открытости и сотрудничества как отдельных людей, так и организаций.

Ясно, что в интересах Советского Союза, чтобы реакторы Соединенных Штатов Америки работали безопасно, а в интересах Соединенных Штатов Америки, чтобы безопасно работали реакторы Советского Союза. Дружеское отношение, открытость и неизменная вежливость, которые я встретил во время моей поездки, позволяют мне предположить, что мы сможем вместе продвигаться к этой цели. Если же это окажется нам не под силу, то я не вижу, каким образом нам удастся вместе работать над данными вопросами, в которых превалируют не интересы личной выгоды; тогда будущее человечества весьма печально.

Год спустя

С приближением первой годовщины аварии на ЧАЭС интерес к «зоне» возрос необычайно. По двум причинам: первая, главная — сам факт, что прошел год после катастрофы, потрясшей мир масштабами и последствиями, и мир хотел знать, чем это обернулось для людей, в первую очередь — их здоровья, для природы, экономики страны, сообщества землян и целом. Вторая причина носила более узкий характер — к концу весны ожидался большой паводок. Что он нес с собой?

Огромные загрязненные территории могли представлять потенциальную угрозу для бассейна третьей по величине реки Европы — Днепра в случае смыва радиоактивности в малые реки и речушки. Для предотвращения этого в соответствии с рекомендациями оперативного штаба Госкомгидромета СССР в Чернобыле на прилегающей к станции территории было построено 136 защитных дамб, укреплены берега водоемов, возведены фильтрационные гидросооружения. К середине весны, несмотря на заверения специалистов, чувство обеспокоенности возможными последствиями не покидало многих людей. (Забегая вперед скажем, что результат работ по защите водного бассейна от загрязнения превзошел даже самые радужные ожидания.)

Итак, к середине апреля Чернобыль вновь стал объектом пристального внимания общественности — в СССР и за рубежом. 22 апреля 1987 года в МИД УССР состоялась первая пресс-конференция специалистов ПО «Комбинат» с представителями западных средств массовой информации: телекомпанией АРД,

ФРГ; газетой «НРК Хандельсблад», Нидерланды; газетой «Эль Пайс», Испания; журналом «Штерн», ФРГ. На пресс-конференции иностранные корреспонденты узнали о деятельности ПО «Комбинат» в 30-километровой зоне, результатах дезактивации и состоянии дозиметрического контроля. А через день, 24 апреля 1987 года, МИД СССР был проведен телефонный мост Чернобыль — средства массовой информации западных стран. В нем приняли участие агентства Рейтер, Франс Пресс, ЮПИ, Ассошиэйтед Пресс, Юнайтед Пресс, Канадское радио, Норвежское радио и телевидение, Финское радио, Шведское радио, Испанское национальное радио, радио ФРГ и др. В организации уже первых подобных мероприятий принимал участие отдел информации и международных связей ПО «Комбинат».

Зарубежные публикации того периода точно отражали общую политическую и идеологическую направленность тех печатных органов, в которых они были опубликованы.

Интересна в этом плане статья корреспондента западногерманского журнала «Штерн» Марио Рене Дедерикса от 23 апреля 1987 г., тем более, что незадолго до ее появления он побывал в Киеве и встречался с представителями ПО «Комбинат». И хотя он не был в 30-километровой зоне, но тем не менее получил информацию из первых рук. (Важный момент, который здесь следует отметить, — именно в это время решался вопрос о возможности посещения «зоны» западными корреспондентами. Ранее такого прецедента не было. Приезд М. Дедерикса в Киев пришелся как раз на переломный период, в чем он смог убедиться, побывав в зоне Чернобыля и на ЧАЭС уже в июне, когда дорога на станцию уже была широко открыта для зарубежных корреспондентов.)

А сейчас статья в «Штерн».

«НЕТ НИЧЕГО, ЧТО БЫ ПОВРЕДИЛО НАРОДУ»¹

Советское правительство хочет устранить последствия аварии на реакторе. Однако возникают новые опасности. Корреспондент «Штерн» Марио Дедерикс сообщает из Киева.

Пожилая колхозница на Бессарабском рынке в Киеве приценивается к свекле и поучительно поднимает указательный палец. «Самая худшая смерть, — говорит она,

¹ Едва ли можно упрекать в чем-то автора, когда он берет в кавычки расхожее утверждение, часто звучавшее в 1986-1987 годах с телеэкрана, по радио, встречающееся на газетной полосе. Особый оптимизм демонстрировали представители Минздрава УССР, и это не ускользнуло от внимания корреспондентов. И тем не менее материал недвусмысленно тенденциозен. Почему? Снова, погоня за сенсацией?.. Впрочем, давайте прочтем статью.

— смерть от голода. Она намного хуже, чем эта радиация». Овощи доставлены сюда с частного участка, который находится в 70 километрах от Чернобыля. Они не прошли контроль на радиоактивное заражение. «Мы выращиваем, собираем урожай и едим все,— продолжает она,— и поэтому мы не будем голодать. Потом увидим, что будет».

Есть своя теория и в Министерстве здравоохранения Украинской ССР. Врач-радиолог Илья Лихтарев знает кое-что опаснее, чем заражение вследствие взрыва реактора на электростанции в Чернобыле. «Радиофобия,— говорит профессор,— хуже, чем последствия облучения. Такой страх перед облучением напрасно разжигала западная пресса, включая «Штерн», и даже советская пресса — сообщениями о риске раковых заболеваний и угрозе генетическому коду человека. Если бы наши женщины верили во все это, они бы вообще больше не рожали детей». Но они рожают, и в 1500 случаях (имеются в виду женщины, эвакуированные из 30-километровой зоны) официальное заключение однозначно: мать и ребенок здоровы.

Киев спустя год после аварии. Кафе на центральной улице Крещатик переполнены. Люди поглощают мороженое в теплых лучах весеннего солнца. На уличных лотках полно яблок и картошки. Дети играют в песочницах. Автобусы «Интурист» снова с западными туристами курсируют к Софийскому собору и Лавре.

В Доме кино проходит международный конгресс по физике плазмы. Чернобыль — только тема для разговоров во время перерывов. «Нет техники абсолютно надежной, — заявляет физик из Харькова своему коллеге из Дюссельдорфа. — Ваш Рейн мертв и без Чернобыля. Если на станции после аварии 1-й и 2-й реакторы снова производят энергию, в скором времени заработает 3-й блок, а строительство 5-го и 6-го, как это запланировано, будет закончено к 1989 году, то это доказывает лишь то, что город Чернобыль теперь безопасен». Украинский ученый заканчивает убежденно: «Наши руководители не допустили бы ничего, что повредило бы народу».

Итак, все нормально.

Все нормально?

Несмотря на это, Москва до сих пор не допустила на станцию ни одного западного корреспондента. Все заявки о посещении, включая заявку «Штерн», были отклонены, хотя местные руководители изъявляли готовность принять: «Приезжайте. Мы ничего от вас не скрываем». Министерство иностранных дел в Москве говорит только «нет» — «не раньше июня».

Все нормально?

Государство тратит миллиарды на «ликвидацию последствий аварии» (таков официальный термин). Для этого в октябре прошлого (1986) года было создано особое предприятие по ликвидации катастрофы, которое ответственно за все работы в зараженной зоне, включая эксплуатацию самой станции. Оно называется

скромно — «Комбинат». 6 тысяч гражданских лиц из всех областей СССР и 5 тысяч солдат проводят под его руководством дезактивацию зараженных грунтов, вод и зданий. Однако сколько территории стало снова «чистой», остается тайной. И все же более 600 человек уже вернулись в деревни Черемушня и Невеское на границе зоны. «Раньше всех захотели вернуться на свою родину старики, — говорит представитель «Комбината» Александр Коваленко, — но резэвакуация населения не является нашей основной задачей».

Так же и город Чернобыль, где зараженная почва снята на глубину 20 сантиметров и захоронена в специально устроенных подземных могильниках, не может быть снова заселен. В настоящее время там живут только сотрудники «Комбината», за чью добровольную работу платится высокая надбавка за опасность. Они живут без семей. «Если мужчина получает дозу 5 рэм, — поясняет главный инженер станции Владимир Комаров, — для него это ничего не значит, но для ребенка это было бы слишком много».

На другом берегу Днепра строится совершенно новый «город энергетиков» Славутич. Через два года он должен принять от 20 до 30 тысяч жителей (треть эвакуированных из Киевской области), лучше и комфортабельнее, чем Чернобыль, с торговым центром, кафе, гостиницами, больницами, крытыми бассейнами, спортивными площадками, множеством скверов и личных садов, прямой железнодорожной линией, связывающей город и станцию...

На месте аварии физики с помощью компьютеров с «точностью до секунды» контролируют все процессы в «саркофаге». Так окрестили Советы страшилище из 300 тысяч кубических метров бетона и 6 тысяч тонн стали, под которым «замурованный» лежит разрушенный 4-й реакторный блок. Если температура внутри (в настоящее время 120 градусов) будет снова повышаться, ее охладит борная вода из огромных резервуаров на крыше. «Но ничего подобного не может произойти, — подчеркивает В. Комаров. — «Саркофаг» теперь под контролем».

Представители «Комбината», впрочем, признают, что есть еще проблемы. В эту зиму на Украине, а также в областях, где протекают Днепр и Припять, выпало очень много снега. При таянии могут быть наводнения. Хотя сооружено 136 защитных дамб вокруг водоемов, существует опасность, что зараженная вода из 30-километровой зоны попадет в реки — и вниз по Днепру в Киев. Никакого решения «ликвидаторы» до сих пор не нашли для другой проблемы громадных масштабов: ил в Киевском море, большом водохранилище длиной 60 километров севернее города, по словам В. Комарова, «загрязнен в тысячи раз выше нормы». «Мы еще не знаем, как будем убирать этот ил, — признает инженер, — но так как он находится в твердой фазе, то у нас есть время основательно подумать над этим». В любом случае это обойдется дорого. Однако деньги в Чернобыле не играют роли. «Все, что нам нужно, мы получаем, — заверяет представитель предприятия Коваленко, — и иногда даже больше».

Медицинское обслуживание зараженного населения стоит государству больше, чем обычно себе представляют. 145 тысяч женщин и детей были обследованы для определения доз облучения и еще продолжают оставаться под постоянным медицинским контролем. В Пуще-Водице на севере Киева, прямо по дороге в Чернобыль, начал работу новый Всесоюзный институт радиационной медицины с клиникой.

Все эти затраты оправдываются, хотя региональные учреждения установили только 228 больных (Москва насчитала 299), хотя лишь один из 10 тысяч жителей получил дозу больше 1 бэра, хотя даже болезни предстательной железы ставятся под сомнение. Радиолог Лихтарев говорит так: «Чтобы можно было сказать, что ничего не произошло, необходимы обширные исследования в течение долгого времени и большие капиталовложения».

Живым доказательством того, что человек может перенести также высокие дозы радиации, служит подполковник пожарной охраны Леонид Телятников, 35 лет, который в ночь аварии три часа находился в радиоактивном пожаре. «Я получил примерно 350 рэм, — сказал он корреспонденту «Штерна», — во рту все было белым, язык, десны — все. Я чувствовал большую слабость. В течение 24 часов тяжелобольные были доставлены самолетом в Москву. В больнице №6 я лежал сутками и был полностью безразличен к окружающему. На седьмой день у меня вылезли все волосы. Это было ужасно. О смерти моих товарищей мне не сказали. Я все время думал о том, что я выживу».

Свое выздоровление Телятников связывает с тем, что он получил «чистое гамма-облучение», быстро окреп, а его кровь восстанавливается особенно быстро. Его каштановые волосы снова отросли: «Многие женщины думают, что я ношу парик и дергают меня за волосы». У него еще не в порядке печень из-за большого количества медикаментов, но с января (1987 года. — *Авт.*) он снова работает в Киевском управлении пожарной охраны, удостоен звания Героя Советского Союза и живет со своей женой и двумя сыновьями в новой четырехкомнатной квартире на берегу Днепра.

Многие киевляне приуменьшают опасность радиации. При этом официальные рекомендации по предохранительным мерам остаются в силе, как и прежде. Маленькие дети не получают молока, кожуру с картофеля срезают на 5 миллиметров, яйца жарят, не варят со скорлупой¹, не собирают щавель или ромашку, питьевую воду фильтруют через активированный уголь (соответствующие приборы стоимостью 5 рублей имеются в каждом хозяйственном магазине). В книжных магазинах на видном месте выложены брошюры по гражданской

¹ Неизвестно, откуда М. Дедерикс почерпнул эти сведения, но они, что совершенно очевидно, не соответствуют действительности. В самое напряженное время — май 1986 года — молоко и многие другие продукты доставляли в Киев из других областей Украины.

обороне, в которых описано, как нужно дезактивировать почву, воду, продукты питания, транспортные средства, квартиры и одежду.

Большинство продуктов питания, которые продаются сегодня в Киеве, лишь незначительно выше заражены, чем такие же продукты в ФРГ. При пробных анализах на севере ФРГ изотопы цезия составляют до трети предельно допустимой дозы (600 баккерелей на килограмм) в яблоках, ягодах, калине и грецких орехах. О явном превышении нормы свидетельствует проба земли из Пущи-Водицы: цезий-137 излучал более чем 2000 беккерелей.

От пищевых продуктов, впрочем, год спустя появилась новая опасность. Ветеринар, который работает на киевской птицефабрике, говорит, что мясо проверяется все строже: «Старый корм для скота использован. Теперь куры получают зерно, которое было собрано после Чернобыля. Ветеринару бросилось в глаза, что чума среди птиц, которая поражала раньше только годовалых особей, уже косит шести- и восьминедельных цыплят.

«Это не беспокоит никого, — говорит он, — так как обычные показатели гибели не повысились. Только теперь погибают сначала слабые. И так может произойти и у людей. Нельзя диагностировать лучевую болезнь, но смертей от болезней сердца, рака, от отказа почек намного больше».

На вопрос, почему на Украине никто не протестует против неограниченного осуществления программ ядерной энергетики, врач напряженно улыбается: «Это типично западный подход. Протест, господи! Ленин сказал: «Кто не с нами, тот против нас». Кто выступает против атомной энергетики, тот отвергает существенную составную часть политики правительства. Так становятся врагами социалистического строя».

Можно понять М. Дедерикса, когда он дает такие резкие оценки: после настойчивых просьб о разрешении посетить зону он имел возможность лишь встретиться в Киеве с представителями ПО «Комбинат» и писать о случившемся на основе устной информации и интервью, взятых им на улицах города, на Бессарабском рынке.

Кстати, о рынке. По всей видимости, западные корреспонденты считают рынок наиболее демократичным местом советских городов. Впоследствии на рынках делали репортажи съемочные группы телекомпаний Си-би-эс, Си-эн-эн, итальянского государственного телевидения, большинство корреспондентов, приезжавших в город. Уже месяц спустя корреспонденту «Штерна» не нужно было бы ходить за информацией о положении в 30-километровой зоне Чернобыльской АЭС и состоянии эвакуированных на Бессарабский рынок: в мае — первых числах июня началось поистине паломничество зарубежных корреспондентов, представителей различных общественных организаций, дипломатических миссий, делегаций специалистов (кстати, М. Дедерикс побывал в «зоне» уже в июле 1987

года). Так что «информация из первых рук» о гибели цыплят на птицефабрике и о том, как «становятся врагами социалистического строя», — скорее проявление обиды автора на обстоятельства и старая, закоренелая болезнь самого Штерна» — крайний негативизм в освещении всего происходящего в СССР.

Публикация в «Штерне» была одной из последних, написанных, если можно так сказать, «заочно», то есть автор не посетил зоны и в работе руководствовался в основном эмоциями и случайными сведениями. Но тем не менее она пришлась на начало «управляемого освещения событий». Хотим сразу же пояснить, что мы вкладываем в это понятие.

Осознавая серьезность и важность адекватного освещения событий в зоне аварии, отдел информации и международных связей разработал серию маршрутов, которые могли бы дать гостям наиболее полное представление обо всем, что произошло в апреле 1986 года, о проводимых работах и о состоянии территории вокруг станции. Теперь зарубежные корреспонденты и специалисты могли посетить саму атомную станцию — щит управления одного из работающих блоков, по сути сердце реактора; машинный зал — подойти вплотную к работающему турбогенератору.

Рядом со станцией открывалась внушительная панорама работ по дезактивации — сотни и тысячи людей, используя мощную технику, снимали верхний слой земли, срезали и вывозили в специально оборудованные места мертвые деревья — печально известный «рыжий» лес. С расстояния всего в несколько сот метров можно было осмотреть и сфотографировать «саркофаг», ведение работ на крыше третьего энергоблока — одно из наиболее загрязненных радиоактивностью мест в 30-километровой зоне. При этом посетителям разрешали пользоваться дозиметрическими приборами, фото- и киноаппаратами без ограничений. Правда, не в любом месте можно было останавливаться и вести съемки: сотрудники ПО «Комбинат», сопровождавшие гостей, как-никак несли ответственность за их радиационную безопасность.

А обстановка в целом была далека от благоприятной. Поэтому важно было в точности соблюдать все установленные требования — это единственное обстоятельство, которое ограничивало возможности работы корреспондентов. Еще в апреле 1987 года телегруппа японской компании «Асахи тэрэби» вела съемку буквально у стены «саркофага» со стороны административно-бытового корпуса № 2. Специалисты, работающие (и работавшие) в зоне, и сейчас, узнав об этом, были бы немало удивлены: рядом находились третий и бывший четвертый блоки, работали сотни людей в масках, специальной защитной одежде. (Соответствующие меры безопасности были приняты и при организации работы теледокументалистов из Японии.) Некоторые из гостей имели при себе до шести дозиметрических приборов и пользовались ими открыто. Сейчас мы еще раз хотим подчеркнуть, что единственное ограничение на ведение работ зарубежных (и, разумеется, советских)

журналистов имело в своей основе соображения радиационной безопасности. Об этом, правда, еще не знал М. Дедерикс в то время, когда его статья увидела свет.

Очень важно, что при посещении станции можно было встретиться с директором, другими специалистами, а также с людьми, находившимися на станции непосредственно во время аварии, принимавшими участие в ее ликвидации. Практически 85 процентов персонала АЭС продолжали работу в 1987 году.

Именно поэтому мы говорим о периоде «управляемой информации», что ни в коей мере не означает «ограниченной». Теперь у приезжающих появилось множество вполне конкретных вопросов, которые позволяли детализировать события, писать об увиденном, услышанном из первых уст. Это было началом третьего периода в освещении обстановки в районе Чернобыля: когда иностранные корреспонденты, аккредитованные при МИД СССР, получили возможность посетить 30-километровую зону с 1 июня 1987 года. С мая по июль в районе Чернобыля побывали 73 корреспондента из 28 стран (всего с декабря 1986 по июль 1987 года — 119 иностранных граждан). Возрастало доверие гостей, их доброжелательность, стремление понять наши проблемы. Это было время «высокой активности и доверия». Следует отметить исключительно сдержанную и позитивную позицию американцев и французов, особенно специалистов, в оценке чернобыльской аварии. В некоторых статьях прямо говорится, что никаких ограничений в доступе к информации в зоне не было, а передвижение ограничено минимально. «В 300 метрах от бетонного «саркофага», возведенного над поврежденным реактором, радиоактивность не превышает 16 миллирад в час, что позволило французской делегации сфотографироваться при полном параде на фоне руин реактора», — писал, например, Ж.Ф. Ожеро в статье «Жизнь в Чернобыле контролируется»¹ Большинство материалов, опубликованных в это время за рубежом, написаны с объективных, непредвзятых позиций.

Показательна в этом плане статья корреспондента американской газеты «Лос-Анджелес таймс» У. Итона², поэтому приводим ее полностью.

¹ Монд. – 1987 г.

² Лос-Анджелес Таймс. – 1987 г. – 31 июля

РЯДОМ С ЧЕРНОБЫЛЕМ

Припять — первый город-призрак атомного века Припять, Советский Союз.

Этот покинутый город, в котором ранее насчитывалось 50 тысяч жителей, — первый ядерный город-призрак, молчаливый памятник катастрофе на близлежащей Чернобыльской атомной электростанции.

Прошло более года после самой серьезной в мире аварии — на четвертом блоке Чернобыльской атомной станции; пустые высотные жилые дома, безлюдные улицы — немое свидетельство опасной радиации.

Одежда все еще висит на бельевых веревках, и детские куклы выглядывают из окон детских садов, свидетельствуя о поспешности, с которой последовали приказы эвакуировать жителей Припяти после взрыва и пожара в Чернобыле.

Поблизости вечнозеленые деревья потеряли свои иголки под смертельным действием радиации и стоят как коричневые, похожие на скелеты напоминая о трагедии.

Постепенно ржавеющие машины

Сотни автомобилей и мотоциклов, загрязненных выпавшими радиоактивными осадками, были оставлены их хозяевами; они стоят, припаркованные на обнесенных забором автомобильных площадках, и медленно ржавеют.

Сейчас необходимо специальное разрешение, чтобы пройти через полицейские кордоны, которые закрывают доступ в Припять как автомобилистам, так и пешеходам.

Припять, где проживали рабочие Чернобыльской станции, все еще слишком «горячий», слишком радиоактивный город, чтобы люди могли в нем жить.

Верхний слой почвы снят бульдозерами, вместо этого был насыпан песок, привезенный издалека. Улицы непрерывно поливаются водой — чтобы осадить радиоактивную пыль. Рабочие в коричневых костюмах и белых масках время от времени появляются на улицах — они делают свое важное дело.

Хотя два реактора атомной станции — в трех милях отсюда — вновь заработали при полном обслуживающем персонале в октябре прошлого года, все же маловероятно, что Припять вновь вернется к жизни в близком будущем.

Рабочих станции сейчас перевозят автобусом, что занимает более часа в каждую сторону, чтобы они могли избежать превышающего нормальный уровень радиации в этой местности. Они работают 15 дней, затем у них 15 дней отдыха за пределами так называемой опасной зоны, простирающейся внутри 30-километрового радиуса от поврежденного реактора.

«Пока невозможно очистить это место (Припять) до такой степени, чтобы люди могли здесь жить», — говорит Александр Коваленко, представитель черновыльсого «Комбината» — советской организации, созданной для ликвидации последствий катастрофы.

«Мы продвигаемся от дома к дому, однако и город с каждым разом становится чище, — говорит Коваленко иностранным корреспондентам, посещающим Припять и Чернобыль. — Мы собираемся использовать этот город в будущем». Но он не мог сказать, когда.

До сих пор существуют разногласия по поводу того, как проводилась эвакуация после взрыва в 1 час 23 минуты 26 апреля 1986 года. В первый день после взрыва, который привел к смерти 31 человека и в результате которого образовалось огромное радиоактивное облако в атмосфере, власти никого не эвакуировали. Только несколько человек, поддавшись панике, сознавая опасность, бежали на личных автомобилях.

Коваленко сказал, что в этот первый день не было угрозы жителям Припяти, поскольку радиация не поднялась до опасных уровней. Западные корреспонденты заявили, что, по их мнению, в это трудно поверить.

В любом случае, эвакуация началась на следующий день, 27 апреля и была закончена через три часа. Целый флот из 1200 автобусов прибыл и увез людей к их временным жилищам вблизи Киева, в 60 милях к югу. Эвакуированным разрешили взять лишь некоторые личные вещи, а их собаки, коты, комнатные птицы были оставлены по распоряжению правительства.

Западные обозреватели утверждают, что в день аварии состоялся футбольный матч и игроки и зрители оказались под опасными осадками. Советские официальные лица тем не менее заявили, что медицинская проверка 250 тысяч человек из Припяти и близлежащих территорий не обнаружила ни одного случая лучевой болезни, что указывает на то, что эвакуация закончилась вовремя.

Новая советская пьеса о чернобыльской катастрофе¹ однако, подвергает критике задержку в проведении эвакуации Припяти.

Один из героев пьесы, разговаривая с прокурором, с удивлением узнает, что эвакуация проводилась не ранее чем через 36 часов после взрыва и пожара. «Почему же не было немедленного сообщения по радио? — поинтересовался он. — Потребовался бы лишь час, чтобы все ушли из города пешком». «Они ожидали приезда Правительственной комиссии, — отвечают ему в пьесе. — Никто (в Припяти) не взял ответственность на себя».

Официальный документ, изданный Министерством иностранных дел, тем не менее игнорирует противоречия. В нем лишь сообщается, что 92 тысячи человек

¹ Имеется в виду пьеса В. Губарева «Саркофаг».

были эвакуированы из 70 населенных пунктов Украины, плюс, по оценкам, 43 тысячи из районов соседней Белоруссии.

С беспрецедентной быстротой более 8700 домов были построены и 8 тысяч квартир выделены для эвакуированных, сообщается в документе, и тут же добавлено: «Чернобыль стал символом победы советского человека над несчастьем».

Тем временем жители принявшей переселенцев деревни вблизи Киева сказали посетившим их корреспондентам, что они хотят вернуться к себе домой, а это всего в миле от Чернобыля.

Недавно двадцать человек приехало в деревню Залесье, чтобы принять участие в похоронах человека, который хотел, чтобы его похоронили в теперь уже покинутой деревне.

«О боже, я хочу уехать домой. Там так красиво!» — говорила пожилая женщина в построенной заново деревне Вижавке.

Владимир И. Чековский, 29 лет, сказал, что он, его жена и двое детей получили новый дом и компенсацию в 10 тысяч рублей (около 16 тысяч долларов) в возмещение стоимости пожитков и бывшего дома.

«Все хотят вернуться, — сказал он. — Эти деньги уже почти все разошлись, потому что нужно было купить мебель, одежду, телевизор, словом, все».

Советские официальные лица утверждают, что жители двух деревень уже возвратились и 22 другие деревни уже готовы принять своих жителей.

Эхо пустоты

В конце апреля 1987 года, ровно год спустя после аварии, в Киев прибыла съемочная группа телекомпании Си-эн-эн, США, и корреспонденты двух газет — «Пиплз дейли уорлд», органа Компартии США, и «Канадиен трибюн», газеты Компартии Канады. Несмотря на то, что, казалось бы, совершенно разными были интересы наших гостей, в целом и съемочная группа, и корреспонденты газет — американец Карл Блойс и канадец Фред Вир, работали продуктивно, напряженно, с пользой для себя и своих зрителей и читателей.

Поскольку писать о том, что снимали корреспонденты Си-эн-эн, — дело неблагодарное, это надо видеть, остановимся лишь на одном коротком репортаже, поскольку он дает наглядное представление о том, какое впечатление производит город Припять просто на человека с нормальной психикой, с одной стороны, и на профессионала-репортера, обеспокоенного судьбой своего народа и судьбами других людей, человечества в целом, — с другой.

В этих двух качествах выступал один человек — Стюарт Лури. Его хорошо знают в Соединенных Штатах Америки как ведущего программ новостей в передачах «Си-эн-эн ньюс», телекомментатора. Советские зрители познакомились с С. Лури в ходе

телемостов СССР — США, где он был ведущим с американской стороны. После пресс-конференции в МИД УССР, получив ответы на интересующие его вопросы, С. Лури прибыл в Чернобыль, отснял материал на ЧАЭС и в Припяти, покинутой жителями, сделал свой короткий, но памятный репортаж.

Выглядело это так.

В самом центре города, рядом со стадионом, открытие которого было намечено на 1 мая 1986 года, но так никогда и не состоялось, он велел оператору и звукооператору установить телекамеру с микрофоном в таком месте, где высотный жилой дом образовывал угол, и эхо пустого города было особенно громким и отчетливым. Встав перед камерой, он громко крикнул: «Хелло!» Эхо повторило все звуки четко и ясно. «Это эхо пустоты, — сказал в объектив Лури. — До аварии этот город был домом для пятидесяти тысяч жителей. Теперь, если кто-то хочет увидеть действие нейтронной бомбы, — приезжайте в Припять».

Вокруг за закрытыми окнами виднелись шторы, где-то куклы, в одном окне особенно пронзительным был вид модели парусника, подвешенного над усохшими в вазонах цветами. На балконах сохло белье. Второй год! То там, то здесь виднелись прикрепленные к стенам у балконных дверей велосипеды, санки. Трепетали выцветшие флаги, вывешенные по случаю предстоящего Первомая год назад. И ни одного человека, кроме нашей небольшой группы...

Прав Лури. Его репортаж произвел поразительное действие. Это было как удар током. Не знаем, к сожалению, какое впечатление он произвел на американцев.

Карл Блойс и Фред Вир впоследствии поместили в своих газетах репортажи, которые мы приводим с незначительными сокращениями. Интересно, что Ф. Вир — принципиальный противник ядерной энергетики. Он считает, что в условиях Канады можно питать города электроэнергией, используя массу маленьких гидро- и ветровых электростанций, и эта точка зрения совпадает с позицией Компартии Канады, членом ЦК которой он является.

«Компартия Канады выступает за политику прекращения развития атомной энергетики. Мы предлагаем сконцентрировать внимание на гидроэлектростанциях. У нас есть большой неиспользованный потенциал для развития гидроэлектростанций, и мы за более интенсивное развитие малых источников энергии: ветровой, геотермальной и т. д. В целом это может привести к удовлетворению огромной потребности в электроэнергии. Но мы пока тоже спорим об этом», — говорит Фред Вир об отношении канадских коммунистов к атомной энергетике.

Такая позиция, кстати, свойственна многим представителям компартий, прогрессивных общественных движений на Западе. Пока эти силы не обладают реальной государственной властью, они согласны с большинством населения, часто высказывающимся против ядерной энергии. Только бремя ответственности, которое возлагает на политическую силу государственная власть, заставляет

относиться к проблеме по-иному. И так, какой предстала 30-километровая зона Чернобыля перед нашими гостями из США и Канады.

ФРЕД ВИР

ЧЕРНОБЫЛЬ ГОД СПУСТЯ

Чернобыль. Ни один человек сейчас не ошибается, узнает его сразу. Его образ запечатлелся в нашем сознании: продолговатый, приземистый промышленный силуэт вздымается над нежным, покрытым лесами украинским ландшафтом, его очертания отмечены характерными вытяжными трубами и градирнями атомной электростанции.

С той трагической, ужасной ночи как раз год назад, когда взрыв водорода разорвал на части здание реактора номер четыре и смертельный радиоактивный дым устремился в атмосферу, эта станция стала предметом беспокойных ночных кошмаров и беспристрастных споров об использовании и опасностях ядерной энергетики.

Сегодня последствия этого бедствия поставлены под контроль и интенсивно ликвидируются в соответствии с самой замечательной и эффективной аварийной программой в истории.

Успех этих усилий символизирует судьба самого разрушенного реактора номер четыре: громадный черный «саркофаг» из бетона и стали укрыл его и отрезал от внешнего мира. Построенное надолго, это гигантское сооружение будет вздыматься над горизонтом Чернобыля и в очень отдаленном будущем.

Радиоактивные выбросы из поврежденного реактора сейчас равны нулю, говорит новый директор станции Михаил Уманец. В насыщенном, детальном интервью он рассказывает о мириаде следящих каналов и устройств, установленных внутри «саркофага» — круглосуточное наблюдение, признает он, будет осуществляться «неопределенное время».

«Все показатели хорошие, — говорит он. — Средняя температура внутри постоянно снижается и сейчас составляет около 97° С. На основе этих тенденций мы можем с полной уверенностью исключить какую бы то ни было возможность местного перегрева внутри мертвого реактора».

Первые два из первоначальных четырех блоков Чернобыльской станции пущены вновь и, хотя блок номер два в настоящее время остановлен на плановое обслуживание, блок номер один работает на полную мощность. Поверх гудящих машин в громадном турбинном зале станции транспарант: «Товарищи рабочие! Один день задержки в пуске турбины обходится стране в 12 миллионов киловатт-часов электроэнергии».

Уманец говорит, что он надеется, что третий блок Чернобыльской станции, не работающий со времени аварии, вскорости будет включен в сеть.

В то же время перспектива запланированного строительства пятого и шестого блоков не столь благоприятна. Хотя их строительство завершено более чем на пятьдесят процентов, оно затруднено растущей стоимостью вследствие трудностей работы в загрязненной окружающей среде.

Башенные краны и землеройная техника, работавшая на этом объекте, сегодня стоят покинутые. После бурных дискуссий специалистов в области ядерной энергетики, в ходе которых были высказаны серьезные сомнения относительно целесообразности строительства этих блоков, советское руководство приняло решение прекратить строительство по крайней мере на период следующей пятилетки.

30-километровая зона вокруг Чернобыля окружена кордонами и координируется единым руководством, известным здесь просто как «Комбинат». «Комбинат» руководит всем внутри зоны, осуществляет экономическую деятельность, ведет очистку оставшихся пятен радиоактивного загрязнения, организует переселение эвакуированных хозяйств и деревень в места, которые считаются безопасными.

Для большинства эвакуированных возвращение будет невозможным в течение длительного времени, если будет возможным вообще. 50 тысяч жителей Припяти — города, который расположен очень близко к Чернобылю, — могут больше никогда не увидеть своих домов. Припять была спешно покинута 27 апреля 1986 года, и сейчас — это таинственный город-призрак, голливудская фантазия, возникшая в реальной жизни: «чертово колесо», стоящее на площадке припятского Дворца культуры, выглядит так, будто сейчас готово принять посетителей; стирание белье, вывешенное для просушки год назад на балконе одной из квартир, до сих пор полощется на ветру; детская коляска ржавеет, брошенная на игровой площадке, и где-то, хотите верьте, хотите нет, все еще раздается музыка по кабельному радио.

Много взрослых жителей Припяти работали на Чернобыльской станции еще до аварии и, что удивительно, большинство продолжают работать. Около 95 процентов рабочей силы, занятой на станции, это люди, которые работают здесь больше года. Сегодня, однако, они живут за пределами 30-километровой зоны в новых поселках, таких, как Зеленый Мыс, поселок на 6 тысяч человек, построенный очень быстро — между маем и августом 1986 года.

Александр Коваленко — 32-летний директор «Комбината» по общественным связям, чья незавидная задача сопровождать журналистов в радиоактивной зоне. Он носит с собой маленький счетчик Гейгера, который привлекает к себе пристальное внимание каждого, когда начинает подавать сигнал.

Счетчик Гейгера постоянно звучал в том месте, куда в тот вечер дул ветер со стороны четвертого реактора. Радиоактивные осколки буквально упали дождем на небольшой лесок, который был здесь, в одном километре от станции. Сейчас деревья уничтожены и вся территория покрыта слоями песка.

«Это было наиболее пораженное место, — говорит Коваленко. — Тот факт, что мы можем здесь стоять, подвергаясь лишь незначительным уровням радиации, показывает, насколько тщательно контролируется ситуация».

И все же зрелище печальное. Группы, занимающиеся очисткой территории, работают во всей 30-километровой зоне — снимают верхние слои зараженной земли, которую затем хоронят навсегда в ямах со специально покрытым дном, известных как «могильники». В некоторых местах на поверхности земли распыляется пластический материал для удержания радиоактивной пыли. Дороги с интенсивным движением должны регулярно мыться специально оборудованными автомобилями-цистернами. Транспортные средства, используемые внутри зоны, никогда не покидают ее.

Большая работа по очистке зоны ведется военными строительными подразделениями, и Коваленко постоянно воюет с ними по поводу того, куда репортеры могут направлять свои камеры. Он, смеясь, соглашается с тем, что «перетягивание каната» между отдельными заботами, связанными с безопасностью, и общественными отношениями — это «одно из неантагонистических противоречий при социализме». Коваленко присуща дружески шутливая, располагающая манера поведения, и он всегда добивается своего: репортеры делают свои снимки.

Из 135 тысяч человек, эвакуированных из 30-километровой зоны в прошлый май, большинство были колхозники и жители деревень. Некоторые из них вернулись. Руководство «Комбината» во все большей степени обеспокоено тем, что многие стремятся вернуться в зону без разрешения. Большинство все же были переселены в другие места.

Деревня Фасова в ста километрах от Чернобыля — один из поселков беженцев, быстро выстроенных вслед за катастрофой. Здесь было возведено 155 новых коттеджей в течение всего лишь двух месяцев для расселения эвакуированных из теперь уже мертвой деревни Чапеевки¹.

«Этот дом намного лучше того, который был у нас в Чапеевке, — говорит Павел Павленко, невысокого роста, седой пожилой мужчина, который приехал сюда вместе с женой и сыновьями 7 мая 1986 года. — Но я стремлюсь к себе домой. Мы вернемся, если сможем».

Не будет ли ему страшно жить всего в 15 километрах от станции снова?

«Мне не страшно, — говорит он. — Мы жили там долго, и ничего не случилось. Это была авария, но сейчас мы чувствуем себя спокойно. Все хорошо, и я хочу ехать домой».

Официальные лица, однако, признают: маловероятно, чтобы это случилось в ближайшем будущем. Фасова, как и 15 других деревень для эвакуированных,

¹ Так в тексте

построенных в Киевской области, выглядит вполне постоянным населенным пунктом.

Год спустя после трагедии все те, кто покинул насиженные места, получили дома и работу. В соответствии с медицинской программой, беспрецедентной по масштабам, все они находятся под пристальным наблюдением, и это будет продолжаться в последующие годы. Размах, с которым советское общество оказалось способным мобилизовать ресурсы и скоординировать усилия, изумил многих за его пределами.

В отличие от Ф. Вира американец Карл Блойс, который также является членом ЦК компартии своей страны, не высказывает резко отрицательного отношения к развитию ядерной энергетики. Это и неудивительно: США эксплуатируют в настоящее время наибольшее количество ядерных реакторов — более ста. И это, несомненно, сняло с повестки дня многие экономические и даже политические вопросы, поскольку позволило резко сократить импорт нефти после мощных энергетических кризисов 70-х годов.

КАРЛ БЛОЙС

А В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ — ЦВЕТЫ

Одна из наиболее поразительных черт Украины — синий цвет. Не просто синий цвет, но что-то такое, что называют «блакитный», или небесной синевы — светлый оттенок, тот, что составляет половину флага республики. Кажется, что здесь получают особое удовольствие от того, что сочетают его с темно-зеленым. Когда трава зеленая, как сейчас, у горизонта она именно так сочетается с голубым небом. Эти два цвета можно увидеть повсюду — как на маленьких аккуратных домиках, так и на выбеленных заборах по дороге в Припять.

Припять — на высоком уровне спланированный, полностью новый город. На пастельного цвета многоквартирных домах видны только отдельные голубые и зеленые плитки, но многие балконы были перекрашены в эти два оттенка самими жителями.

Сейчас это мало что значит. 27 апреля 1986 года все население было эвакуировано в течение двух часов...

В первую годовщину чернобыльской катастрофы почки набухают на деревьях на пустынных улицах. Печальные мертвые растения в окнах и молчаливые велосипеды на балконах, где — то там, то здесь — свисают выцветшие флаги красного цвета. Пожалуй, единственные люди вокруг — это те, кто водит автомобили-цистерны, которые движутся непрерывно, и группа светлоглазых, добродушных агрономов в большой теплице. Они проводят несколько странные, трудноописуемые эксперименты — выращивают крупную клубнику и азалии в условиях остаточной атмосферной радиации.

Припять находится на важном перекрестке научного и технического прогресса. То, что происходит здесь,— одновременно и урок, и несчастье. Это красноречиво говорит об умении, героизме, о мужчинах и женщинах, которым брошен вызов на новых рубежах — вызов, с которым они никогда прежде не сталкивались.

Люди здесь получили серьезный урок, возрастает их ответственность. В Припяти и Зеленом Мысе — временном городе переселенцев (ни в коем случае не лагере), и здесь, в Чернобыле, где погибли 29 человек, люди не высказывают ни малейшего намека на цинизм, когда речь идет о несчастье, постигшем их в прошлом году. Они с горечью вспоминают полные фальши репортажи западных средств массовой информации после аварии и пропагандистскую кампанию Вашингтона.

В любом месте все говорят о тех задачах, которые осталось решить. Во-первых, это работа по ликвидации последствий аварии — главным образом дезактивация территории вокруг Чернобыля, простирающейся в некоторых местах на 20 миль. Существует также вопрос переселения. Совершенно новый город строится в 40 милях — Славутич; он предназначен для тех, кто сейчас живет в Зеленом Мысе. Большинство — это рабочие атомной станции. Много предстоит еще сделать, чтобы вернуть Чернобыль в оптимальное рабочее состояние...

Помимо этого существует вопрос урока.

В Зеленом Мысе Виктор Лукьяненко, первый секретарь Припятского горкома партии, пояснил, что, с одной стороны, «члены партии были в первых рядах тех добровольцев, которые выполняли наиболее трудную работу» сразу же вслед за пожаром на реакторе, с другой — партия сейчас на пути тщательного самокритичного пересмотра своей работы.

Тридцатидевятилетний Лукьяненко, рабочий-строитель по профессии и сын рабочего-строителя, говорит, что для него нет вопроса о необходимости ядерной энергетики. Однако «горькие уроки заставили нас посмотреть на эти проблемы по-другому».

Здесь, в самом Чернобыле, красные, зеленые и желтые огни светятся и вспыхивают на щите управления работающего блока. Молодые люди в серой униформе, коричневатых тапочках и совершенно белых бахилах наблюдают за ними и переключают ручки и рычаги. В главном машинном зале, протянувшемся на 400 ярдов, гудят турбины; на металлическом полу там и здесь расставлены домашние растения в кадках, обернутых белым.

Директор станции Михаил Уманец говорит о мерах, которые были приняты, или которые намечено предпринять на этой и всех других станциях в стране для повышения безопасности. Едва ли это язык непрофессионала: «Больше графитовых поглотителей... снижение положительной реактивности». Он несколько недоволен, что корреспонденты не задают ему больше вопросов об этом. Но из его слов вполне ясно, что именно случилось в Чернобыле.

«Нельзя шутить с ядерной энергией, — говорит Уманец. — Просто мы не имеем права делать ошибки».

«Многое из того, что мы делали сразу после аварии, было необходимым,— говорит Коваленко. — Кое- что надо было делать иначе. Но в целом направление верное. И то, чему мы научились, мы готовы передать другим странам, если такая необходимость возникает, помочь людьми или предоставить информацию».

В Припять можно попасть из Чернобыля по новым дорогам, пролегающим по широким просторам, некогда покрывавшимся лесом. Сейчас они напоминают пустыню. Верхний слой почвы снят, и громадные бульдозеры засыпают землю песком. «В следующем году здесь будут расти цветы», — говорит Коваленко.

Никто не может сказать с определенностью, когда (и будет ли вообще) кто-либо жить в Припяти снова.

Едва ли этот материал нуждается в каких-либо комментариях. Три года спустя мы можем сказать, что цветы действительно появились во многих местах 30-километровой зоны.

«Я здесь ни при чем»

Конечно, если бы мы предположили хоть на минуту, что все публикации о чернобыльских делах в этот период были объективными и адекватно отражали сложившуюся ситуацию, мы были бы весьма далеки от истины. И здесь, как и во всем, случаются крайности, бывают случаи умеренно негативного освещения, когда факты все же играют решающую роль, бывает откровенная предвзятость, когда факты отходят на второй план.

То, о чем мы хотим сейчас рассказать, относится к не столь уж частым случаям намеренного искажения информации. Ведь и сейчас не все, написанное о нас на Западе, — правда.

В этой книге уже шла речь о том, что в первые дни после аварии в условиях недостатка информации с места событий появились и обрели было жизнь невероятные слухи о тысячах погибших. Одним (или единственным?) их источником было известное сообщение американского информационного агентства ЮПИ. По случайному (случайному?) совпадению, история, о которой идет речь, приключилась с корреспондентом этого агентства Джеральдом Надлером 16 июня 1987 года. В составе группы журналистов (по линии МИД СССР) он посетил 30-километровую зону. В результате на свет появилась статья с несколько мрачным названием: «Чернобыль сегодня: Укрытый надгробием реактор в окружении городов-призраков». Вот в сокращении (опущено только несущественное для нашего рассказа) ее текст.

Чернобыльский атомный реактор номер четыре, который взорвался 14 месяцев тому назад и стал синонимом ядерной катастрофы, сегодня похоронен в громадном стальном склепе, как мертвый корабль в широком море песка.

Земля, простирающаяся на север от упрятанного в корпус реактора, превращена в мини-лунный ландшафт с, по крайней мере, 800¹ квадратными метрами снятого радиоактивного слоя земли, вывезенного в специальные места захоронения, и насыпанным вместо него песком.

Мертвые и умирающие ели обрамляют дороги, которые по линии горизонта тянутся к двум городам-призракам. Деревня Чернобыль была покинута ее 16 тысячами жителей, а Припять на севере лишилась того, что напоминало о 50 тысячах жителей, когда-то здесь обитавших.

У входа на электростанцию героическая русская народная музыка гремит из громкоговорителей, а технические работники и солдаты заняты выполнением ремонтных и восстановительных работ — они в белых масках, которые предохраняют их от заражения.

Спустя 14 месяцев после взрыва укрытый в корпусе реактор все еще остывает и сеет свой яд внутри стального гроба. Официальный представитель сказал, что температура реактора — 197° по Фаренгейту (91° C). Показания счетчика Гейгера при замерах, сделанных официальным лицом в 360 метрах от упрятанного под сталью реактора, были до 4,6 миллирентгена — в 460 раз больше нормального показателя для Москвы. В Мексике, где также есть радиационный фон, норма составляет 0,05 миллирентгена.

Атомная электростанция имени Ленина в Чернобыле, которая, как когда-то намечалось, должна стать одной из самых больших атомных электростанций, сейчас искалечена. Лишь два из планировавшихся шести реакторов работают. Четвертый реактор останется укрытый, словно саваном, шестидесятиметровой высоты «саркофагом» — «на века», говорилось в «Правде».

Советские мечты о Чернобыле умерли, вероятно, сразу же после 01 часа 23 минут 40 секунд 26 апреля 1986 года, когда взорвался четвертый реактор. В аварии погиб 31 человек, 237 были госпитализированы с лучевой болезнью, вынужденно эвакуированы 135 тысяч человек, 30-километровая зона осталась пустой, и облако радиоактивных частиц пронеслось над Европой.

В результате взрыва произошло заражение третьего реактора и было отложено строительство пятого и шестого, которые сейчас стоят, как пустые силосные башни, посреди двора со строительными кранами,

Серьезное выпадение осадков имело место и в политическом смысле. Двадцать семь официальных лиц были исключены из Коммунистической партии, а сорок человек получили взыскания.

¹ Реальная цифра в сотни раз больше.

В июле Виктор Брухин¹, бывший директор станции, и два других официальных лица предстанут перед судом в том месте, где начинался их тяжкий труд.

«Это логично», — сказал Александр Коваленко, директор службы информации специально созданной правительством организации по очистке.

Место преступления

Геннадий Ярославцев, 47-летний главный инженер Чернобыльской станции, рассказал о будущем станции, когда он встретился с группой западных репортеров, препровожденных в Чернобыль на прошлой неделе. Третий блок «примерно на 80 процентов дезактивирован, — сказал Ярославцев, — и, вероятно, будет введен в действие в этом году. Два реактора Чернобыльской станции уже выполнили половину годового задания, производя 5,6 миллиарда киловатт-часов электроэнергии из 13,6 миллиарда, запланированных на 1987 год».

В лабораторном белом халате до колен, Ярославцев подчеркнул, что Советский Союз планирует свою зависимость от ядерной энергии и в будущем.

«Атомные станции менее опасны для экологии, чем гидротермические станции, — сказал он. — В Советском Союзе концентрация атомных реакторов меньше, чем во Франции. И здесь нет такого страха перед атомной энергетикой, как в Японии и некоторых других странах».

Взрыв в Чернобыле, вызванный испытаниями, в ходе которых переключатели систем безопасности были выключены, не только искалечил станцию, он разрушил всю инфраструктуру, обслуживающую станцию. Главным событием стала эвакуация Припяти, принадлежащего станции города, построенного в 1970 году в 5 километрах к северу от станции.

Белье все еще висит на многих балконах, где оно было оставлено в спешке, когда жители покидали город.

Полтора дня прошло после взрыва на Чернобыльской станции, прежде чем власти эвакуировали Припять. Между тем дети играли в футбол, свадьба продолжалась, как было намечено. А в воскресенье в час дня подъехали автобусы — тысяча автобусов, и весь город опустел в течение шести² часов. Дома в Припяти были поставлены на сигнализацию, чтобы предотвратить грабеж. Каждая выехавшая семья получила десять тысяч рублей — 15 тысяч долларов, сказал Коваленко.

¹ Так в тексте. Имеется в виду В.Брюханов

² В действительности двух с половиной

Было ли это своевременным? Трудно сказать, особенно принимая во внимание тот факт, что когда радиационный фон начал действительно подниматься на этой территории, население уже было эвакуировано.

Теплицы, где во время катастрофы были открыты окна, превращены в экспериментальные теплицы: день спустя, замеряется рост гигантских огурцов, помидоров и роз в зараженном окружении.

Двести датчиков, помещенных в землю на 30 км вокруг или торчащие из окон, передают данные о радиации в центр в Припяти каждые 30 секунд. Цифра для Припяти в прошлую среду доходила до одного миллирентгена после того, как она колебалась от 0,5 до 0,7, — это четвертое из значений, полученных снаружи упрятого в корпус черновыльского реактора, находящегося в пяти километрах.

Сегодня поливальные машины движутся вокруг пустых кварталов Припяти, моют безлюдные улицы. Желтые бульдозеры еще сгребают землю, которую предстоит убрать. Городские пожарные машины и кареты «скорой помощи» были захоронены после эвакуации.

Специальная правительственная организация — «Комбинат» была создана в конце 1986 года, чтобы обеспечить транспортом перемещенных в другое место припятских рабочих, очистить территорию от радиации. Широкие полномочия «Комбината» включают использование армейских резервистов.

Численность невоенных рабочих в Чернобыле стабилизировалась при количестве семь тысяч. Некоторые специалисты работают здесь один месяц, получая двойную и даже тройную зарплату, если они работают на участках с высокой радиацией. Когда их нательные дозиметры показывают два бэра¹, их отстраняют от работы.

Около 20 процентов территории вокруг Чернобыля все еще является «горячими полями», или зонами с высокой активностью, — 200, 300 и даже 500 рентген, сказал Коваленко.

Из 179 деревень, добавил он, в 16 жители уже вернулись и еще в 50 опасности радиации не существует, и они могут быть заселены.

В стране, никогда не желавшей сообщать о происходивших в ней авиакатастрофах, даже политика гласности, или открытости, начало которой положил советский лидер Михаил Горбачев, несколько с опозданием коснулась катастрофы на черновыльском реакторе. Три дня прошло до первого официального признания аварии.

Но начиная с первой годовщины, «Комбинат» и Министерство иностранных дел организовали поездки иностранных журналистов непосредственно на станцию, включая помещение блочного щита управления.

¹ В действительности это выглядит иначе — в «зоне» работают нормы МАГАТЭ — 5 бэр в год. Реальная накопленная доза, правило, намного ниже этого предела.

Была организована телефонная «горячая линия», чтобы советские граждане могли получить информацию о Чернобыле. В Москве ставится критическая пьеса «Саркофаг».

В Киеве, в кинотеатре, был показан полемический фильм «Чернобыль, хроника двух недель». После кадров, показывающих борьбу в самом пекле и эвакуацию, можно было видеть, как двух партийных деятелей называли трусами. Решая, насколько можно осуждать прошлое, Советы в то же время смотрят в будущее...»

По сложившейся в работе с зарубежными журналистами традиции, этот материал, опубликованный за рубежом, был направлен и в отдел информации и зарубежных связей в Чернобыле. Первое, что привлекло наше внимание, были данные о радиационной загрязненности территории вокруг станции. Удивительно, что такие цифры могли появиться после посещения журналистом «зоны», не меньшее недоумение вызвали и ссылки автора публикации на сотрудника ПО «Комбинат». Еще до получения публикации в Чернобыле стали раздаваться звонки: что случилось, откуда такие «поля» на большой площади? Интересовались специалисты из Вены, звонили в Минатомэнерго с просьбой уточнить информацию. Все дело в том, что названные величины были справедливы для обстановки во время аварии и сразу после нее. И то лишь там, где могли находиться какие-либо материалы, выброшенные непосредственно из реактора. Уже осенью 1986 года ничего подобного даже вблизи разрушенного реактора четвертого энергоблока не было. И, конечно же, никто в районе Чернобыля не мог дать такой информации. Но, как говорится, написанного пером...

Невольно возникал вопрос: что побудило ЮПИ дать такую информацию, или, может, это ошибка? От случайностей никто не застрахован.

Вскоре представилась возможность задать этот вопрос автору статьи — Дж.Надлеру. 29 июля пятнадцать зарубежных корреспондентов прибыли в Чернобыль для освещения заключительного заседания суда над шестью прямыми виновниками аварии. В их числе прибыл и Надлер.

В предварительной беседе в присутствии 14 коллег¹ представлявших средства массовой информации практически всего мира, его спросили, где он почерпнул приведенные им данные. «Я получил их у вас», — ответил он. Тогда Надлеру напомнили о показаниях приборов, которые он сам мог наблюдать и которые

¹ Кстати, у западных корреспондентов заведено, когда они все не могут посетить то или иное место или мероприятие, они объединяются в «пулы», то есть в группы, и делегируют одного человека, который и работает на весь пул, а попросту — добывает информацию для всей группы. Так небольшим числом работают на неограниченное количество печатных органов, информационных агентств, телекомпаний и т. д. И в целом, несмотря на дух состязательности, в среде работающих в одном месте журналистов обычной является взаимовыручка, взаимная помощь, благожелательность в отношениях.

впоследствии приводились в зарубежных публикациях его коллег. Надлер почувствовал себя весьма неловко. А уже в автобусе, по дороге к зданию черновыльсого Дома культуры, он вполголоса сказал: «Поверьте, я передал в Штаты совсем другую информацию. Могу даже прислать оригинал. Он сохранился. Это редактор исправил цифры. Я тут ни при чем». Инцидент был исчерпан. Кстати, информация ЮПИ о последнем дне работы суда была вполне объективной. В этом мы смогли убедиться, когда получили копию очередного материала.

«Советская война на истощение на черновыльском фронте»

В отличие от курьеза, пускай и небезобидного, с ЮПИ — на общем фоне пишущих о Чернобыле летом 1987 года выделился убежденный «негативист» — корреспондент английской газеты «Тайме» Кристофер Уокер. В июне появились сразу три его публикации после посещения «зоны». Заголовок первый: «Советская война на истощение на черновыльском фронте». И так, «война на истощение». Да, авария не сделала нас богаче. Спустя два года была названа сумма прямого материального ущерба — восемь миллиардов рублей. Непрямой ущерб едва ли поддается исчислению. О моральных утратах и говорить не приходится.

Но надо жить и превозмочь великое несчастье, преодолеть его. Другого выхода нет. И говорить об «истощении» преждевременно. Другое дело, что нам пришлось по-новому взглянуть на себя, многое переосмыслить, взвесить. То, что долгое время было скрыто от глаз, позже стало достоянием всех,— вспомните последнее письмо академика В. Легасова. И от нас зависит, какой урок из этого извлечь.

Для К. Уокера последствия аварии не более чем тема в лучшем случае, в худшем же...

Вот какой он увидел 30-километровую зону спустя более года после катастрофы.

Зачумленная радиационными горячими точками, более чем в 100 раз превышающими уровень, который может быть зафиксирован всего в нескольких милях в стороне, и являясь центром рискованной операции по очистке, в которой заняты тысячи одетых в униформу советских военнослужащих в белых масках, Чернобыльская станция все еще напоминает поле битвы — 14 месяцев спустя после самой серьезной аварии в мире.

В прошлом гордость зеленой украинской земли, поврежденная станция сейчас имеет зловещий вид пустыни. Зараженный лес и толстый поверхностный слой почвы более чем на километр с каждой стороны сняты и захоронены в бетонированных ямах, в то время как сосны, стоящие в отдалении, засохли, выглядят обожженными и зловеще мертвыми.

На этой неделе, впервые после взрыва 26 апреля 1986 года, горстке западных репортеров разрешили приехать и посмотреть на спасательные работы.

Неубывающие опасения снова дали о себе знать, когда от нас потребовали подписать специальные бланки¹ и предупредили, что не следует открывать окна в автобусе и курить в 18-мильной закрытой зоне, окружающей станцию. Нам также было приказано не ступать на обочины дорог, не пить воды.

В тени гигантского бетонного надгробия, сейчас укрывающего поврежденный реактор номер четыре, я наблюдал, как мистер Александр Коваленко, советский специалист с красным счетчиком Гейгера, сделал замер на земле с вселяющим беспокойство результатом — 12,8 миллирентгена по сравнению с 0,1 — в Чернобыле, отстоящем на 16 километров, и 0,02 в Киеве, в 90 милях на юг. Большинство из 10 присутствующих корреспондентов решили впоследствии выбросить обувь, какой бы шикарной она ни была.

Громкая, подражательного характера советская поп-музыка гремела из динамиков на станции (где смена работает 15 дней перед тем, как получить такой же продолжительности отдых на безопасном расстоянии), чтобы, по словам одного советского официального лица, «дать людям расслабиться». Рядом с дезактивированным памятником Ленина у главного входа помещается большой транспарант, не к месту провозглашающий по-русски: «Не допустить ядерного безумия». Повсюду — десятки тысяч тонн песка, укрывающего оголенную землю, превращаются в грязь конвоями военных цистерн-разбрызгивателей, ведущих бесконечную войну с радиоактивной пылью (известной здесь под названием «враг» (?!)).

В помещении щита управления одного из двух действующих реактором вдруг стало возможным уловить ситуацию, которая сложилась в первые часы 26 апреля в таком же помещении неподалеку отсюда. И хотя с тех пор были введены новые, более жесткие правила безопасности, я был удивлен проявленной беспечностью, когда двое или трое посетителей потеряли специальную защитную обувь, поскольку она не подходила по размеру.

Напряжение тех, кто работал внутри 18-мильной мертвой зоны — 10 тысяч из них военные-резервисты старше 35 лет, — сильно контрастировало с безуспешными попытками властей представить общую атмосферу как близкую к нормальной.

«Проблема в том, что мы еще мало знаем о действии радиации, — сказал мне официальный представитель с Украины. — Именно поэтому здесь находятся военные уже в таком возрасте, когда у них есть дети».

¹ По сложившейся традиции всех зарубежных посетителей 30-километровой зоны в отделе информации и международных связей просили заполнить гостевые карточки, где были изложены и некоторые требования радиационной безопасности (РБ). Все, что требовалось от гостей, — указать имя, страну постоянного проживания и расписаться в том, что с правилами РБ ознакомлены. В изложении К. Уокера это превратилось в таинственные «специальные карточки».

Повсюду в 18-мильной зоне, куда лишь 300 лицам из 135 тысяч эвакуированных разрешено было к настоящему времени вернуться, дома стоят заросшие зеленью и многие обозначены треугольником, предупреждающим о повышенной радиации.

Среди 10 тысяч гражданских, также работающих в 18-мильной зоне (6 тысяч непосредственно на станции), шутки о бесплодии — обычное дело¹.

Примерно один из каждых 50 человек вынужден выбрасывать все свои вещи по возвращении в специальный, из сборных конструкций, поселок², так как обнаруживается, что они до опасной степени заражены.

Несмотря на отмеченное несчастьем место, где находилась наша группа, власти настаивают, что в общем уровни радиации продолжают снижаться. Согласно официальным данным, 90 процентов персонала, работавшего до аварии, вернулись к своей прежней работе, как представляется, в ужасающе трудных условиях.

«Как много людей на Западе поступили бы так же?» — спросил некий официальный представитель с гордостью, которую можно оправдать за тот дух, который здесь доминирует. Но храбрость отдельных людей дополняется духом фатализма с примесью чистого мазохизма. «Какую дозу ты получил?» — вопрос, с которым часто обращаются к тем, кто только что вернулся.

Примерно в пяти километрах от станции находится город-призрак Припять, где ранее проживало 50 тысяч человек. Признаки массовой эвакуации, которая началась в два часа ночи 27 апреля прошлого года, еще повсюду видны. На балконах высотных домов, поросших сорняками бульварах все еще висит на веревках белье — как до странности трогательное молчаливое свидетельство вынужденного выезда из города.

И хотя треть квартир уже дезактивирована, все же остается мало шансов, что когда-либо город будет снова заселен. На повороте дороги в сторону центра наш автобус вдруг подъехал к сюрреалистическому могильнику: более чем 2 тысячи брошенных легковых автомобилей и мотоциклов.

Во множестве рассказов о героизме, связанном с катастрофой и ее последствиями, особое презрение выражают вернувшиеся в Чернобыль люди по отношению к тем, кто дезертировал со своих постов, а также к тем (некоторые из них страдают острой лучевой болезнью), чьи безрассудные эксперименты привели к первоначальному взрыву.

Уже на следующий день, 11 июля, «Таймс» опубликовала следующий материал, на этот раз посвященный в основном вахтовому поселку Зеленый Мыс, где

¹ Год спустя после аварии подобные шутки не ходили — тема утратила остроту и появилось много информации о том, что подобные опасения были беспочвенны.

² Речь идет о вахтовом поселке Зеленый Мыс, где, как и на самой станции, и во многих других местах, осуществляется очень жесткий дозиметрический контроль на санпропускнике.

проживал оперативный персонал ЧАЭС, под символическим названием «Чернобыль: где не ходят деньги». Едва ли к этой публикации требуются какие-либо комментарии, настолько очевидна нелюбовь к нам ее автора. Единственным, по-видимому, его желанием при подготовке материала было то, чтобы мы и в самом деле оказались втянутыми в «войну на истощение». Пусть со стихией, с бедствием, вышедшим из-под контроля атомом. Неважно, лишь бы «на истощение», а там, глядишь, и до конца недалеко.

Не повезло на этот раз К. Уокеру.

Кому пришлось жить в Зеленом Мысе, очень высоко оценивают удобства, комфорт, привлекательный внешний вид жилых домов, вспомогательных и служебных зданий и сооружений. Здесь есть все, что необходимо людям для нормальной, полноценной жизни на протяжении вахты. Но между тем... Впрочем, давайте почитаем.

Безобразный, из сборных конструкций поселок Зеленый Мыс в 27 милях от Чернобыльской станции — это любопытный гибрид лагеря военного времени и убежища на выходные дни. Именно здесь рабочие мужчины и женщины — укрываются от крайних психологических нагрузок, обусловленных работой в 18-мильной «мертвой зоне» вокруг поврежденного реактора. Когда вы входите в поселок, ноги необходимо погрузить в длинное жестяное корыто. Затем каждого проверяют с ног до головы счетчиками Гейгера одетые в белое специалисты по радиации. Деньги не ходят в поселке и в 18-мильной зоне, а перед тем как поесть в бесплатной столовой, персонал станции получает предупреждение бойкого настенного плаката в стихах о необходимости помыть руки в двух раковинах снаружи от главной двери.

Пока не будет построен новый город, пострадавшие рабочие Чернобыля (и поддерживающий их обслуживающий персонал) вынуждены будут и дальше жить по 15 дней ежемесячно — без семей.

И хотя счет смертей в результате чернобыльской катастрофы остается неизменным — 31, плата человеческая, с учетом переселения и постоянной обеспокоенности о состоянии здоровья, остается удручающе высокой, и не только для оставшихся рабочих, но также и для 135 тысяч эвакуированных из 18-мильной зоны. Как и советские эмигранты, рассеянные после революции 1917 года, большинство эвакуированных из Чернобыля проводят долгие часы в мечтах о том, что наконец вернутся в свои дома, где лежит все их имущество так, как оно было оставлено до вынужденного ухода в апреле и мае прошлого года.

Из 70 населенных пунктов, эвакуированных из украинской части закрытой зоны, как заявляют сейчас власти, 22 уже дезактивированы.

Несмотря на это хвастливое заявление, высокий партийный руководитель заявил газете «Таймс», что лишь 300 человек из 92 тысяч беженцев с украинской территории получили к настоящему времени разрешение вернуться.

Большинство других размещены в ряде впечатляющих новых деревень, которые выросли на безопасном расстоянии (удалены на 40 миль и более) от Чернобыля, и в почти 7,5 тысячах квартир, которые были выделены им в областном центре — Киеве.

Благодарность эвакуированных за то, как о них заботятся, омрачена глубокой грустью по поводу переселения, усугубляется сохраняющимся непониманием, особенно среди пожилых людей, опасности, которую таит повышенная радиация.

Типичным для бездушных новых деревень, которые, словно грибы, выросли с замечательной быстротой на бывшей колхозной земле, является Небрат — поселок из 560 домов, напоминающих дома в фермерских хозяйствах. Там сейчас проживают 1662 эвакуированных. Общие затраты государства составили 22 миллиона рублей (около 22 миллионов фунтов стерлингов).

Из его строений выделяется нарядная поликлиника, где ежемесячно производится анализ крови, являющийся обязательным для всех жителей — как часть огромной операции наблюдения, которая проводится сейчас с целью долговременного определения риска заболевания раком среди тех, кто жил в 18-мильной зоне во время взрыва.

В нескольких сотнях метров рабочие на этой неделе строили здание новой средней школы на 370 учащихся, которая, как здесь надеются, должна быть закончена прежде, чем начнется для эвакуированных вторая зима на новом месте.

«Конечно, я благодарна властям за то, как они к нам относятся, — говорит 60-летняя Анна Романченко. Она живет в новом трехкомнатном доме вместе с мужем-трактористом и дочерью. — Но все мы мечтаем о том, чтобы вернуться домой — земля там была такой богатой и хорошей».

Романченко рассказала, что она оставила большую часть пожитков в деревне Залесье, которую я видел лишь за день до этого по дороге в Чернобыль.

Она и другие жители с отчаянием и обеспокоенностью ожидали новостей о своих домах, которые, они не видели с 4 мая 1986 года.

Я объяснил, что большинство из них заросли сорняками и отгорожены от дороги из-за того, что остается риск загрязнения.

Труженик-колхозник вместе с семьей сидел и слушал итальянскую поп-музыку по радио из автомобиля.

«Вы должны понять, что, хотя эта новая деревня и хороша, там наша родина, наш настоящий дом. Мы никогда не перестанем стремиться вернуться назад», — сказал он со слезами на глазах.

Еще неделю спустя в статье «Россия говорит правду о размерах чернобыльской паники» Уокер подробно рассказывает о информации, помещенной в «Аргументах и фактах» (еженедельнике, которым не продается рядовым гражданам», подчеркнул Уокер), касающейся проблемы аборт с связи с последствиями аварии и заболеваний рахитом среди детей, поскольку родители старались не давать им молоко из боязни, что оно могло оказаться зараженным. Далее идет ссыла на высказывания советского профессора, специалиста и области радиационной медицины, по этим вопросам.

Как заявил профессор, новая форма «радиофобии» получила развитие после взрыва, который имел место 26 апреля прошлого года и привел к эвакуации 135 тысяч гражданских лиц, большинство из которых, похоже, не вернутся в свои дома. За его статью немедленно ухватились западные эксперты, которые стараются из фрагментов составить действительную картину последствий чернобыльской аварии.

Он описал массовый «страх, являющийся прежде всего результатом нехватки объективной информации и слабой подготовки врачей-радиологов». Затем профессор в основной части своей статьи добавил: «...женщинам в некоторых местностях были сделаны представляющие опасность аборт в позднем периоде беременности. Родители боялись давать своим детям молоко, веря в то, что оно было зараженным, в результате чего были зарегистрированы случаи рахита среди детей». Рахит, первоначально вызванный нехваткой витамина Д, приводит к размягчению костей.

Первое сообщение о резком увеличении числа требований сделать аборт среди женщин, которые боялись, что их дети родятся с аномалиями, поступило от врача-араба (!?), приехавшего в Киев, — в 90 милях от разрушенной станции, чтобы лечить студентку из Египта, которая была беременна.

Палестинец-гинеколог, оперирующий в клиниках украинской столицы, позже подтвердил представителям западных средств массовой информации, что большое число женщин в течение последующих недель после катастрофы обратились с просьбой сделать им аборт.

Профессор осудил утаивание официальной информации как одну из главных причин паники. «Молчание и отсутствие объективной и точной научной оценки в нашей прессе не только противоречит курсу гласности, но и является очень вредным», — заявил он.

«Наши средства массовой информации сообщали о раке и других заболеваниях, вызванных радиационным облучением среди японцев, американцев, испанцев и т.д., но отказались сообщать о риске таких заболеваний, имевших место среди людей, проживающих на загрязненных территориях в нашей собственной стране».

Он заявил, что доктор Роберт Гейл, пользующийся уважением американский специалист по пересадке костного мозга, который лечил многих из наиболее

пострадавших жертв Чернобыля, был неточен, когда не так давно сказал советским телезрителям, что в течение последних нескольких десятилетий от пяти тысяч до 75 тысяч русских умрут от рака вследствие катастрофы.

Хотя цифры, названные доктором Гейлом, широко приняты западными экспертами, профессор заявил, что меры безопасности, в частности, укрытие пищи от избыточной радиации, означает, что дозы радиации, полученные советскими гражданами, «почти в 20 раз ниже», чем те, которые предполагал доктор Гейл.

«Наши расчеты показали, что риск незначителен и что, в сущности, ни одна из категорий населения в действительности не подвергнута риску», — заявил он, демонстрируя советский подход, который некоторые западные обозреватели охарактеризовали как благодушие».

Ну вот, если высказанные профессором прогнозы на будущее менее пессимистичны, чем оценки западных специалистов; тут же следует комментарий о свойственном ему благодушии. А под «некоторыми западными обозревателями» Уокер, очевидно, имел в виду прежде всего себя.

Финал статьи прозвучал «на высокой ноте».

В статье (в «Аргументах и фактах». — *Авт.*), — пишет Уокер, — предпринята попытка подорвать убеждение десятков тысяч жителей Украины, что алкоголь является лучшим профилактическим и лечебным средством от лучевой болезни. Как обнаружили западные корреспонденты, когда им впервые разрешили посетить Чернобыль в начале этого месяца, многие эвакуированные по-прежнему убеждены, что они должны принимать сильнодействующую смесь водки и местного вина.

Вот такой завершающий аккорд. Да, с юмором г-н Уокер явно не в дружбе. Ведь анекдот на алкогольную тему — о «целительной смеси» в доверительной обстановке поведали ему шутники в Чернобыле. Мы тому свидетели. Не ожидали, что это станет печатать «Таймс».

Лето 1987 года

После откровенной заданности публикаций в «Тайме», чтобы хоть в какой-то мере развеять тягостное впечатление, которое, возможно, сложилось у читателей, обратимся к другим материалам, которые можно отнести к наиболее характерным. Знакомство с ними даст представление о том, как освещались события в районе Чернобыльской атомной станции подавляющим большинством корреспондентов в самых различных странах. Доступность «зоны», открытость «хозяев», готовность удовлетворить всяческие запросы гостей, несомненно, способствовали объективному, взвешенному освещению событий. Теперь броские заголовки, эмоционально окрашенные вступления не отгораживали от читателей, словно ширмой, главного: великая страна преодолевала невероятные трудности,

выпавшие на ее долю. Работа эта, сложная, доселе неведомая миру, методично, шаг за шагом продвигалась вперед.

АЙМО РУУСИНЕН,
газета «Кансан уутисет».
10 июня 1987 г. Финляндия

ЧЕРНОБЫЛЬ СЕГОДНЯ НЕ ДОМ, А РАБОЧАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ

При нашем приближении к Чернобылю на автобусе сельская местность зеленела так же буйно, как и повсюду на Украине. Путь из Киева на север проходит через поля и деревни. Но уже за десятки километров до места начинаешь чувствовать необычность того, что впереди. В одном месте укрепляют дорогу, чтобы по ней мог двигаться тяжелогрузный транспорт. Мы обгоняем многочисленные грузовые автомашины с асфальтом, цементом, гравием.

Вскоре после пересечения р. Тетерев начинается район Чернобыля, и мы оказываемся на территории, где никто не живет, но где ежедневно трудятся тысячи людей.

Спустя год после трагедии никаких больших сенсаций здесь не было. Возникает лишь один вопрос: каково будущее Чернобыля?

Пострадавший четвертый реактор выглядит скорее одетым в темно-серое зимнее пальто, чем закованным в «саркофаг» из 300 кубических метров бетона. У реактора установлены приборы, регистрирующие температуру и радиоактивность.

За контроль над четвертым реактором отвечает Юрий Рейхман, молодой человек, который работал здесь и до трагедии. Что было самым трудным при накрытии реактора?

«Установка бетонного укрытия на место, поскольку к зданию реактора никто не мог приблизиться», — рассказывает Рейхман. Работы начались примерно год назад и были закончены 28 ноября. Это было непростым делом, потребовалась помощь всей страны

Много ли людей принимало участие в строительстве укрытия? «Не более 10 000, — рассказывает он. — Более точных сведений у меня нет. Часть людей сменилась, т.к. требовались специалисты разных областей

Наивысшая температура, зафиксированная приборами в четвертом реакторе в начале июня, была 95°. Это не была температура ядра реактора, которую до сих пор невозможно измерить. В феврале наивысшие показатели достигали 120°

Радиоактивность

Мы выходим из машины на улице Спортивная в г. Припять. Ни к чему не разрешают прикасаться, хотя улицы уже дезактивировались.

Один из руководителей «Комбината» — организации по ликвидации последствий аварии, — Александр Коваленко, вынимает дозиметр и говорит, что пребывание именно в этом месте в течение 500 часов привело бы к получению дозы радиации в 1 рентген.

ЭЛЬФИЯ ЗИГЛЬ,
журнал «Тагес анцайгер»,
22 июня 1987 г., ФРГ

СЕЛЕНИЯ С ПРИЗРАКАМИ ВОКРУГ ЧЕРНОБЫЛЯ

Самое жуткое — тишина. Автомобили не скользят по асфальтированной дороге, в щелях которой пробиваются сорняки. Дети не играют на игровых площадках, где на ветру скрипят стальные двери. Нет продавщиц за прилавками магазинов, которые еще полны товарами, нет жизни в высотных домах, квартиры в которых пустуют. Домашние хозяйки не снимают белье, которое сушится на балконах. И никто не имеет права открыть висячие замки, ржавеющие на входных дверях домов.

Припять, находящаяся всего в трех километрах от Чернобыльской атомной станции, Припять, которой всего 10 лет, была еще 14 месяцев назад цветущим, современным городом. На высотном здании можно прочесть: «Пусть будет атом рабочим, а не солдатом». Однако сегодня Припять — это город призраков. Именно солдатские патрули вдыхают в город жизнь: метр за метром город дезактивируется; скверы снесены, и вместо них насыпан желтый песок; треть города уже «чистая». Впрочем, людям еще нельзя сюда возвращаться. По крайней мере, четверть века, как мы узнали, Припять — «закрытый город».

Что произойдет через десять лет, мы не знаем

Тогда, роковой ночью 26 апреля 1986 года, когда был разрушен четвертый реакторный блок Чернобыльской атомной станции и крыша машинного зала была объята пламенем, врач-педиатр Нина Кузнецова вместе с медсестрой Людмилой Краснобой принимали первых пораженных радиацией пациентов. «Люди падали от усталости и должны были мыться с головы до ног по многу раз; затем они были отправлены самолетом в Москву в специальную клинику», — рассказывает врач, которая до сих пор находится под впечатлением ужасной ночи. Сегодня Нина

Кузнецова с другими коллегами из Припяти работает во временном поселке Зеленый Мыс, который находится примерно в 30 километрах от Чернобыльской атомной станции. «Мы не имели опыта, — вспоминает врач. — После аварии многим беременным женщинам были сделаны аборты; но большинство женщин рожали в специальной клинике для припятчан в Киеве. До сих пор у детей не замечено никаких отклонений; но кто знает, что будет со временем».

Припять была молодым городом во всех отношениях. Она построена лишь десять лет назад. Средний возраст 50000 жителей — 26 лет. Каждый год здесь рождалась тысяча детей. После аварии реактора радиоактивное облако пошло сначала в северо-западном направлении на Припять: полтора дня доза облучения была здесь от 10 до 12 миллизем. Только когда на атомной станции нужно было прекратить подачу воды из-за угрозы внутреннего затопления, уровень радиации в Припяти поднялся до 14 миллизем. Вследствие этого судьба города была решена. Это означало: эвакуация. Жители Припяти были отправлены в Киев и вселились в домовостройки, предназначенные для киевлян.

Все работают добровольно!

И все же многие хотят вернуться назад. По этой причине «город призраков» Припять окружен сегодня высоким забором с колючей проволокой, а огромное кладбище автомобилей вблизи города оборудовано электронной системой охраны. «Тот, кто знает, каким спросом у нас пользуются автомашины и запчасти к ним, может себе представить, что многие могут попытаться увезти эти работающие, но зараженные легковые машины», — говорит Александр Коваленко. Ему 33 года, он является начальником отдела информации «Комбината», который охватывает своей деятельностью сами атомные установки, управления по дезактивации, снабжению, транспорту, связи и радиационной безопасности 30-километровой зоны вокруг станции. Зараженные машины должны позднее, так же, как и зараженная мебель, снятая послойно земля и срубленные мертвые деревья, бетонироваться в специальных «могильниках». К работе по удалению деревьев привлечены резервисты из армии...

«Нет никакой альтернативы»

Автобус приближается к станции. Слева от дороги стоят два огромных недостроенных сооружения, вокруг — гигантские безжизненные краны: пятый и шестой реакторные блоки, оба готовые на 80 процентов. После аварии в конце апреля 1986 года строительство было остановлено «по инициативе литераторов и

ученых»¹ сейчас прекращено пока до 1991 года. «Потом мы посмотрим», — говорит Коваленко. Он и другие эксперты в области атомной энергетики в Чернобыле, в Киеве и вообще в Советском Союзе убеждены в большом будущем мирного использования атомной энергии: «нет никакой альтернативы».

Действительно, атомная физика как учебная специальность стала после катастрофы в Чернобыле в СССР в большой моде. «Раньше мы искали людей, сейчас у нас конкурс — 15 человек на учебное место, — объясняет Коваленко. — Работать на атомной станции, особенно на Чернобыльской, очень престижно».

На атомной станции со времени аварии работает уже третий директор, третий главный инженер. В начале июля в Чернобыле, находящемся недалеко от станции (такой же покинутый жителями город) и похожем скорее на деревню, откроется судебное заседание над бывшим главным инженером Николаем Фоминым и его заместителем Анатолием Дятловым. За процессом Верховного Суда СССР в Доме культуры Чернобыля будут, без сомнения, следить во всем мире. Будут допущены 12 советских и 15 иностранных корреспондентов; подача заявок на разрешение присутствовать на процессе началась давно. Обвинение предъявлено в недисциплинированности и нарушении должностных обязанностей; самая высокая мера наказания за это может быть 15 лет заключения»²

В административном здании первого реакторного блока иностранных гостей принимает главный инженер Геннадий Ярославцев, 45 лет, замкнутый и нерешительный на первый взгляд, но очень располагающий к себе манерой держаться спокойно человек. Сегодняшний директор станции Михаил Уманец сейчас в Москве. Оба они работали до февраля 1987 года на Ленинградской атомной станции, которая имеет такой же тип реактора, как и Чернобыльская. Их непосредственные предшественники, директор Поздышев и главный инженер Штейнберг, были после нескольких месяцев работы в Чернобыле отправлены в Москву на повышение. Действительно, они сделали в столице карьеру. Один из них, Штейнберг, «получил свою полную дозу». Его преемник Ярославцев, напротив, надеется на то, что «будет работать здесь до пенсии». Он говорит, что, учитывая уроки аварии, они улучшили безопасность реакторов и создали систему интенсивного обучения персонала. «Отдельные работники, 3-4 человека», после проверки их квалификации были уволены. Но преобладающее большинство персонала осталось на станции и после аварии.

¹ Это не так. Строительство блоков шло полным ходом, и пуск пятого был намечен на декабрь 1986 года.

² В действительности — десять.

Чем больше опасность, тем выше зарплата

По словам главного инженера Ярославцева, сегодня для Чернобыля самое важное то, что первый и второй реакторные блоки выполняют производственные планы. Оба блока возобновили работу еще в прошлом году. Таким же важным и весьма деликатным является вопрос подготовки к эксплуатации третьего блока. Он находится рядом с зацементированным аварийным блоком и до конца года должен снова начать производить энергию.

На блоке уже сделана новая крыша, он дезактивируется, оснащается техникой, проводятся испытания его металла. Кто работает на 3-м блоке, тот получает 5-кратную заработную плату и остается только на месяц, «за это время он получает уже достаточную дозу».

Принцип заработной платы в Чернобыле так же прост, как, возможно, тяжелы последствия: чем выше радиоактивность, тем выше зарплата и премии. Зарплата 1000 рублей — при средней зарплате по стране 190 рублей — для чернобыльских рабочих наивысший заработок. И люди, которые за деньги рискуют своим здоровьем, всегда находятся. Они бросают свои дела, мечтают о ранней пенсии и надеются на хорошую жизнь со скромным состоянием — автомашина, собственный дом, дача, путешествия в отпуск на юг страны.

Рабочие Чернобыльской атомной станции несут свою службу в 15-дневном режиме: две недели в зоне, две недели свободны, с семьей в Киеве. Во время работы они живут в уже упомянутом временном поселке Зеленый Мыс. Через два года они должны переселиться в новый город Славутич, который похож на новый город Припять; удален он от станции максимум на 50 километров. Там уже есть железнодорожная станция, дорога до Чернобыля занимает не более получаса. Первые 2 тысячи квартир в Славутиче должны быть сданы до зимы, вообще же город рассчитан на 30 тысяч жителей.

«Другие уезжают дальше, куда-то...»

Больше всего в катастрофе в Чернобыле пострадали, конечно, те, кто в этой прекрасной и ценной с точки зрения сельского хозяйства местности не желал иметь ничего общего с атомной энергией: живущие здесь с рождения крестьяне. Всего 69 деревень в Киевской области, к которой относится и Чернобыль, были эвакуированы после аварии, только две можно было заселить вновь. Это означает, что из более чем ста тысяч переселенных людей вернуться домой смогли только около тысячи. 27 деревень и селений не будут достаточно дезактивированы и, следовательно, навсегда останутся незаселенными, 42 должны быть постепенно очищены, так как уровни радиации в самой 30-километровой зоне сильно колеблются, и даже вблизи от станции имеются полностью «чистые» пятна. Главная

проблема здесь — дезактивировать подъездные дороги, леса и поля вокруг чистых деревень, что при возвращении людей изолировало бы их от зараженной растительности.

Но объяснить это колхозникам, особенно пожилым людям, впрочем, очень тяжело. До сих пор только в Киевской области более чем в 16 деревень люди возвращались нелегально. «В основном это пожилые люди, которые хотят умереть там, где родились», — так это называется официально. Но это грозит опасностью, когда возвратившиеся сельские жители собирают в лесах зараженные ягоды, выращивают овощи и фрукты на зараженной почве, а затем пытаются прорваться со своим урожаем к колхозным рынкам больших городов.

Шесть тысяч эвакуированных, в большинстве колхозников, принял Макаровский район, недалеко от Киева. Ровно 500 из них живут сегодня в колхозе «Ленинский путь», на расстоянии доброй сотни километров от родных мест. Они должны были покинуть свою деревню 7 мая прошлого года. Подселение осуществлялось по принципу «председатель к председателю, семья к семье, доярка к доярке». Спустя два месяца беженцы имели собственные домики, построенные на кукурузном поле в результате круглосуточных работ. Между ними есть и асфальтированная улица. А председатель сельсовета Борис Давиденко, вспоминая, уточняет, как это было: «В 120 грузовых машинах был эвакуирован сначала скот, затем дети, в последнюю очередь взрослые. Нас было 620, теперь стало 470. Другие уехали дальше куда-то, может быть, к родственникам».

Те, кто не уехал, благодарны сегодня за то, что остались. И все же счастливыми их не назовешь. «Мне 62 года, 27 лет я работала дояркой, — говорит женщина и плачет. — Что мне здесь делать на кукурузном поле? Я хочу назад». Ее нетрудно понять, так как невидимая и абстрактная радиоактивность не воспринимается колхозниками. «В новой деревне земля лучше, а у нас была природа красивее», — заявляет молодой человек. И в качестве доказательства того, что эвакуация, возможно, была излишней, добавляет: «В среднем раньше в нашей деревне умирало 14 человек в год, после аварии умерло в прошлом году только четверо».

Недоверие, успокоение, гордость

А каков общий ущерб от катастрофы в Чернобыле? Заместитель председателя Киевского облисполкома Константин Фурсов растерян: никто не знает размеров. Только на компенсацию эвакуированным и для ликвидации последствий аварии (к этому относится также зацементированный четвертый реактор) советское государство выплатило «немногим больше двух миллиардов рублей». Это — официальная цифра. Общие затраты могут быть выше во много раз.

То же и в отношении точных значений радиоактивного заражения; по крайней мере, общественность, как и раньше, пребывает в полном неведении. Автомшины

на пути от Киева в Чернобыль контролируются на загрязнение семь раз, на обратном пути шесть раз, а все транспортные средства в закрытой зоне ежедневно моются. И все же уровни радиоактивного заражения воды, земли и воздуха в открытой печати не называются. До сих пор поэтому жители из Киева едут за сотни километров в другие области Украины за покупками. Родители все еще не разрешают детям играть на свежем воздухе. Многие избегают выездов на природу, хотя уже давно сняты все запреты: люди просто совершенно не верят в успокоительные заявления официальных инстанций.

И только на атомной станции в Чернобыле гордятся результатами тяжелой четырнадцатимесячной работы. Корреспондентов сегодня подвозят на расстояние до 100 метров от «саркофага» четвертого блока, который на фоне дождливого неба похож на громадную корму корабля в конце гигантской электростанции с ее графитовыми стержнями первого и второго блоков, а также черными третьим и четвертым реакторами. Рядом со страшилищем — хаос из опор, кабелей, проволоки, труб. Только в 100 метрах от «саркофага» советские специалисты обнаруживают сегодня радиоактивность в 10 миллирентген, во время аварии она была «тысячи рентген».

СТИВЕН СТРАССНЕР
«Ньюсуик», США

В МРАЧНОЙ ТЕНИ ЧЕРНОБЫЛЯ

Как рассказывают эвакуированные на страницах журнала «Юность», первое предупреждение они получили, когда пламя поднялось, как красное облако, над четвертым реактором. На следующий день дети как всегда, пошли в школу, люди ходили по магазинам, ловили рыбу и плавали. Милиция появилась, как «в условиях военного времени», рассказывала Любовь Ковалевская, «но ничего не было сказано». И только на следующий день по радио объявили, что жителям дается четыре часа на подготовку к эвакуации. Правительство выплатило им компенсацию, предоставило новые дома и работу. Но это не положило конец противоречивости первоначального бездействия. В открытом письме в «Юность» четверо эвакуированных сказали, что они звонили местным представителям гражданской обороны и спрашивали, почему дети не были предупреждены о том, что им нельзя было находиться на улице 26 апреля. «Они ответили нам: — Это не ваше дело... Москва примет решение».

Обвинение в халатности

Такое обвинение, вероятно, будет выдвинуто на суде над руководителями станции, который назначен на начало следующего месяца. Бывший директор станции Виктор Брюханов, 51 год, главный инженер Николай Фомин, 50 лет, и его заместитель Анатолий Дятлов, 56 лет, обвиняются в преступной халатности, приведшей к аварии. Прокуратура также может выдвинуть обвинение против других лиц, возможно, из числа 27 работников станции, исключенных из Коммунистической партии после аварии, и каждый обвиняемый, вероятно, будет строго наказан.

Сегодня Советы строят новый город Славутич для размещения 30 тысяч работников Чернобыльской станции, членов их семей и вспомогательного персонала. Работники станции приезжают в Припять лишь на короткое время, некоторые — чтобы поплавать в крытом бассейне. Администрация создала также «радиобиологическую лабораторию» — серию теплиц, где технические специалисты изучают действие радиации. Советские официальные лица предлагают попробовать помидоры, огурцы, клубнику — сами с аппетитом их жуют — в доказательство того, что что-то способно к жизни в тени Чернобыля.

СЕЛЕСТИН БОЛЕН,
«Интернэшнл геральд трибюн»
23 июля 1987 г., США

ЧЕРНОБЫЛЬ ПРЕБЫВАЕТ В СПОКОЙСТВИИ

Чернобыль, СССР. Менее чем в километре от Чернобыльской атомной электростанции мертвый лес. Там, где когда-то было более 70 акров сосновых деревьев, сейчас — лишь ровные стволы, без листвы, с оттенком странного рыжего цвета.

«Рыжий» лес, как его нарекли, протянулся на север от реактора номер 4, который взорвался ранним утром 26 апреля 1986 года.

«Сосны особенно чувствительны к радиации, — сказал Александр Коваленко, руководитель службы информации о работах в 18-мильной зараженной зоне, окольцовывающей Чернобыль. — Они могут выдержать не больше, чем человек».

В тени нового, упрятанного под надгробием реактора резервисты Советской Армии продолжают работы по дезактивации леса: они выкорчевывают и хоронят деревья и сажают траву. И все же 14 месяцев спустя, высохшие деревья остаются — как напоминание о смертельной ране, нанесенной самой опустошительной аварией в атомной электроэнергетике.

Что касается человеческих потерь, авария официально документирована: 31 человек погиб, 237 первоначально госпитализированы с острой лучевой болезнью, 135 тысяч человек эвакуированы из городов и деревень зараженной зоны, которая простирается из Украины в Белорусскую Республику.

Советские специалисты соглашались, что тысячи смертей будут иметь место в результате остаточного воздействия радиации.

...Пока специалисты спорят о будущих последствиях чернобыльской аварии, на самом этом месте остаются неизгладимые следы. Последствия взрыва видятся еще более опустошительными, чем можно себе представить, а восстановление — идет лучше, чем это предполагалось.

По дороге к сердцу того, что называется «зоной», деревня за деревней — покинутые дома, поросшие вдоль заборов и у колодцев сорняками. Поля вокруг тоже заросли, животных нет.

Наиболее запоминается город Припять. Когда-то здесь проживало 50 тысяч человек, главным образом работники станции, но сейчас он пуст — город-призрак двадцатого века...

При взгляде со стороны возникает ощущение, что этот город — некогда описываемый как «самый красивый город советской атомной энергетики», — вдруг возник из моря. Песок, которым засыпали зараженную почву, — повсюду. Но даже несмотря на это, трава упрямо проросла этой весной.

Вид широких аллей, игровой площадки детского сада и припятской школы, на первый взгляд, такой же, как в любом советском городе: длинные ряды похожих жилых кварталов. Но здесь совсем нет людей, нет детей.

Июньским днем ветер свободно продувает пустоту...

В последние месяцы советское правительство разрешило иностранным журналистам посетить Припять и даже Чернобыльскую станцию, которая была вне досягаемости со времени аварии. Никто не может с уверенностью сказать, когда город Припять будет заселен вновь, хотя город числится среди населенных пунктов, где работы по дезактивации в настоящее время приостановлены. 16 из 179 населенных пунктов реэвакуированы, и еще 55 находятся в стадии подготовки.

«Усилия по дезактивации способствовали заметному снижению уровней радиации в некоторых местах зоны», — говорят официальные лица. Но в стремлении показать, насколько все в порядке, люди все еще полагаются на упрощенные оценки. «Как можно бояться того, чего нельзя увидеть?» — говорил один эвакуированный...

ЧЕРНОБЫЛЬ. КАТАСТРОФА. УРОКИ

Великое государство полностью использовало свои военные, технические и научные силы в чернобыльской зоне и окружило заботой и вниманием всех пострадавших от ядерной катастрофы. Мы приводим по этому поводу высказывание директора МАГАТЭ в его недавнем заявлении советской газете «Правда»: «Авария на станции произошла в результате человеческих ошибок. Однако советские специалисты, особенно пожарники, смогли предотвратить еще большую возможную аварию. К тому же государство имеет превосходство в том, что у него централизованное планирование экономики».

Радиационная ситуация сегодня

Советские источники Госкомитета по использованию атомной энергии подтверждают, что сегодня положение в 30-километровой зоне не вызывает опасений. Четвертый реактор уже укрыт... Работают 1-й и 2-й блоки. Работникам обеспечена безопасность. Идет подготовка к пуску 3-го блока. Что касается 5-го и 6-го реакторов — советская сторона приняла решение пока их не строить, так как это нарушает радиационную безопасность.

Наряду с этим были приняты меры по защите от радиации реки Припять...

Советские ответственные лица не говорят, что в результате чернобыльского взрыва Советский Союз потерял около 1000 квадратных километров пахотных земель, а также земель вокруг водоемов и рек. Так как грунт остается зараженным, его будут хоронить и в будущем. Из рассказа главного врача центральной больницы Министерства здравоохранения УССР Козлюка следует, что число раковых заболеваний в будущем году возрастет примерно в 20 раз по сравнению с прошлым.

Уроки Чернобыля

Спустя год после аварии на Чернобыльской атомной станции в Москве была устроена пресс-конференция для советских и зарубежных корреспондентов с участием советских министров и ответственных лиц. Министр атомной энергетики СССР Николай Луконин сообщил, что известными учеными внесены многие технические изменения, которые должны обеспечить надежность и безопасность 1-го и 2-го реакторов, равно как и задействовать систему защиты реакторов типа РБМК — чернобыльский тип — благодаря переподготовке и переобучению

персонала на атомных станциях. То есть уделено внимание человеческому фактору в системе «человек — машина». Советский министр продолжил, что Советский Союз не изменит своей стратегии в развитии атомной энергетики и что он намеревается еще больше наращивать выработку электроэнергии за счет увеличения количества атомных станций: с 1985 по 1990 год соответственно в 2 раза; и с 1990 по 1995 — в 3 раза.

Как мы уже рассказывали, американский врач, профессор Роберт Гейл, посетивший недавно Москву и проконсультировавший больных, сказал, что чернобыльская беда послужила уроком всему человечеству и отзвуки этой аварии вышли за границы одной страны. Необходимо распространение знаний и опыта, приобретенных в результате аварии. Гейлу предоставили возможность встретиться и побеседовать с советским руководителем Михаилом Горбачевым, который в этой связи сказал, что необходимо поддержать решение сессии МАГАТЭ по созданию международной системы безопасности и раннего оповещения об особенностях аварий, потому что сегодня в мире насчитывается 370 ядерных реакторов и их число будет увеличиваться...

Несмотря на последствия в результате взрыва чернобыльского реактора, его ни в коем случае нельзя сравнивать с ядерным взрывом. И тем не менее он всему миру доказал опасность ядерной энергии, которая может быть использована и не в мирных целях.

БЕРНДТ ФРАНКЕ,
Западный Берлин, 28, 30 июля 1987 г.

ЧЕРНОБЫЛЬ — 14 МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

«Хотя это и парадоксально на первый взгляд, все же я с уверенностью могу сказать, что риск аварийной ситуации при эксплуатации атомной электростанции не выше, чем на любом другом предприятии, например, химическом. Процесс взаимодействия человека и техники во всем мире еще не решен окончательно. С развитием научно-технического прогресса он становится все актуальнее». Эти слова известного советского специалиста-атомщика Легасова, сказанные ранее, вспомнились мне, когда я стоял недавно в центре расположенного недалеко от Чернобыля мертвого города Припяти, переваривая свои впечатления. Подавленный почти невероятными картинами, представшими в городе, где накануне тотальной эвакуации жило более 50 тысяч человек — строительные рабочие и обслуживающий персонал Чернобыльской электростанции с семьями, я испытал ужас перед тем, что произошло в Чернобыле 26 апреля 1986 года. В конце моего путешествия по эвакуированной 30-километровой зоне вокруг Чернобыля выяснилось, что Легасов не одинок в своем видении событий, что и

непосредственные жертвы аварии, с которыми я мог говорить, также видят в этом ключ к пониманию происшедшего. Узнать и рассказать об этом, по-моему, очень важно.

Герои первого часа

Мое путешествие началось с разговора с людьми из пожарной команды в Киеве, которые вчетвером в первые часы аварии победили огонь на реакторном блоке с риском для своих жизней. Тогдашний командир пожарной части Чернобыля, известный почти во всем мире Герой Советского Союза старший лейтенант Телятников¹ — первый пострадавший в аварии, с которым я говорил. Его раны свидетельствуют, что слова его свободны от пустого бахвальства и демагогических спекуляций, однако он не пытается представить события безобидными.

Что сделали люди из пожарной команды? В условиях ужасной жары и непредставимой опасности радиоактивного заражения сразу после аварии своими смелыми действиями на 4-м блоке предотвратили переход огня на соседние блоки: первый, второй и третий. Эти работы стоили жизни шести пожарникам.

Телятников снова и снова отмечает самоотверженную работу не только пожарников, но и всего персонала атомной станции, а также более позднюю помощь метростроевцев Киева и горняков Донецкой области, которые, как известно, пробивали туннель под четвертым блоком.

Имея в виду проходящий сейчас процесс над виновниками аварии, я спрашиваю Телятникова о его отношении к людям, которые проявили безответственность. Ответ Телятникова: «Во время работы на пожаре нам были неизвестны причины аварии. У нас было одно желание — потушить огонь и уменьшить размеры аварии настолько, насколько это возможно. При этом, кроме желания помочь, мы не чувствовали ничего. Когда я узнал причины, я не мог ничего понять. Я знал этих людей многие годы, хорошо думал о них. Я едва могу поверить, что они так вели себя. Ярость — нет, у меня ее не было. Они находятся сейчас под судом, и я не сомневаюсь в том, что они получают по заслугам».

На вопрос, как он оценивает эту аварию, получаю ответ, который свидетельствует о довольно единодушной оценке этого события советскими людьми: «Чернобыль был тяжелой аварией. Анализ причин показывает, что слабым звеном в системе человек — машина оказался человек. Кроме того, Чернобыль показал нам возможные размеры и опасность военного применения атомного оружия. Это нужно объяснить людям».

¹ В действительности на момент аварии — майор.

В том, что последнее заявление — внутренняя убежденность, а не заученный урок или отвлекающий маневр, я мог убедиться, когда позже беседовал со многими другими пострадавшими во время аварии.

В 300 метрах от «саркофага»

Когда человек борется с монстром, это опасно для его жизни. Действительную угрозу, которую таит блок, вряд ли сможет оценить или до конца понять дилетант. Здесь необходимо прибегнуть к пояснениям специалистов. И вот наша маленькая группа журналистов — в основном из США, Швеции и нашего города — сидит перед новым директором Чернобыльской атомной станции. Затем посыпались вопросы.

«Какая температура сейчас в четвертом реакторе?» Ответ: «Температура падает. Первого февраля мы зарегистрировали в саркофаге температуру 112°, сейчас — 95°». — «Сколько времени, по вашему мнению, потребуется, чтобы реактор полностью остыл?» Ответ: «Я не рискну отвечать на этот вопрос. Саркофаг в такой форме будет стоять очень долгое время, сто лет определенно». — «Как обстоят дела с завершением строительства пятого и шестого блоков?» Ответ: «Эти блоки до 1991 года строиться не будут. Мое личное мнение — они все же будут достроены. Голоса «против» не носят массового характера».

Все вопросы в основном выражены в одном решающем — как директор оценивает риск мирного использования атомной энергии после Чернобыля? Его ответ ясен и однозначен: «Человечеству необходима электроэнергия. В настоящее время наука не видит никаких достаточных источников энергии, которые могли бы заменить атомную. Решающим при использовании атомной энергии является снижение степени риска. Необходимо полнее учитывать такие критические ситуации, как в Чернобыле. Как вы знаете, мы предпринимаем в настоящее время все, чтобы улучшить с целью повышения безопасности атомной станции технические и организационные предпосылки, особенно с той точки зрения, чтобы повысить профессиональную и психологическую подготовку работающих на объекте людей. Опасность исходит не от мирного использования атомной энергии, а от ее военного применения»...

Посещение мертвого города

Мы стоим в оставленном людьми городе Припять в непосредственной близости от Чернобыля. Мы стоим в центре города перед обычным зданием с огромной надписью: «Пусть будет атом рабочим, а не солдатом!» Начальник отдела информации и международных связей «Комбината», созданного для организации жизни в 30-километровой зоне и проведения дезактивационных работ в городе,

говорит о грандиозных размерах социальных и материальных усилий советского общества, направленных на обеспечение безопасности людей, которые живут и работают здесь. Невольно вспоминаются Бхопал и Зевизо, где люди после тяжелых катастроф были просто оставлены на произвол судьбы. 27 апреля 1986 года в 34 часов, спустя день после аварии, город был эвакуирован в течение двух часов...

В 10-километровую зону, впрочем, по словам Коваленко, никто не вернулся за это время. Радиоактивность воздуха не опасна, она ниже опасного для человека уровня. Опасность исходит от земли, воды и растений. «Мы считаем, — говорит Коваленко, — что пока люди здесь не смогут жить по-человечески, не думая о том, можно ли есть эти овощи, ловить рыбу в реках, обрабатывать землю, полноценная жизнь здесь немыслима. И о возвращении не может быть и речи».

Мы видели собственными глазами, как в этом мертвом городе работает радиобиологическая лаборатория по исследованию радиоактивного воздействия на растения. Начальник лаборатории, расположенной в теплицах, радиолог Архипов, рассказывает нам о работе. Под постоянным контролем здесь находятся около 200 сортов овощей, фруктов и цветов. До сих пор ученые не обнаружили никаких видимых изменений в росте растений. Однако период исследований слишком короток, чтобы можно было делать окончательные выводы. Я записываю адрес исследователя. Его нужно будет снова разыскать через некоторое время и поговорить с ним. Предполагается, что результаты исследований будут иметь международное значение.

Следует сказать и о грандиозных размерах помощи для эвакуированных из 30-километровой зоны, которая была оказана пострадавшим обществом и правительством страны. Кроме того, нас интересует судьба каждой эвакуированной семьи: как она сейчас живет и что думает об аварии. В старой украинской деревне Залесье, в 2 километрах от Чернобыля, перед аварией члены колхоза «Дружба» жили в своих старых красивых деревенских домах спокойной и сытой жизнью. Их колхоз был, как они говорят, «миллионером». Природа здесь чудесная — леса, речки. Сейчас, после аварии, 1666 бывших жителей Залесья живут в 105 километрах от Чернобыля во вновь построенном поселке Небрат.

Мы стоим у садовой изгороди маленького нового дома на одну семью в Небрате и беседуем с молодой семьей Захамдар: Натальей Захамдар (25 лет), воспитательницей в детском саду, ее мужем, энергетиком Виктором Захамдаром (29 лет), и их дочерью Олей (4 года). Они живут с мая в современном домике на три комнаты, с террасой, ванной и туалетом. В течение первых трех лет они не будут платить за жилье. За то, нажитое, что они оставили в Залесье, государство выплатило им компенсацию, быстро и без всякой бюрократии: мужу — 4 тысячи рублей, жене — 3 тысячи, и на ребенка 1500 рублей. Они обставили дом и живут намного современнее и удобнее, чем в своей старой деревне. Спустя немного

времени после приезда в Небрат Наталья Захамдар с ребенком, как и все остальные женщины с детьми, провела летом отпуск в прекрасной Одессе.

Уже из этих сведений нетрудно понять, что было сделано все возможное, чтобы помочь эвакуированным в материальном и социальном плане, возместить ущерб. И все же при вопросе, тяжело ли им было покидать свою деревню, разговор принимает новый оборот, Боль и печаль отражаются на их лицах. Наталья Захамдар рассказывает: «Мы чувствуем, что никогда больше не сможем вернуться. Но мы ничего больше не хотим. Утрата родных мест — горше всего. Деревня была нашей родиной, нашей юностью. И для родителей — это самое тяжелое. Они тоже обеспечены здесь самым лучшим образом. Но все время плачут. Они плакали, когда покидали деревню, они плачут еще и сейчас. Они хотели бы вернуться, им все равно, какая там опасность».

Причиной эвакуации и, следовательно, утраты родных мест стала авария в Чернобыле. Как Захамдары видят все это сегодня? Есть ли у них опасение, что нечто подобное может повториться? Что они вообще думают об опасности мирного использования атомной энергии? «Страх? — спрашивает Н. Захамдар. — Нет, его у нас нет. Я же знаю, почему это произошло. Ужасная безответственность некоторых людей на станции. Авария с тяжелыми последствиями. Но атомная энергия и ее использование — перспективная отрасль, без атомной энергии сегодня жить нельзя. Опасно другое — вооружение на ядерной основе. Этого нужно бояться».

Ношу нёс весь народ

Силы, которые в несчастье может мобилизовать советский народ, достаточно известны. Вспомним хотя бы землетрясение в Ташкенте или катастрофы этого года в Грузин. Но то, что было сделано для людей здесь, в 30-километровой зоне, иногда превосходит любые представления.

«Человек при социализме — главная ценность». Кто из многочисленных иностранцев, посещающих из года в год Советский Союз, хотя бы раз да не увидел собственными глазами сей лозунг и не качал при этом недоверчиво головой? Но если кто услышал эти слова, как мы — из уст заместителя председателя Киевского облисполкома, а кроме того, увидел то, что было сделано и делается до сих пор, тот знает, что транспаранты не лгут.

Здесь можно было бы привести много цифр, которые показывают, какие гигантские суммы со всей страны — государственные средства и личные пожертвования — были собраны для пострадавших, можно было рассказать о беспримерном медицинском обслуживании и организации медицинского контроля населения, можно было бы перечислить все виды отдыха детей и матерей. Все это превосходит всякую фантазию.

И все равно картина получилась бы неполной. Все 135 тысяч эвакуированных за короткое время снова получили крышу над головой. Всего за три месяца были возведены 52 новых поселка. Было построено 7500 квартир. Столько же новых квартир, уже готовых к заселению, было перераспределено и предоставлено в распоряжение эвакуированных. Все люди снова получили работу и были обеспечены всем необходимым. Какие огромные проблемы, связанные с транспортом, медицинским обеспечением и другими услугами, были вызваны этим малым переселением народов, каждый может представить себе сам.

Уроки Чернобыля

Некоторые из читателей ожидают к концу этих заметок увидеть научные данные, например, нормы радиоактивности и медицинские показатели о влиянии аварии на здоровье человека. Эти данные, благодаря беспримерной откровенности советских учреждений и ученых, хорошо известны и всем доступны. Но что лежит не на поверхности, так это вопросы: каким представляется Чернобыль сегодня пострадавшим непосредственно во время аварии, каково индивидуальное и массовое осмысление этого события в Советском Союзе, какие уроки из него извлекаются?

Видится необходимым еще раз предоставить слово начальнику отдела международных связей «Комбината» Коваленко, который, впрочем, интересен не только тем, что он работает для прессы, но и как бывший заместитель директора Крымской атомной станции, интересен как специалист.

Первый и важнейший урок, который можно считать обязательным для каждого гражданина, состоит, по словам Коваленко и других ответственных руководителей, в том, что приукрашивание действительности — особенно относительно атомной энергии — недопустимо; что сейчас просто непонятно, из каких таких сиюминутных конъюнктурных соображений можно не называть вещи своими именами, как это, например, открыто практиковалось старым руководством атомной станции в Чернобыле.

Второй урок касается большого значения организованности и дисциплинированности в современном производстве. Персонал ко времени аварии имел все технические возможности, а также необходимую при такой работе высокую квалификацию, чтобы избежать аварии. Может быть, часть персонала поэтому верила в обманчивую безопасность и просто игнорировала технические инструкции, следуя русской поговорке: «Инструкции писаны только для дураков».

Третий урок состоит в том, что в каждой технологической системе, хотим мы того или нет, человек играет самую важную роль. Любое достижение техники и технологии не должно быть упущено. Каждое нарушение существующих инструкций, все равно из каких соображений, недопустимо. С атомной энергией

шутить не стоит.

Кроме того, авария показала, что очень важны были действия и поведение персонала после аварии. С сегодняшней точки зрения нужно сказать, что персонал эту задачу выполнил. Авария показала также, что Советский Союз, может быть, как никакая другая страна мира, смог мобилизовать огромные силы, чтобы решить сложнейшие социальные и экономические проблемы для ликвидации последствий аварии.

ЧАСТЬ III

ПОУЧИТЕЛЕН ЛИ ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ?

Суд и рядом с ним

7 ИЮЛЯ 1987 года в помещении черновыльскаго городского Дома культуры состоялось первое заседание выездной сессии Верховного суда СССР, на котором слушалось дело шести подсудимых, трое из них — бывшие руководители Чернобыльскай атомной электростанции: директор Виктор Петрович Брюханов, главный инженер Николай Васильевич Фомин и его заместитель по эксплуатации Анатолий Степанович Дятлов. Три других подсудимых — начальник реакторного цеха №2 Александр Петрович Коваленко, начальник смены станции Борис Васильевич Рогожкин, старший инженер производственно-технического отдела, инспектор Госатомэнергонадзора Юрий Алексеевич Лаушкин.

Чернобыль не случайно был избран местом проведения суда - согласно советскому законодательству, дело подсудимых должно слушаться по месту совершения преступления. Станция сама по себе отпадала — это крупное производство не было приспособлено для проведения подобного процесса. Да и жила ЧАЭС в экстремальных условиях. Город Припять, как известно, необитаем в обычном понимании этого слова. Оставался Чернобыль. Правда, он находился внутри 30-километровой Зоны, и это создавало определенные сложности для представителей средств массовой информации. Но эту проблему можно было решить, тщательно, продуманно организовав работу тех, кто будет освещать работу суда. Двадцать три советских представителя средств массовой информации присутствовали на первом заседании и примерно столько же на заключительном. Результатом их работы были краткие сообщения и видеосюжеты в программе «Время» и два сообщения ТАСС, опубликованные с большим опозданием (скажем, о закрытии процесса и оглашении приговора лишь три дня спустя после самого события).

Итак, группа зарубежных корреспондентов в составе пятнадцати человек прибыла в Чернобыль, где в отделе информации и международных связей состоялась предварительная беседа с гостями. Очень важно было оговорить порядок работы.

Во-первых, не все журналисты владели русским языком, чтобы достаточно полно понимать, о чем будут говорить участники процесса. Поэтому предполагалось, что все корреспонденты будут поделены на небольшие группы — по два, три человека, и сотрудники отдела информации, закрепленные за каждой из групп, в случае необходимости придут на помощь.

В отдельном помещении импровизированного здания суда был организован пресс-центр. Здесь журналисты должны были получать оперативную информацию в перерывах между заседаниями, а также консультацию по Уголовному и Процессуальному кодексам, каким-либо деталям самого процесса.

Пожалуй, самым главным была организация работы международной телефонной связи для оперативной передачи сообщений в редакции газет, радио и т. д. Нужно сказать, эту возможность наши коллеги из-за рубежа использовали полностью. Как в первый, так и в последний день работы суда, скажем, корреспондент Би-би-си Джереми Харрис передавал сообщения уже спустя час после начала судебного заседания, даже не дожидаясь перерыва или еще каких-то особых условий. В этот же день мир узнал о подробностях происходящего в Чернобыле. Передали экстренные сообщения Пьер Лесур, агентство Франс Пресс; Бранко Влахович, ТАНЮГ, Югославия; Хамасима Такадзи, «Киодо цусин», Япония.

Характерно, что в Советский Союз более или менее подробная информация поступила в виде сообщений не очень дружественных нам радиоголосов, хотя состав советских журналистов представлял довольно мощную силу: Центральное телевидение, Всесоюзное радио, ведущие печатные органы, а также украинские республиканские средства массовой информации.

Что же касается зарубежных журналистов, аккредитованных в Чернобыле, то, если учесть, что они большей частью работали на пулы, несомненно, можно утверждать, что все аккредитованные при МИД СССР корреспонденты получили возможность освещать работу суда. Правда, их пребывание было ограничено двумя днями, о чем многие потом писали в своих репортажах и статьях.

Мы уже говорили, что с созданием отдела информации и международных связей в Чернобыле работа по информированию общественности приобрела управляемый характер. Думается, уместно показать на наглядном примере, как велась и ведется работа с зарубежными корреспондентами, как это выглядит в жизни, на практике.

29 июля 1987 года. До заключительного дня суда остается 1 час 30 минут. В отдел информации и международных связей прибыла группа зарубежных корреспондентов — пятнадцать человек в сопровождении сотрудников МИД СССР и МИД УССР. С ними беседует начальник отдела А.П. Коваленко. После обязательных формальностей гости смогли задать вопросы о состоянии 30-километровой зоны, о ходе работ по ликвидации последствий аварии. Но, конечно

же, их больше всего интересовало само судебное разбирательство. Журналисты получили на все вопросы исчерпывающие ответы.

Приводим часть стенограммы беседы с журналистами.

Сивиньский, «Штандар молодых», ПНР. Вы были на всех судебных заседаниях? Сколько длился весь процесс?

Коваленко. Нет. Посещать судебное заседание — дело не очень веселое. Но на большинстве присутствовал. А сколько часов и дней длился процесс, вам ответит мой сотрудник Станислав Троицкий. Кстати, Троицкий единственный журналист в мире, который был на всех судебных заседаниях.

Икеля Рейо. Радио Финляндии. Будет ли на суде Роллан Сергиенко?¹

Коваленко. Да. Ему было разрешено снимать и во время некоторых заседаний. Снимал свидетелей, потерпевших и т. д.

Манфред Брайтске. ЦДФ, ФРГ. Нам нужно снимать на улице. Это возможно?

Коваленко. Да. После суда. Раньше у нас времени просто не будет.

Сивиньский. А последнее слово уже было? Вчера?

Коваленко. Да, но не вчера. Вчера суд специально не заседал, обсуждал приговор, а последнее слово было позавчера.

Влахович. ТАНЮГ, Югославия. В прошлый раз вы сказали, что некоторые свидетели могут стать обвиняемыми.

Коваленко. Этого не случилось. На суде было заявлено, что возбуждено еще три уголовных дела. Одно связано с конструкторами, которые делали проект. Второе — с теми, кто отвечал за эвакуацию, здравоохранение и т. д. Третье — с теми сотрудниками Минэнерго, которые отвечали за безопасность. Данный же процесс касался только вины директора, главного инженера и лиц, которые работали в управлении ЧАЭС.

Влахович. Обвиняемые отрицают свою вину потому, что реактор был плохой?

Коваленко. Это не так. В процессе судебного расследования доказано, что они виноваты.

Влахович. Я не выступаю в роли их адвоката, но бытует мнение, что и конструкторы в чем-то виноваты.

Коваленко. Так оно и есть. В чем-то виноваты и конструкторы.

Сивиньский. А что сказали в своем последнем слове обвиняемые?

Коваленко. Они признали вину.

Сивиньский. Все?

Коваленко. Почти все. Они, в основном, признали свою вину и раскаиваются в содеянном.

Сивиньский. Мы знаем, что граница запретной зоны все время меняется. Какую площадь она занимает сейчас?

¹ Режиссер известного фильма «Колокол Чернобыля»

Коваленко. Я не владею точными данными, но могу сказать, что общая площадь около 1000 квадратных километров.

Сивиньский. Вы уже убрали «рыжий лес»?

Коваленко. Убрали.

Сивиньский. Какая температура внутри «саркофага»?

Коваленко. Внутри «саркофага» на 1 февраля 1987 года температура была 112° С, на 1 июля 1987 года — 95° С, сейчас — 91° С. Но нужно учесть, что охлаждение идет значительно быстрее — ведь с февраля и температура окружающей среды повысилась примерно на 40° С.

Икеля Рейо. Никто из судей не заболел? Состав такой же, как и в начале судебного разбирательства?

Коваленко. Нет, никто.

Влахович. Сколько людей присутствовало каждый день на суде?

Коваленко. День на день не походил, по-разному. Ну, человек двести.

Сивиньский. Ваше мнение по поводу того, как мы освещаем события?

Коваленко. Ваша деятельность доставляет мне много неприятностей. Вы у себя пишете, а потом наши послы начинают делать запросы, что мол, там этот Коваленко говорит всякую ерунду.

Сивиньский. Какие из обвинений не подтвердились в ходе судебного разбирательства?

Коваленко. Я могу высказать только свое мнение, что подтвердилось, а что нет. А юридическую сторону дела мы узнаем только сегодня на суде.

Шандор Тамаш. МТИ, Венгрия. Как реагируют люди на события в Чернобыле?

Коваленко. Все по-разному реагируют: чем дальше от Чернобыля, тем в большей степени негативно относятся к подсудимым; чем ближе — тем лучше. Например, персонал станции. Ведь он судит вот с какой точки зрения: кто как себя вел во время аварии. А в общем-то, все подсудимые во время аварии вели себя достойно.

Сивиньский. И директор?

Коваленко. Да. Это, знаете, Губарев¹ пишет, что кто-то там уехал и т. д. Этого не было в реальной жизни.

Черный. МИД УССР. А Дятлов?

Коваленко. Дятлов первым обошел блок.

Сивиньский. Сколько человек находилось на БЩУ² во время аварии?

Коваленко. Человек двенадцать. Руководитель программы, стажеры, операторы.

Влахович. Сколько человек работает сейчас в зоне?

¹ В. Губарев, автор пьесы «Саркофаг»

² Блочный щит управления

Коваленко. В «Комбинате», который я представляю, работает на сегодня 7800 человек. Станция является нашим предприятием. Есть еще строители. Я думаю, их около 2 тысяч, и военные.

Влахович. На каком расстоянии находится станция?

Коваленко. На расстоянии 18 километров.

Сивиньский. Сразу после суда подсудимых возьмут под арест?

Коваленко. Ну, во-первых, трое уже под стражей. А остальные — это зависит от решения суда. Теперь я в свою очередь хотел бы знать, чего ожидает общественность в ваших странах?

Сивиньский. Высшей меры наказания.

Икеля Рейо. Какие эмоции были на суде?

Коваленко. Пострадавшие более эмоциональны, подсудимые более сдержанны. Никто не выкрикивал, не впадал в истерику. Нормально шел процесс, никаких чрезвычайных происшествий, никаких болезней, никаких дополнительных медицинских экспертиз не понадобилось.

Икеля Рейо. А свидетели?

Коваленко. Вы знаете, нормально. Когда вели допрос жены одного из погибших, она рассказала, что муж умирал у нее на руках и она ему задала вопрос: «Кто виноват?» Он ответил, что не может назвать кого-то конкретно.

Икеля Рейо. А судьи тоже относятся с пониманием, сочувствием?

Коваленко. Я говорю не о судьях и не о народных заседателях, а о публике. А что касается судей, то я уверен, они примут объективное решение, на котором не скажутся никакие эмоции. Суд посетил станцию, чтобы представлять себе более четко ситуацию. Я могу вам дать еще и такую информацию. Сейчас уже определено, что вся 30-километровая зона будет «заповедной», если можно так сказать, то есть будет продолжаться дезактивация, определенные сельхозработы, но полностью возвращать зону к тому, чем она была до аварии, мы не намерены. Не потому, что не позволяет фон, а из тех соображений, что люди переехали, получили новые квартиры, дома, и дергать людей туда-сюда просто нецелесообразно.

Сивиньский. Сможет ли население возвратиться сюда, если не будет опасности?

Коваленко. Если не будет опасности, то думаю, что да.

Сивиньский. Насколько я слышал, несколько сот людей уже живут в зоне?

Коваленко. Да, в зоне есть деревни, которые уже реэвакуированы. Несколько сот людей действительно вернулись в деревни, где нет угрозы здоровью; но официально реэвакуация в этих деревнях не была объявлена. Вернулись, как правило, люди пожилые. Их не выселяют вновь потому, что угрозы здоровью действительно нет, но специально никого, кроме уже реэвакуированных 16 деревень, пока еще не возвратили.

Сивиньский. Когда это случилось?

Коваленко. Они были резвакуированы еще в прошлом году. А сейчас еще 50 населенных пунктов полностью готовы к резвакуации.

Джереми Харрис. Би-би-си. Ходят слухи, что судебный процесс задержался из-за болезни Дятлова?

Коваленко. Да, слушание дела намечалось на 18 марта 1987 года. Но в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья Фомина, а не Дятлова, он был перенесен. В марте Фомин проходил курс лечения и вышел из больницы в конце апреля. Дятлов был в свое время болен, но процесс перенесли не из-за него.

Икея Рейо. А Брюханов?

Коваленко. Он не был болен. Из всех троих наименьшую дозу получил Брюханов. Самую большую — Дятлов.

На этом пресс-конференция в здании правительственной комиссии была окончена.

После того как был заслушан приговор, в пресс-центре здания суда А.П. Коваленко дал следующие пояснения:

— Я обещал вам сказать, против кого еще возбуждены уголовные дела. Уголовные дела возбуждены:

1. В отношении лиц, не сумевших обеспечить должной защиты людей от радиации;
2. В отношении некоторых ответственных работников Минэнерго СССР, не проявивших должного контроля за работой станции и обеспечения на ней безопасности;
3. В отношении некоторых проектировщиков.

«ПРЕНЕБРЕГАЯ СЛУЖЕБНЫМИ ОБЯЗАННОСТЯМИ»...

Что вынесли зарубежные корреспонденты из наблюдений судебным процессом в Чернобыле?

ЛАРС ЭРИК ХЭГГМАН. Швеция.

Телеграфные агентства Скандинавских стран.

Шесть обвиняемых на судебном процессе в Чернобыле приговорены в общей сложности к 40 годам принудительных работ в тюремных лагерях. Переполненный зал суда, временно оборудованный в Доме культуры г. Чернобыля, стоя слушал приговор, который в течение полутора часов зачитывал заместитель председателя Верховного суда СССР Раймонд Бризе.

Только один из осужденных проявил какие-то чувства, когда было объявлено о наказании. Это был главный инженер Николай Фомин, который, сжав кулаки, со

слезами на глазах пытался отыскать среди других взгляд своей супруги по ту сторону разделявшего их в зале суда барьера.

Предельный срок наказания, который предусматривает приговор для Фомина, — 10 лет в лагерях принудительного труда. Такие же сроки ожидают директора станции Виктора Брюханова и заместителя главного инженера Анатолия Дятлова. Они держали себя очень сдержанно, слушая приговор.

Начальник смены Борис Рогожкин, дежуривший в то время, когда на станции случилась беда, приговорен к 5 годам принудительных работ, между тем как начальник реакторного цеха Александр Коваленко приговорен к 3 годам и Юрий Лаушкин, государственный инспектор, к 2 годам принудительных работ.

Приговор основывается на трех различных статьях Уголовного кодекса УССР. Статья 220 означает нарушение инструкций по безопасности, действующих на взрывоопасных предприятиях. Отягчающими вину обстоятельствами в данном случае являются смерть людей и другие серьезные последствия.

Две другие статьи этого же кодекса, на которые ссылались, — это 165-я и 167-я. Они касаются злоупотребления властью и служебным положением, а также безответственности в выполнении порученной работы.

Десяток западных журналистов и два десятка их советских коллег имели возможность присутствовать в среду при оглашении приговора на заключительном заседании суда, начавшемся 7 июля. Заседания проходили в городе Чернобыле, на закрытой территории в 1000 квадратных километров, всего в 23 километрах от места, где случилась самая серьезная в мире авария, которая когда-либо имела место на атомных электростанциях.

Согласно приговору, который зачитывал председатель суда, в ту ночь проводился эксперимент совершенно закрытого типа¹. Речь шла о том, что дважды заканчивалось неудачей в 1982 и 1985 годах, — попытка увеличения производства электроэнергии посредством остановки реактора и наблюдения за тем, как долго после остановки последнего будет вырабатываться электрический ток².

Для этого была отключена система безопасности и введена система питания от дизельгенератора. Дежурный персонал потерял контроль над реактором, который впоследствии взорвался.

Кроме этого недопустимого эксперимента, говорилось о некоторой несогласованности в действиях, когда речь в приговоре шла о причинах аварии. Таким образом, человеческие жизни подверглись риску, запаздывали аварийные работы, эвакуация задерживалась.

¹ Из предыдущего содержания книги читателю, по-видимому, ясно, что эксперимент не был секретным. Парадокс, но испытывалась одна из дополнительных технологий безопасности.

² Суть эксперимента объяснена неверно; но в данном случае это для нас несущественно.

Весь этот сложный ход событий уложился в судебный процесс, продолжительностью три недели. 40 свидетелей и 5 экспертов способствовали выяснению как технической, так и практической стороны того, что происходило до аварии, во время нее и после нее почти полтора года назад.

По словам председателя суда, все шесть обвиняемых признали свою вину частично. Сейчас же директор станции Брюханов оказался виновным как в нарушении техники безопасности, так и в злоупотреблении служебным положением. Главный инженер Фомин и его ближайший помощник Дятлов обвинялись лишь в нарушении правил техники безопасности. В трех упомянутых случаях были совершены преступления с отягчающими вину обстоятельствами.

Шестнадцатое заседание суда, посещение места аварии, высказывания девяти родственников потерпевших привели к тому, что начальник смены, начальник РЦ и государственный инспектор были осуждены за допущенные нарушения в работе и безответственность.

Только что закончившийся главный судебный процесс, на котором в качестве слушателей присутствовали почти 200 человек, является не единственным процессом по делу об аварии. Состоятся еще три процесса, прежде чем все юридические обстоятельства будут выяснены.

Местные власти, медицинский персонал, работники технического надзора были обвинены в небрежности, когда дело касалось защиты населения от радиации.

Часть работников Министерства энергетики также ожидает судебное расследование. В данном случае речь идет о недостатках в осуществлении контроля над должностными лицами.

И на третьем процессе будут выдвинуты обвинения против проектировщиков реактора за недостатки в конструкции. Место и время, когда состоятся эти процессы, в Чернобыле в среду не оговаривались.

Город Чернобыль все еще хранит в себе черты строгого соблюдения правил радиационной защиты, несмотря на то, что дозы радиации уже спустя год после аварии соответствуют нормам, установленным комиссией по ядерной энергии.

Из ранее проживавших здесь 12 тысяч человек, нет никого, кто бы возвратился. Тем немногим, которые получают разрешение на въезд в закрытую зону, предлагается находиться как можно меньше на открытом воздухе, не сходить на обочины и не курить на открытом воздухе. Возле домов, которые используются как служебные помещения, стоят корытца с водой, где люди обмывают обувь перед тем, как войти в здание.

Наряду с этими мерами безопасности наметились определенные успехи в «выздоровлении» диких ягод и овощей.

Между тем грандиозные мероприятия уже позади: вырубка участков леса вблизи станции, снятие грунта, мероприятия по дезактивации.

Это касается только близлежащих к станции участков, и посторонний посетитель может наблюдать в Чернобыле другие признаки катастрофы: заброшенные дома и сады, корытца с водой у входа в здание. Сегодня в зоне работают 7800 человек. Количество военнослужащих, которые работают в зоне, неизвестно.

Пространную публикацию по работе суда поместила газета «Унита» 9 июля, предварив ее заголовком *«В Чернобыле трудный политический процесс»* (автор статьи Джульетто Кьеза).

Специалисты, имеющие множество наград за заслуги перед государством, целые годы работали в атмосфере беспорядка и отсутствия дисциплины. Таким образом, процесс приобретает политический характер, и то, как он будет проведен, его результаты, непосредственно касается судеб перестройки.

Так оценила «Унита» социальную значимость суда в Чернобыле. Джульетто Кьеза подверг довольно резкой критике отсутствие каких-либо подробностей в сообщениях о суде, сделанных ТАСС. «Очень трудно избавиться от впечатления, что этот эпизод не отражает «гласность Горбачева», — пишет он.

Вызвало недоумение и место проведения судебных заседаний.

Без сомнения присутствие иностранных журналистов на первом заседании явилось знаменем нового, проявлением уважения к международному общественному мнению. Но остается главный вопрос: почему столь важный процесс в самых своих основных и драматических фазах проходит столь далеко от внимания всего мира? Уголовный кодекс УССР предполагает, что судебный процесс должен проходить в том месте, где было совершено преступление. Однако каждый понимает, что проводить его в центре этого ада, населенного «сталкерами» из пророческого фильма Тарковского — это решение политическое. Это подтверждает и тот факт, что Раймонд Казимирович Бризе, который стоит во главе судебной тройки, является заместителем председателя Верховного Суда СССР, а государственное обвинение представлено Юрием Шадриним, первым помощником Прокурора Советского Союза. И первый, и второй занимают более высокое положение, чем представители судебного ведомства Украинской республики. Нет никаких сомнений, что процесс этот очень трудный. Это было видно с первых минут, когда все шесть обвиняемых отвергли полностью или частично обвинения, которые были им предъявлены на основании статей 220, 165, 167 украинского Уголовного кодекса. Два других эпизода очень значительны. Первый произошел сразу же, когда среди публики — после конкретного вопроса председателя суда — появился один из свидетелей. Свидетель, молодой человек в костюме цвета хаки, в которых работают в «зоне», был

немедленно удален из зала суда. Второй эпизод, когда председатель Бризе спросил обвиняемых, нет ли у нас возражений к составу коллегии экспертов (группа из восьми человек, среди которых ученые, техники, руководители атомных станций, большей частью из Москвы), принимавших участие в расследовании и призванных помочь суду при обсуждении технических подробностей.

Обвиняемый Борис Рагозин, начальник смены в момент аварии, попросил, чтобы в коллегию был введен новый член. Среди публики в зале поднялась средних лет женщина (фамилия ее Кузьмина, работает на АЭС), которая после короткого совещания между председателем суда и представителем обвинения, была приглашена сесть между экспертами за загородку. Более чем молчаливые адвокаты — защитники шести обвиняемых присутствуют на процессе, но советский Уголовный кодекс отводит им самую незначительную роль. Трое из них москвичи, остальные из Киева. Один из наших сопровождающих сказал нам, что адвокаты выбраны обвиняемыми и что все они хорошо известны. Но ни один из них ничего не возразил против материалов следствия, находящихся в странном противоречии вообще с конечными целями защиты. Кто знает, может быть, они еще найдут смягчающие вину обстоятельства.

У этих шестерых, подвергнутых сегодня общественному презрению, грудь покрыта медалями, даже если они и не могут больше показать их. Почти все (кроме инспектора по безопасности) члены партии, впрочем, уже бывшие. Все они были удостоены кто ордена Октябрьской Революции, кто ордена Трудового Красного Знамени, кто почетных дипломов за заслуги перед государством. Как же могло случиться, что те же люди, к тому же облеченные огромной ответственностью, смогли совершить действия столь безрассудные, столь ужасающе откровенные в своем пренебрежении к жизни и безопасности населения? Как это возможно, что они могли работать годы и годы в подобной атмосфере беспорядка и недисциплинированности — индивидуальной и коллективной, в которой нарушалась каждая элементарная норма? Разве не ясно, что они были и являются частью общего климата безразличия и лжи, сформированного в долгие годы «двойной правды»? Но если это так, процесс в Чернобыле является политическим процессом в более глубоком смысле, чем проблемы, касающиеся сложных вопросов применения атомной энергии в мирных целях. Провести его хорошо или плохо, рассмотреть все до конца или остановиться на полдороге — вот вопрос, который самым тесным образом связан с судьбами перестройки.

Вальдемар Сивиньский, корреспондент газеты «Штандар млодых», ПНР, наиболее полно рассказал о характере обвинительного заключения. Несомненно, он едва ли

был беспристрастным свидетелем происходящего, ведь часть территории Польши оказалась как раз на пути радиоактивного облака в апреле 1986 года. В то время ПНР называли как одну из наиболее пострадавших стран. Несколько ранее В. Сивиньский уже побывал в районе Чернобыля, где собирал материал для книги об этих событиях. На время своей командировки он поселился в вахтовом поселке Зеленый Мыс, где имел возможность встречаться со многими людьми, работающими на станции, и в целом «владел обстановкой», когда речь шла о чернобыльских делах. Именно поэтому, как представляется, его публикация о процессе наиболее полно и объективно отражает происходящее.

Приводим выдержки из его публикации о первом дне заседания суда.

...Эту 130-километровую трассу Киев — Чернобыль могут в настоящее время преодолеть только машины и лица, имеющие специальные пропуска. До находящегося примерно на середине пути районного центра Иванков не видно никаких специфических признаков, связанных с аварией, случившейся более года назад. Зато через двадцать километров после Иванкова видны военные лагеря, расположенные почти рядом с шоссе. Образцовый порядок, выставленная ровными колоннами техника, гладко натянутые полотнища палаток, бараки из гофрированной жести и дерева, забетонированные и заасфальтированные аллеи — все свидетельствует, что пребывание здесь планируется не на месяц или два.

Несколькими километрами дальше, возле деревни Дитятки, издали видны знаки «Стоп!», красно-белые шлагбаумы и цепь грузовиков, возле которых ходят люди с дозиметрами. На стоящем рядом с дорогой указателе надпись «Чернобыль — 21, Припять — 37». Заканчивается доходящее до горизонта цветущее поле картофеля и начинаются перелogi. Только кое-где выглядывает из буйной травы колос пшеницы. Это самосев несобранных прошлогодних урожаев. Долгие годы здесь будут перелogi. В Дитятках начинается зона наибольшего заражения, закрытая зона. Постоянным, самым волнующим элементом этой зоны станут теперь брошенные, зарастающие сорняками деревни по обеим сторонам, шоссе.

Перед самым Чернобылем проезжаем брошенную ферму с фигурой дородного племенного быка у ворот. Сразу за фермой въездной указатель с надписью «Чернобыль», украшенный сверху каменной моделью атома. Город энергетиков. Город атомщиков. Еще недавно это звучало так гордо...

Центр Чернобыля сверкает чистотой. Сверкает в буквальном смысле, так как каждые несколько часов улицы моются мощными потоками воды при помощи дождевальных машин.

Когда я был здесь в апреле этого¹ года, в границах города заканчивались дезактивационные работы, а в центре убирались тротуары и обочины улиц. Часть рабочих и солдат работали в противопылевых масках. Аналогично были одеты дежурные дозиметрических постов, контролирующих въезд и выезд из зоны. В начале июля настоящего года людей, одетых таким образом, в Чернобыле я уже почти не встречал.

Зато в разных точках Чернобыля можно встретить метровой высоты оранжевые дозиметрические устройства с характерным вентилятором, автоматически передающие результаты измерений в вычислительный центр. Эта система автоматического контроля радиационной ситуации охватывает всю территорию 30-километровой зоны и прилегающие районы...

Обвиняемые были доставлены в зал судебного заседания за полчаса до начала процесса, трое из них находились в предварительном заключении. 1987 года.

Ровно в 13.00 секретарь суда произнес традиционное «Прошу встать, суд идет!».

Из-за портьеры, заслоняющей место, где раньше находилась сцена, первым вышел председатель судейской коллегии, член Верховного Суда СССР Раймонд Бризе. За ним — народные заседатели Константин Амосов и Александр Заславский, а также участвующая в процессе в качестве запасного заседателя Татьяна Галка.

В официальном темно-синем мундире с золотыми лацканами вошел государственный обвинитель по этому делу, помощник Генерального прокурора СССР Юрий Шадрин. Он приводил обвинение по статье 220 пункт 2 Уголовного кодекса Украинской ССР, предусматривающей ответственность за нарушение основ техники безопасности на предприятиях с высокой угрозой взрыва, что повлекло за собой человеческие жертвы и другие тяжелые последствия.

После непродолжительного вступительного слова Раймонд Бризе приступил к установлению личности обвиняемых. Со скамьи подсудимых они вставали поочередно и приводили основные факты своей биографии:

Виктор Брюханов, 52 лет, по образованию — инженер-энергетик, в 1978-1986 годах директор Чернобыльской атомной электростанции, женат, двое детей, награжден многочисленными медалями, 3 июля 1986 года

¹ 1987 года

исключен из партии, с 13 августа 1986 года — в предварительном заключении.

Николай Фомин, 50 лет, до 1986 года главный инженер Чернобыльской атомной электростанции, женат, двое детей, в июле 1986 года исключен из партии, с 13 августа 1986 года — в предварительном заключении.

Анатолий Дятлов, 56 лет, до 1986 года заместитель главного инженера по вопросам эксплуатации третьего и четвертого энергоблоков, после 4 декабря 1986 года исключен из партии и находится в предварительном заключении.

Александр Коваленко, 45 лет, до аварии начальник реакторного отдела, в настоящее время инструктор учебно-тренировочного центра электростанции.

Борис Рогожкин, 53 лет, во время аварии начальник смены, в настоящее время старший инженер в отделе ядерной безопасности Чернобыльской атомной электростанции, исключен из партии в августе 1986 года.

Юрий Лаушкин, беспартийный, до момента аварии и в настоящее время старший инженер контрольных служб.

У каждого обвиняемого свой адвокат. Три защитника работают в Москве, а трое других — в Киеве.

Обвинительный акт зачитывался секретарем суда в течение двух часов. Директор станции и его сотрудники обвиняются в том, что, пренебрегая своими служебными обязанностями, они допустили проведение на электростанции недоработанного с научной и технической стороны эксперимента, приведшего, как известно, к катастрофе. В результате был уничтожен четвертый энергоблок, заражена радиоактивными осадками окружающая среда в районе электростанции, стала необходимой эвакуация 116 тысяч человек, в том числе жителей двух городов: Чернобыля и Припяти, погибло 30 человек, в том числе двое в момент аварии, а несколько сот других подверглись различным степеням лучевой болезни.

После аварии обвиняемые не предприняли в должное время действий, направленных на ограничение ее последствий для работников электростанции и жителей окрестных районов. Не были организованы необходимые спасательные операции, люди из опасной зоны были высланы без дозиметриста, контролирующего уровень заражения, предпринимались попытки фальсифицировать информацию об истинной опасности происшедшего (например, директор электростанции передавал утром 26 апреля своему руководству, что на территории электростанции и вокруг нее радиационный фон составляет 3-6 рентген в час, в то время,

как он уже был извещен начальником гражданской обороны о том, что радиационный фон составил 200 рентген в час).

Когда судья задавал обвиняемым вопрос, признают ли они себя виновными, в зале была абсолютная тишина. Коваленко, Рогожкин и Лаушкин заявили, что считают себя невиновными, а Брюханов, Фомин и Дятлов признали свою вину лишь частично, в пределах невыполнения некоторых служебных обязанностей (статьи 165, 167 Уголовного кодекса), в аварии же реактора они считают себя невиновными, возлагая ответственность на конструкторов.

Максимальное наказание по статье 220 составляет 10 лет тюремного заключения. По статьям 165 и 167 максимальное наказание составляет 5 лет тюремного заключения. Ввиду того, что в советском законодательстве не предусматривается суммирование наказаний, присуждаемых по различным статьям, обвиняемым, если они будут признаны виновными, грозит максимальное наказание 10 лет лишения свободы.

Процесс проводится Верховным судом СССР. Это означает, что апелляция по его приговору может быть подана лишь в Верховный Совет СССР.

В оббитом голубым и кремовым полотном бывшем зрительном зале черновыльского Дворца культуры дают показания очередные свидетели. Наиболее известные советские эксперты в области ядерной энергетики помогают установить правду о технической стороне аварии. Каждые полчаса молодые солдаты с эмблемами внутренних войск СССР молча сменяются на страже возле доставленных на процесс из предварительного заключения Брюханова, Фомина и Дятлова...

Процесс в Чернобыле продолжается.

Своеобразный редакционный комментарий на Чернобыльский процесс поместил американский журнал «Ньюсуик» в номере от 10 августа 1987 года (Интересно, что на суде в Чернобыле корреспондента этого журнала не было.) После кратких сведений о месте его проведения и основных последствиях в публикации был сделан упрек, что большая часть суда была закрыта для зарубежной прессы, приводилась мера наказания: суд приговорил «директора станции, главного инженера и его заместителя к 10 годам исправительных работ каждого; три их подчиненных получили меньшие сроки».

Приговоры «хотя и суровые по американским стандартам», но — относительно мягкие по сравнению с другими в отношении правонарушений, совершенных работниками умственного труда. «Сталин расстреливал за «ошибки», а во времена Хрущева, по крайней мере, двое валютчиков и дельцов с золотом были казнены за преступления в области экономики...»

Далее автор (или авторы) не прямо, но косвенно говорят о чисто политическом характере процесса: «Суд в Чернобыле был частью кампании... в целях нейтрализации ущерба, нанесенного Кремлю замалчиванием чернобыльской аварии в течение более чем двух дней...» Да, наверное, тем, кто писал это, очень хотелось, чтобы все было так однозначно. Но жизнь намного сложнее. И последующее замечание о попытке «переубедить советских людей и соседние страны, что советская ядерная техника не виновата», не стало откровением. Спустя некоторое время после появления этой статьи советские специалисты в Вене подтвердили существовавшее ранее как предположение мнение зарубежных (да и советских) специалистов, что реакторы чернобыльского типа до аварии несли «опасность в себе». В трудном процессе гласности и на это требуется время. И благо, что мы находим в себе силы и мужество называть вещи своими именами и исправлять то, что было сделано плохо. И понимаем, что другого пути нет.

«Полезный и поучительный опыт»

Несомненно, что в «Ньюсуик» почерпнули сведения из тех же источников, что и другие печатные органы: от корреспондентов, работавших в Чернобыле, или их коллег. Опыт освещения больших процессов в нашей стране зарубежными корреспондентами не очень богат. Суд над Г. Пауэрсом в начале 60-х годов, над Рустом (по иронии судьбы, тоже пилотом) в 1987 году — вот, пожалуй, наиболее известные случаи. Тем интереснее для нас оценка, данная самими журналистами, организации их работы на суде.

Помещаем краткие интервью с некоторыми из них, ведь то, что они говорят,— это тоже восприятие нашей страны за рубежом, это тоже оценка сложных общественных процессов, происходящих в нашем обществе. И что важно отметить — ни в одной из десятков публикаций о суде, даже крайне негативных, резких, не было сказано ни одного слова упрека в адрес организаторов работы пресс-центра. Но послушаем, что об этом говорили сами журналисты сразу после окончания работы в Чернобыле.

Джереми Харрис, корреспондент Би-би-си, Великобритания.

Вопрос. Вы удовлетворены условиями, предоставленными для работы на суде?

Ответ. Условия были замечательные. Мы позвонили в Лондон с помощью ваших сотрудников, связь была действительно очень хорошего качества. Это позволит Би-би-си в Лондоне опубликовать репортаж своего корреспондента в течение часа. Процесс закончился. И я думаю, если бы мне сказали, прежде чем я приехал сюда, что это возможно, я бы сказал: «Бросьте шутить, не смейтесь надо мной». Поэтому мы действительно очень довольны возможностями, которые были предоставлены здесь. Я приезжал на открытие процесса, как вы знаете, и наши условия работы и тогда были очень хорошими. Ваши сотрудники очень помогали нам. Я думаю, у

меня есть лишь одно пожелание — если бы нам разрешили увидеть больше заседаний. Но это не имеет отношение к вам¹ лично.

Вопрос. Каково ваше впечатление непосредственно о суде? Вы слышали много о советских законах и знаете, в чем обвинялись подсудимые...

Ответ. Да, я понял. Довольно трудно дать правильную оценку, я думаю. Потому что, как я уже говорил, мы видели только ограниченную часть суда. Мы не видели опроса шести обвиняемых, свидетелей, что было действительно интересно. Когда судебное разбирательство только начиналось, все шестеро подсудимых имели возможность заявить, что они не считают себя виновными... и в конце один из подсудимых, мистер Фомин, был действительно частично оправдан. Поэтому мы отчасти видели, как работает советское правосудие. И это уже само по себе было стоящим и просто замечательным опытом для нас, потому что как западные корреспонденты мы не видим многого, что происходит внутри советской правовой системы. Так что это был полезный и поучительный опыт также и с этой точки зрения.

Вопрос. Что вы думаете о наказании подсудимых?

Ответ. Я не юрист, не специалист по правовой системе. Я думаю, что подсудимые получили наказание максимально возможное в рамках вашего закона. Выдвинутые против них обвинения были, несомненно, серьезными.

Вопрос. Это так. Но как человек, зная последствия аварии, считаете ли вы наказание адекватным?

Ответ. Как я уже сказал, я не считаю себя вправе судить об этом. Я согласен с вами, миру известно, что катастрофа была очень серьезная. Были ли они единственными людьми, кто нес ответственность за это, мне неизвестно. И невозможно сказать с абсолютной точностью, достаточно этого или нет. Некоторые люди более склонны осуждать других. И это отразилось в приговоре, вынесенном судом. Но сказать, наказание слишком строгое или слишком мягкое, — я не могу.

Джеральд Надлер, ЮПИ, США.

Вопрос. Каковы ваши общие впечатления о судебном заседании?

Ответ. Первый и последний дни были открытыми. Другие, очевидно, касались технических вопросов. То, что два дня были открытыми, — очень хорошо. И я могу только положительно отозваться о том, что я видел. Я, как и многие американцы, с момента аварии сочувствую пострадавшим, также я сейчас сочувствую подсудимым.

Вопрос. В целом вы удовлетворены предоставленными вам условиями?

Ответ. Конечно, здесь очень хорошо налажена связь. Никаких задержек, все нам помогают. Девушка выполняет заказы быстро¹. Нам помогали и в судебном зале,

¹ Здесь и далее интервью брал Ю. Рисованный

ведь процесс проводился на иностранном для нас языке. В других странах такой помощи нет.

Вопрос. Вы впервые приехали в Чернобыль — место, о котором сами много слышали. Сейчас вам приходится писать об одном из событий, которые здесь происходят. Какие у вас ощущения того, что место это необычное — о нем много пишут в связи с аварией?

Ответ. Само название «Чернобыль» стало знаком трагедии, связанной с атомной промышленностью, как и «Тримайл Айленд». И то, что мы видим своими глазами город, где жили 14 тысяч человек, а сейчас здесь пусто, конечно, это производит большое впечатление на любого человека.

Ларе Эрик Хэггман, информационные агентства Скандинавских стран.

Вопрос. Вы удовлетворены организацией вашего приезда сюда, в Чернобыль. Каково ваше общее впечатление?

Ответ. Я думаю, это очень хорошо, что мы можем находиться здесь и видеть, какие решения принимаются. Я очень благодарен за эту поездку.

Вопрос. Сколько стран вы добираетесь информировать о процессе?

Ответ. Я подготовил одну статью, которая идет во все газеты, на радио и телевидение Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании. Мы подготовим более обширную информацию сегодня вечером в Киеве и также передадим ее в эти четыре страны.

Шандор Тамаши, МТИ, Венгрия.

Вопрос. Ваше мнение по поводу организации вашей работы здесь? Что вам понравилось, что не понравилось?

Ответ. Во-первых, хочу выразить благодарность от имени своего агентства и от себя лично за то, что мне была предоставлена возможность приехать в Чернобыль на последнее заседание суда. Хочу поблагодарить всех советских товарищей, пресс-центр МИД, наших украинских товарищей за то, что они создали прекрасные условия для нашей журналистской работы.

Вопрос. Скажите, какую реакцию вызовут результаты суда в Венгрии?

Ответ. Уверен, что в Венгрии ожидали, что виновные в аварии получат по заслугам; думаю, что у меня в стране приговор будет воспринят с удовлетворением, особенно то, что возбуждены еще три дополнительных дела, расследование которых раскроет халатность и безответственность работников, повинных в трагедии, происшедшей в апреле прошлого года.

¹ Оператор международной телефонной связи.

*Бранко Влахович, «Виесник»,
ТАНЮГ, Югославия.*

Вопрос. Имеете ли вы какие-либо претензии к организации вашей работы здесь?

Ответ. Претензий не имею. Думаю, все было организовано отлично. Мы очень быстро получили телефонную связь, я в Чернобыле уже третий раз и очень доволен той информацией, которую получаю, и возможностью фотографировать. Нравится и организация, и человеческое отношение. Надеюсь еще раз приехать в Чернобыль, потому что я действительно удивлен, как быстро смогли советские люди при такой трагедии восстановить порядок и работу станции.

Вопрос. Ваше впечатление по поводу итогов суда и каким будет общественное мнение в Югославии?

Ответ. Я сентиментальный человек. Когда это случилось, я имею в виду аварию на ЧАЭС, в Югославии считали, что мера наказания виновных в случившемся должна быть высшей. Сейчас же я как журналист должен быть объективным, но я сочувствую подсудимым, потому что видел слезы их семей, лица подсудимых. Я сейчас говорю как человек, а не как журналист. Я видел их лица, на которых написана вина в смерти 28 человек, и наибольшее наказание для них — это чувство вины. Я не согласен с высказыванием одного из журналистов из первой группы, что только один подсудимый переживает. По-моему, переживают они все. Не надо ожидать, что они заплачут, они ведь взрослые люди, но по лицам видно, как им нелегко.

Манфред Брайтске, ЦДФ, ФРГ.

Вопрос. Вы довольны своей работой, которую проделали здесь?

Ответ. Мы очень довольны отснятым сюжетом; мы разошлем его во все концы света.

Вопрос. В какие страны пойдет материал?

Ответ. Сегодня в ФРГ, Англию, США, ну и т. д. Все хорошо организовано, информацию мы получили достаточную.

Время логических парадоксов

Казалось бы, за более чем полтора года, с апреля 1986 года по январь 1988 года, о Чернобыле было сказано и написано все. Но авария еще долго будет на слуху, катастрофа оставит если не раны, то жесткие рубцы в человеческой памяти. И все последствия в их полном объеме нам еще только предстоит осознать, постигнуть. Но это будет лишь развитием того, что уже изучено и в плане медицинских последствий, и с точки зрения совершенствования техники — поиски более безопасных технологий, альтернативных источников энергии; в социальном плане — необходимость учитывать мнение большинства простых людей всякий раз,

когда возникает необходимость принимать решение о строительстве энергонасыщенного производства или объектов, где используются или производятся опасные для здоровья человека вещества и т. д. Все это в конечном итоге будет так или иначе соотноситься с экологией, а человек, как известно,— тоже часть биосферы, и речь идет о его выживании как вида.

В нашем частном случае — применительно к Чернобылю — мы столкнулись с парадоксом, который по сути своей закономерен: по мере нормализации обстановки в «зоне» и вокруг нее, при всем том, что в реакторы чернобыльского типа были внесены изменения, исключающие возможность новой аварии с разрушением их активной зоны, возрастает, а не угасает обеспокоенность общественности расширением использования ядерной энергии. Мы наблюдаем это у себя, но то же могли бы увидеть практически в любой другой стране, на любом континенте. Для нас ново движение «зеленых» — прежде мы лишь читали об этом применительно к западным странам. Но вот к нам в Чернобыль приезжают молодые «зеленые» из «стран Восточной и Западной Европы»¹, а также советские участники этого движения, которые на Украине именуют себя «Зелений світ».

Сродни их заботам и обеспокоенность, высказанная американским инженером спустя некоторое время после аварии в письме в отраслевой журнал².

Разрушительная ядерная авария в Чернобыле была одним из самых страшных событий мировой истории последних лет. Наряду со смертью и причиненным многим людям вредом неисчислимы случаи причинения другого вреда, связанного с экономическими и экологическими последствиями. Прежде всего было сокращено потребление и экспорт многочисленных продуктов питания в Европе, «временно» потеряны выпасы для скота, потеряны урожаи на корню, потребовались огромные работы по возведению жилья в пределах критической близости к месту аварии. Все это наверняка обойдется мировой экономике в миллиарды долларов.

Не менее угрожающ экологический урон. Радиационные шрамы требуют много времени для излечения.

¹ 21 июля 1988 года Чернобыль посетила группа членов международной организации «Европейское молодежное лесное движение», представлявшая около десяти европейских стран. С ними прибыли и «зеленые» Украины во главе с ответственным секретарем Украинской ассоциации «Зелений світ» при республиканском Комитете защиты мира С. Ю. Дудко. Интересно, что в поездке по «зоне» молодые ребята, с интересом осматривавшие все вокруг, категорически отказались выходить из автобуса где бы то ни было, включая саму Чернобыльскую атомную станцию. Никакие уговоры и объяснения, что обстановка там не угрожает здоровью, не помогли.

² Кемикл инжиниринг ньюс. — 1986. — Т. 64. — №27

Чем все это закончится? Можно надеяться, что столь ужасная авария будет иметь и некоторые положительные результаты. Мир был пробужден ужасами ядерных аварий и опасностью новой войны.

В конечном итоге каждый ядерный реактор в мире претерпевает (или уже претерпел) интенсивные проверки на безопасность и будет подвергаться таким проверкам в течение всего времени его эксплуатации. Инженеры (а я отношу себя к этой категории) во всем мире уделяют более пристальное внимание безопасности изобретенных или изобретаемых устройств, механизмов и т. п., касается ли это химических процессов или ядерных электростанций. И практически каждый — от студента до старушки — приходит к выводу о необходимости углубленного понимания проблем мировой экологии.

Общество будет учиться на этой трагедии, и мир станет более безопасным.

*РОДЖЕР С. ТИБОЛТ. Издатель,
«Искусственный интеллект сегодня».
Элквью, Вашингтон, Вирджиния.*

Трудно не согласиться с С. Тиболтом. Об этом же говорят и пишут многие, кто посещает и сейчас 30-километровую зону.

В марте 1988 года редактор специального отраслевого журнала «НьюкLEAR инжиниринг интернэшнл» Джеймс Варли (Великобритания) поместил в своем издании большую статью, в которой поделился впечатлениями о посещении 30-километровой зоны Чернобыльской атомной электростанции. В отличие от остальных публикаций он затронул вопросы будущего станции, «зоны» и проблемы преодоления возможных тяжелых последствий аварий. Будучи специалистом в области атомной энергетики и ее сторонником, он очень серьезно относится к проблеме безопасности реакторов (кстати, это именно та узкая область, в которой он работает). И как специалист, хорошо понимающий суть проблемы, он связывает чисто технические вопросы с гуманитарными — ведь область обмена информацией, техникой, взаимное участие в проектах неизбежно предполагают связи, контакты граждан разных стран. Опыт Чернобыля — это сейчас тот драгоценный капитал, который не должен быть растрочен бесцельно. Он должен стать достоянием всех. Итак, *Джеймс Варли, «Репортаж из Чернобыля»*. Приводим отдельные выдержки.

...Движение на дорогах вокруг станции бывает очень напряженным. Транспорт, перевозящий посетителей внутри 30-километровой зоны, всегда эскортируется милицейской машиной с проблесковыми сигналами

— после того как итальянский режиссер был ранен в автомобильной аварии¹.

Отдел информации и международных связей искусно предвосхищает вопросы гостей.

Обмен информацией. Русские хотели, чтобы мы поняли: суть их деятельности в области обмена информацией состоит в том, чтобы из аварии — раз уж она случилась — была извлечена польза.

«Комбинат» обсудил с гостями из Японии возможности обмена передовой компьютерной техникой, но это вошло в противоречие с обеспокоенностью на Западе по поводу чувствительных технологий.

Как результат концентрации возрастающего советского опыта создается новое специализированное предприятие, названное «Спецатом». Оно использует дезактивированные здания в эвакуированном городе Припяти, где прежде проживали многие из персонала станции.

Одно из назначений «Спецатома» — «оказывать помощь в случае аварии на атомных станциях». Другое — оценить технику, которая может быть использована в таких чрезвычайных ситуациях (например, роботы или защитная одежда). Эта организация занимает сейчас совершенно уникальное место в такой деятельности в свете беспрецедентной степени практического опыта, приобретенного в работе в условиях реальной ядерной аварии. Роботы, как советские, так и зарубежные (например, из Федеративной Республики Германии), как оказалось, повели себя весьма обескураживающе в операциях по разведке и дезактивации в Чернобыле. В частности, им трудно было преодолеть крайне сложную конфигурацию разрушенной атомной станции. Кроме того, высокие гамма-поля выводили из строя бортовую электронику, причем сообщалось, что некоторые машины совершили «самоубийства» — прыгнув со зданий.

На советских людей, совершенно очевидно, не произвела впечатления практичность защитной одежды, которую они испытали. Один костюм (западного производства) вызвал лишь смех у людей, знакомых с реальными условиями работы на ЧАЭС после аварии.

Однако сейчас они говорят, что в СССР «решена проблема производства специального снаряжения для работы в условиях крупных ядерных аварий».

¹ Весной 1987 года автобус, в котором находились итальянские кинодокументалисты, попал в аварию вблизи Чернобыльской АЭС. Руководитель съемочной группы известный режиссер Серджио Дзаполи получил травму, был доставлен в больницу в Киеве, где ему была оказана необходимая помощь. Оператор Франческо Лазаретти и его коллеги покинули «зону» только после того, как полностью выполнили намеченную программу.

В соответствии с последними советскими данными об аварии, необходимо было провести широкомасштабную экспериментальную работу, которая могла бы и должна дать результаты, позволяющие предусмотреть возможные последствия. Когда случилась авария, обнаружилась нехватка измерительных инструментов, которые можно было бы применять при широком диапазоне измеряемых параметров. Когда началась работа по ликвидации последствий аварии, очевидной была нехватка средств для дистанционного управления забором образцов в условиях аварии и для выполнения других важных технических операций.

Например, в том же докладе МАГАТЭ подробно рассматривается широкая программа развития техники контроля за уровнем радиации, которая должна была получить толчок сразу же после аварии.

Советы сейчас вполне очевидно имеют такой фонд практических знаний, которому нет альтернативы, по очень широкому диапазону технологий дезактивации зданий и оборудования: опрыскивание жидкостью и очистка паром; сухие методы с применением полимерных покрытий; очистка всасыванием; ручные способы с растворами. Одну из самых больших трудностей представляла дезактивация огромной площадки открытого распредустройства перед зданием. Легче было построить «саркофаг», чем дезактивировать это.

Пользуясь тем, что публикация Дж. Варли — одна из последних по времени, которыми мы располагали на момент завершения работы над книгой, нам интересно и его свидетельство о тех условиях, которые сложились в районе Чернобыльской АЭС к началу 1988 года. Тем более что в его распоряжении находились собственные приборы, фиксировавшие не только фон, но и накапливаемую дозу излучения. Поэтому его свидетельство представляет для нас определенную ценность. Итак, свидетельство *Дж. Варли*.

Дозы снижаются. Во время моего визита мы стояли в точке примерно в 120 метрах от «саркофага», где я зафиксировал дозу гамма-излучения около 40 микрозивертов в час (4 миллирентгена в час), причем большую часть фона давала скорее земля, чем сам «саркофаг». Коваленко сказал, что помнит то время, когда доза на этом месте была 1000 рентген в час, а затем 30 рентген в час. «А 1 июля 1988 года уровень будет 0,2 миллирентгена в час», — предсказал он.

На территории вокруг станции проводится второй этап работ по дезактивации. Однако заселение 30-километровой зоны на постоянной основе не планируется. Жители 14 деревень внутри зоны уже имели возможность вернуться, но психологические барьеры оказались труднопреодолимыми...

Людям дали возможность взять свои вещи (с учетом степени их загрязненности). Мотоциклы и автомобили остались на специальных площадках, за исключением реквизированных «Комбинатом» для использования в восстановительных работах.

С 1 января 1987 года стало возможным не превышать для каждого работающего в 30-километровой зоне предел в 5 бэр в год, в настоящее время рекомендованный Международным комитетом по радиационной защите. До этого приходилось соглашаться с допустимой дозой до 25 бэр в год. Для контроля персонала использовались «накопители».

Как отметил м-р Уманец (директор ЧАЭС. — *Авт.*), средняя доза для работника станции в 1987 году находилась в пределах 1,4 бэра, но в 1988 году она будет ниже, сказал он.

Карандаш-дозиметр, одолженный в Центральном энергетическом управлении Великобритании, который был при мне в течение шести часов в 30-километровой зоне (это время я провел в машинном зале, у щита управления первым блоком, в Припяти и Чернобыле), зафиксировал накопленную дозу в 19 микрозивертов (по сравнению с 8 микрозивертами, полученными при перелете из Лондона в Москву). Уровни, по-видимому, были слишком малыми, чтобы отразиться на нагрудном дозиметре, который также был со мной (его любезно предоставило Национальное управление по радиационной защите). Это лишь послужило подтверждением того, что доза наверняка ниже 0,1 микрозиверта и, возможно, намного ниже.

Примерно в 35 километрах от Киева находится пункт дозиметрического контроля — как последняя мера предосторожности, призванная обнаруживать загрязнение транспорта, следующего от станции, который мог быть пропущен предыдущими пунктами. Пункт дозконтроля находится на границе 30-километровой зоны, три других пункта — внутри зоны на дороге, ведущей непосредственно к станции. Нашему микроавтобусу «РАФ» жестом руки показывали, что можно следовать без остановки во всех случаях.

Для предотвращения переноса радиоактивной пыли и грязи транспортом существует положение, согласно которому рабочие меняют автобусы, въезжая в 30-километровую зону и покидая ее.

«Саркофаг». Главным шагом в снижении доз до приемлемых уровней было, конечно, завершение строительства «саркофага». Русские предпочитают менее эмоциональный термин — «укрытие», но тут они терпят поражение даже в собственной технической литературе. По словам русских, «саркофаг» не напоминает ни одно сооружение, которое ранее встречалось в ядерной технологии. Около 300 следящих устройств в

укрытом блоке передают информацию в центр данных, размещенный в специальном помещении третьего блока. «Саркофаг» снабжен системой принудительного охлаждения, но к ней еще ни разу не пришлось прибегнуть. Большие емкости с раствором бора установлены под крышей, чтобы залить топливо при первых признаках повышения нейтронной активности.

Во время моего посещения крыша этого сооружения была покрыта снегом, который не таял. К оболочке вокруг поврежденного реактора относится и металлическая разделительная стенка в машинном зале, которую можно видеть вдалеке во время посещения блока номер один...

Весь небольшой городок Чернобыль (некогда — 12 тысяч жителей), который пострадал меньше, чем Припять, также дезактивируется, и многие его дома используются как общежития для дезактиваторщиков на период вахты. Сам, «Комбинат» размещается в новом, специально построенном административном здании в городе.

Станционный персонал и те, кто работает в «горячих точках», живут на период вахт в поселке Зеленый Мыс, который находится за пределами 30-километровой зоны. Этот хорошо оборудованный вахтовый поселок, в котором сейчас проживает 6 тысяч человек, был построен в течение примерно пяти месяцев после аварии, а 46-километровая дорога, которая соединяет его с электростанцией, — в течение трех месяцев¹.

Станционный персонал работает по 12 часов в день на протяжении пятидневной вахты (за которой следует семь дней отдыха)², в то время как другие, занятые в «зоне», работают по десять часов в день на протяжении пятнадцатидневной вахты, за которой следуют 15 дней отдыха, которые эти люди обычно проводят в Киеве или Чернигове.

Однако, как уже отмечалось, есть надежда отказаться от вахтовой системы в марте этого года, когда новый город Славутич — примерно 20 минут поездом от Чернобыля — будет готов. С тридцатью тысячами жителей в итоге это будет «настоящий город с семьями и детьми»...

Каково будущее реакторов РБМК? В настоящее время примерно 500 человек заняты на дезактивации пятого и шестого блоков Чернобыльской станции, расположенных в одном километре от объединенных одним зданием первого — четвертого блоков. Решение о будущем пятого и шестого блоков, которые, как оказалось, находятся в до удивления высокой степени готовности, не будет принято по крайней мере до 1991 года.

¹ В действительности около двух месяцев.

² Это справедливо только для оперативного персонала.

М-р Уманец уверен, что их строительство должно быть завершено, и говорит, что после необходимых изменений «дальнейшая эксплуатация реакторов РБМК не должна быть исключена». Технические и организационные меры, принятые после аварии, «позволяют нам сделать вывод, что того, что здесь произошло, больше никогда не случится», — говорит он. Среди наиболее заметных мер — зеленые дисплеи на жидких кристаллах, показывающие запас реактивности, — мне их показали на щите управления первым блоком, который работает на полную мощность.

Другие советские специалисты в области ядерной энергетики, мягко говоря, настроены немного менее оптимистично относительно будущего РБМК. Около 120 человек в организациях, имеющих отношение к их конструированию, все еще «находятся под следствием».

Однако нельзя не восхищаться мужеством, преданностью и профессионализмом тех, кто занят в восстановительных работах в Чернобыле, и не оценить высокий дух, который поддерживается в 30-километровой зоне в трудных для человека условиях.

Итак, парадокс: в связи с Чернобылем два процесса идут параллельно — стабилизируется обстановка в «зоне» и нарастает движение противников использования ядерной энергии, в частности сложившихся на сегодня принципов размещения станций.

Объединиться против беды

Спустя три года после аварии на ЧАЭС интерес к «Чернобылю», как именуют в мире это событие и все, что с ним связано, не ослабевает. На протяжении 1988 года в «зоне» побывало 380 зарубежных гостей — большей частью специалисты и корреспонденты. А уже к марту 1989 года определилась новая волна посещений: группами или в одиночку гости прибывали в среднем каждый третий день.

Что влечет их сюда?

Причин тому много. И сейчас мы не ставим перед собой задачу непременно все эти причины назвать. Но есть нечто общее для всех приезжающих. Это озабоченность последствиями аварии для здоровья людей. Этот интерес нетрудно понять, ведь в Чернобыле, а точнее — на всей огромной территории, которую мы подразумеваем под этим понятием, в условиях повышенной радиации оказались многие десятки тысяч людей.

Что случилось с ними? Какими родились дети, чьи родители испытали на себе воздействие — в большей или меньшей степени — радиации? Что будет со старинным городом Чернобылем, которому вскоре исполнится восемь столетий, и с совсем еще юным, но уже «городом-призраком» — Припятью?..

А за всем этим встает главный вопрос: так что же все-таки атомная энергия — зло или благо? Ведь все мы на Земле уже живем в ядерном мире. Это реальность. И даже если в какой-то стране, скажем, на Европейском континенте, не будут строить атомные станции, то подобные объекты все равно могут оказаться (и оказываются) рядом — у ближайшего соседа.

Поэтому совершенно очевидно, что в сложившейся ситуации единственный выход — обеспечить безопасность и существующих станций, и создающихся принципиально новых систем, исключить возможность утечки радиоактивных веществ в случае отказа или поломок оборудования.

Но делать это надо всем земным домом, сообща.

Осознание этого побудило людей, обеспокоенных будущим атомной энергетики, необходимостью сведения до минимума ее неблагоприятного влияния на окружающую среду к объединению усилий для практических действий. В мае 1989 года мир узнал о рождении Всемирной ассоциации организаций, эксплуатирующих атомные электростанции (ВАО АЭС). Это первое подобное объединение на неправительственной основе, в котором приняла участие и наша страна. Примечательно, что при его создании отошли на второй план мотивы, которые еще несколько лет назад могли бы стать самодовлеющим бременем на пути объединения народов и стран на разумной, гуманной основе — политические предрассудки, корыстные побуждения, «идеологические» соображения, бравшие, как это нередко случалось в прошлом, верх над здравым смыслом. Их нередко пытались применять к законам физики, химии и биологии, и тогда последние поднимали под себя разумное, общечеловеческое начало и становились вещью в себе.

В отличие от МАГАТЭ, основная цель которого — способствовать развитию производства энергии на атомных электростанциях, обеспечивая их безопасность, Ассоциация призвана заниматься в первую очередь вопросами безопасности. Упреждая возможный вопрос, не будет ли ВАО АЭС дублировать МАГАТЭ, Х. Бликс в обращении к участникам учредительной конференции Ассоциации сказал: «...я думаю, что эти две организации могут дополнять друг друга, каждая из них необходима». Само время поставило нас перед такой необходимостью. И можно не сомневаться, что Чернобыль был не последним в ряду причин, обусловивших появление этой организации.

Инициатором создания Ассоциации выступил председатель Центрального энергетического управления Великобритании лорд Уолтер Маршалл, обаятельный человек, известный ученый-физик, пользующийся большим авторитетом в международном ядерном сообществе, один из организаторов атомной энергетики в своей стране (мы уже упоминали о нем). Интересно, что высокого титула лорда он был удостоен за заслуги в развитии науки. И, кажется, сама судьба уготовила ему

высокую роль — быть выразителем потребности человечества в практическом обеспечении самосохранения в эпоху атомной энергетики.

В 1988 году, когда мысли о будущей Ассоциации обрели конкретные очертания, лорд Маршалл приехал в Москву. Здесь он поделился планами и провел переговоры об участии нашей страны в этой организации. И, конечно, побывал в Чернобыле. Вид земли, истерзанной атомом, встречи с людьми, через чьи судьбы прошла эта ужасная трагедия, лишь укрепили его в сознании правоты начатого дела.

В октябре 1988 года в Париже представители 130 организаций из 26 стран, имеющих атомные станции, собрались на совещание, где было принято решение о создании Всемирной ассоциации. В качестве ее основных целей названы следующие: способствование максимальному повышению безопасности и надежности атомных станций посредством обмена информацией о работе АЭС в нормальном и аварийном режимах; поощрение, сравнение и внедрение практических мер по совершенствованию технических средств и оборудования; обмен опытом по диагностике и ремонту систем станций, усовершенствование подготовки персонала атомных станций и другие.

Поскольку географически Ассоциация охватывает весь мир, то ее структура предполагала создание четырех центров: для Северной и Южной Америки — в Атланте, США; для стран Западной Европы — в Париже; для стран Восточной Европы — в Москве; для стран Азии и Тихого океана — в Токио. В Лондоне находится координационный центр. Честь проведения учредительной конференции была предоставлена Советскому Союзу. И, надо думать, неспроста. 15—19 мая конференция состоялась в Москве. Представители 130 энергокомпаний, других организаций из 32 стран подписали Учредительную декларацию и Устав Ассоциации, другие документы, избрали руководящие органы. Пришла пора практических дел, чтобы не было больше «Уиндскейлов», «Тримайл Айлендов», Чернобылей.

Обращаясь к участникам конференции, Х. Бликс сказал: «Я целенаправленно обращаюсь конкретно к каждому из вас как к атомщику-эксплуатационнику. Каждое звено во всемирной связке атомщиков-эксплуатационников должно быть прочным и надежным. Главным образом именно поэтому вы сделали свой выбор — объединиться, чтобы учиться друг у друга и сделать так, чтобы безопасных стандартов и практики придерживались повсюду.

Посредством накопленного опыта, которым вы располагаете, и прочной взаимосвязи, которую вы уже установили, вы в состоянии помогать друг другу советом в решении возможных проблем, связанных с эксплуатацией. Быстрые и прямые контакты между эксплуатационниками станций имеют существенное значение. Вы также в состоянии — посредством обмена, на длительной основе, опытом и персоналом — узнавать и распространять хорошую практику, которая

сводит до минимума проблемы эксплуатации. Статистика, которой мы располагаем в МАГАТЭ, показывает, что в целом работа атомной энергетики в мире постоянно улучшалась, Улучшается надежность станций, сокращается количество незапланированных остановок блоков, снижаются радиационные дозы. Но все еще существуют большие различия как между странами, так и внутри стран в экономических результатах атомных электростанций, в незапланированных остановках блоков и уровнях радиационных доз. Эти различия, как представляется, не имеют отношения к типам используемых реакторов, но прежде всего зависят от качества руководства и эксплуатации. Доклад по этому вопросу был недавно опубликован Агентством (МАГАТЭ. — *Авт.*) под заголовком «Хорошая практика для более совершенной работы атомных электростанций». В этом докладе вы найдете подтверждение тем предпосылкам, на которых основана ВАО АЭС, а именно — что вы можете многое почерпнуть друг у друга».

В этой книге мы не пытались дать однозначный ответ на вопрос, так до поры и остающийся открытым: ядерная энергетика — благо это или беда? На конференции эта тема также была затронута. В частности, были приведены такие данные. В мире в настоящее время находится в эксплуатации 430 ядерно-энергетических блоков, на которых вырабатывается около пяти процентов мирового производства первичной энергии и почти шестнадцать процентов электроэнергии.

Если бы такое ее количество вырабатывалось в результате сжигания угля, то его потребовалось бы столько, сколько его производит такая страна, как США. В атмосферу дополнительно выбрасывалось бы 1,6 миллиона тонн двуокиси углерода в год. По сравнению с предполагаемым сокращением выбросов на четыре миллиона тонн (или на двадцать процентов) двуокиси углерода в 2005 году, о чем было заявлено на конференции по изменению атмосферы, которая работала в Торонто в 1988 году, — это достаточно существенный показатель, которого мы успели достичь, используя ядерную энергию для производства электрической.

Поэтому нетрудно предположить, что широкое использование ядерной энергии позволило бы отказаться и в дальнейшем от использования топлива, загрязняющего природную среду большим количеством двуокиси углерода.

Но встает вполне закономерный вопрос: что мы можем предложить в качестве альтернативы органическому топливу? Однозначного или, по крайней мере, непротиворечивого ответа на этот вопрос не дает никто. Ведь возобновляемые источники энергии — ветер, солнце, термальные источники, морские приливы — пока не в состоянии обеспечить потребности какой бы то ни было промышленно развитой страны в энергии.

Поэтому неудивительно, что, например, такая страна, как Китай, планирует вдвое увеличить использование угля к 2000 году, Индия — даже утроить. В целом мире потребление угля к концу века возрастет примерно на сорок процентов. Соответственно увеличатся и выбросы двуокиси углерода.

А по имеющимся данным, причиной существующего в настоящее время «парникового эффекта» (или попросту — потепления земной атмосферы в результате ее загрязнения) на пятьдесят процентов являются как раз выбросы двуокиси углерода.

Единственная на сегодняшний день альтернатива — энергия атома. Это реальность. Ведь, несмотря на неприятие ее значительной частью населения, этот вид энергетики все же экологически наиболее чистый. И задача сейчас заключается в том, как сделать его более безопасным.

Несколько слов в заключение

Небольшой по объему материал, посвященный образованию новой всемирной организации, на первый взгляд, не вписывается в тему настоящей книги. Ведь освещение черновыльской темы за пределами нашей страны — чему, собственно, она посвящена,— это не то же самое, что разговор непосредственно о проблеме как таковой.

Но нам представлялось важным рассказать об этом по двум причинам.

Во-первых, как уже отмечалось, Чернобыль послужил предупреждением: «Человек, сила твоя велика. Распорядись ею мудро. Иначе погибнешь!» И появление Всемирной ассоциации — один из ответов на это предупреждение.

После завершения конференции более двух третей ее участников отправились в технический тур в Чернобыль, чтобы своими глазами увидеть то место, где произошла трагедия, убедиться, что ее уроки не прошли даром. Это — во-вторых.

Вот почему этот короткий рассказ представляется более чем уместным.

О том, каким увидели Чернобыль зарубежные специалисты и журналисты в мае 1989 года, мы узнаем, когда они сами напишут об этом.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

ЧАСТЬ I. ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЧЕРНОБЫЛЕ?

Мы не были к этому готовы
Мир узнает о чернобыльской трагедии
Чего не знал «Ньюсуик»
«Советы приподняли завесу над Чернобылем»
Нужна служба информации
Москва, больница №6
Облако над Европой
Конец ядерной мечты?
Некоторые итоги

ЧАСТЬ II. ОДИН РАЗ УВИДЕТЬ...

Открытые двери
Свидетельство Ричарда Вильсона
Год спустя
Эхо пустоты
«Я здесь ни при чем»
«Советская война на истощение на чернобыльском фронте»
Лето 1987 года

ЧАСТЬ III. ПОУЧИТЕЛЕН ЛИ ПОУЧИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ?

Суд и рядом с ним
«Полезный и поучительный опыт»
Время логических парадоксов
Объединиться против беды

Несколько слов в заключение

Научно-популярное издание

КОВАЛЕНКО АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ,

РИСОВАННЫЙ ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

ЧЕРНОБЫЛЬ — КАКИМ ЕГО УВИДЕЛ МИР

Киев, издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь»

Редактор Т. П. ГУМЕНЮК Художественный редактор В. И. ГАЕВОЙ

Технический редактор Т. И. СЕМЧЕНКО Корректоры Л. В. Свириденко, Т. Д. ШАСТАЛ

Сдано в набор 22.03.89. Подписано в печать 07.06.89. БФ 37693. Формат 84x108 ¹/₃₂. Бумага тип. № 1.

Гарнитура литературная. Печать высокая. Цена 65 к.

Ордена «Знак Почета» издательство ЦК ЛКСМУ «Молодь». Полиграфкомбинат ЦК ЛКСМ Украины
«Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК
ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес издательства и полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38-44.